

Джейд Дэвлин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АРКАН ДУШ

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Джейд Дэвлин

Аркан душ

Глава 1. Начало

– Лешка, ты мангал взял? Катерина, позови Найду, пора ехать... Леш, детское кресло не забыл? Никитос, подожди, сначала обуемся... нет, без кроссовок мы на улицу не пойдем. Найда овчарка, ей можно босиком, а тебе нельзя. Потому что ты мальчик, а не щенок... да, жизнь несправедлива, и мать твоя – ехидна. Привыкай. Все, собрались? Леш, возьми его. Котенок, не отпускай собаку с поводка во дворе, некогда ждать, пока она набегается. На даче порезвитесь. Ну, поехали.

Господи, как хорошо, что Никитосу уже почти два с половиной года и мы, наконец, куда-то вырвались из дома! Я ошалела, пока сидела в декрете. Нет, я была безумно счастлива, потому что сына мы с Лешкой хотели, планировали и ждали. И вообще, у меня самый лучший на свете муж, самая замечательная во всем мире дочь, которая в свои тринадцать лет не только вредный подросток, но еще и моя первая помощница и подруга, и самый сладкий во вселенной кукушонок – мой Никитка.

Но все равно, я, с моим шилом в заднице, уже буквально выла в четырех стенах. Лешка на работе, Катюха в школе и на кружках, потом с друзьями... Кукушонок этой осенью пойдет в детский сад.

А я... а я наконец снова вырвусь на просторы вселенной из уютного семейного гнездышка! Ура, товарищи!

Пока вселенная предоставила мне только дачу Лешкиного друга, куда нас пригласили на выходные, потусоваться в хорошей компании, поесть шашлыков, искупаться в лесном озере. Благо, все мужнины друзья тоже семейные, с детьми, так что спиногрызы не будут висеть на взрослых, а вполне весело потусуют в своей возрастной группе.

В шесть утра трасса почти пуста, так что Лешка уверенно гнал под сто двадцать. Первые полчаса Никитос таращился в окно, картаво радуясь пролетевшей мимо закусочной с гигантским мультяшным зайцем на вывеске или мелькнувшей вдали речушке. Потом это ему надоело, и еще десять минут Катюшка героически развлекала брата

игрой в ладушки. Потом и она устала, пришлось прибегнуть к проверенному способу: теперь машина мчалась по гладкому асфальту под аккомпанемент не слишком стройного, но удалого семейного хора. Петь с родителями за компанию Кукушонок обожал чуть ли не с колыбели и готов был музицировать таким макаром часами.

– От улыбки хмурый день светлей! – выводил муж хрипловатым басом, ловко входя в поворот. Найда с заднего сиденья радостно подвыла почти в такт. – От улыбки в небе радуга... Че-е-ерт!

Я завизжала и рванулась через спинку переднего сидения к детям, бестолково пытаюсь схватить, закрыть собой... Дотянулась до Никиткиного детского кресла, вцепилась в ребенка, лихорадочно нащупывая – пристегнут ли? А Катька?!

Откуда взялся несущийся навстречу с огромной скоростью пылающий шар, похожий на метеорит из дешевого кино, мы так и не успели понять...

Светящаяся пульсирующая дрянь прицельно метнулась за пытающейся лавировать машиной и вписалась точно в лобовое стекло. От удара новенькая темно-синяя “Киа” резко взбрыкнула, взлетела над трассой, несколько раз перевернулась в воздухе, объята странно-багровым пламенем, и взорвалась с оглушительным грохотом, разметав по окрестностям то, что еще пару секунд назад было счастливой семьей.

***

– Отрубилась, стерва, – голос из темноты рассыпался хриплым, довольным матом. – Каст, чем ты ее приложил?

– Чем-чем. Дубиной по башке. Эт вы, бла-агородные маги, все умничаете, а мы люди простые.

– Магиню? Палкой? Рехнулся? Она ж тебя б, если...

– Заткнись, видишь, валяется дохлая, и кровь из кочана. Магиня там, не магиня, с пробитой черепушкой никто не выживает.

– Да как же ты? Как?! У нее ж обережье всегда скастовано было, сколько мы эту суку на прочность пробовали!

– Заткнись, сказал, лучше шмотье с нее снимай, пока в кровюке не измазалось. Такое платье больших сверкалов стоит. Как ему, да как... – второй голос стал постепенно удаляться. – Как ритуал почти закончила, так у нее все силы на поддержание круга и ушли. До

капельки. Самое время подкрасться, да и... шевелись, салага, нам еще крысенка остроухого вытаскивать, заказчику волочь.

Кто это говорит? Что вообще происходит? Я сплю? Нет... не сплю...

– Даже жаль, что сдохла, – в незнакомом голосе то ли злорадство, то ли сожаление. Что? Это меня с такой силой пнули в бок, что перевернули, и темнота перед глазами сменилась невнятными туманными сумерками? Где я? Почему так холодно, но почти совсем не больно? Ведь пнули же по ребрам, причем крепко.

– За живую магессу Лелиену половина Зурдарада заплатит золотом по весу! Много крови эта старая сука у тамошних уважаемых людей высосала. Паучиха, бля.

Чьи-то руки проворно шарили по телу, что-то расстегивали и стягивали, ворочали и пихали. Я все чувствовала, слышала, но словно сквозь толстое тяжелое одеяло – приглушенно и с задержкой. И не могла даже моргнуть, не то чтобы пошевелиться.

– Не рассчитал малеха. Надо было слабее бить, все одно эта падаль перегорела. Живую б ее точно задорого можно было продать. Гадюка Лель без магии! Ха! За триста лет ее поганая морщинистая рожа каждой собаке примелькалась, небось не поскупился бы народ скинуться, чтобы самолично в эту ряху откормленную плюнуть да головней ткнуть.

– А с чего перегорела? – серые сумерки постепенно редели, из них проступали ветки каких-то деревьев на фоне вечернего неба и две размытые мужские фигуры, склонившиеся надо мной. А еще стало заметно холоднее, словно меня... раздели?

– Ну дык подправил я кое-чего в круге-то ее, как заказчик велел. Вместо одной души аркан аж пятерых зацепил, не видел, что ли? Пять огней в круге Аристора, тут кто хочешь выгорит. Ха!

Пять... душ... зацепил... пять?! Почему это меня так взволновало, даже показалось на секунду, что к телу возвращается чувствительность?

– Стало быть, заказчик наш голова. Двух пепелюх одним ударом накрыл. И детеныш теперь у него есть, при живой душе, а не пускающий слюни ушастый овощ. А с ним и наследство брательниково. И от магессы избавился – сколько он ей там обещал? Половину? И еще чего-то по магической части, кажись.

– А это не нашего ума дело, как там дальше его светлейшее ушанство свои дела делать собирается. Мы свое отработали: гадюкадохлая, пацан шевелится, даже плакать начал, слышишь? Пищит в яме.

Слышу... я тоже слышу!

– Ма-ма-а-а-ма-а... Па-а-а... Ма-а-а... Най...Най... да... Ка-а-ать... МАМА-А-А!

Никитка... Никитос... Кукушонок!!! Это мой Кукушонок!

Господи... Господи... что происходит? Где я? Где мой сын? Почему... так... трудно... шевельнуть даже пальцем?

– Гляди-ка, лопочет чего-то ушонок. От ведь, черный-то он черный, ритуал этот, а мальчика оживил.

– Херню несешь, Каст. Никого тут не оживили, чужую душу украли, да в ушонка вселили. У себя-то малец скорее всего помер, а ведь наверняка не с под забора выбран. Слышишь, мать зовет? Эх... вот кто небось убивается.

– Дык их же пятеро было, душ-то. Одна, правда, какая-то мелкая да цветом странная. Так что, может, всю семью арканом и захватило, некому убиваться.

– А и так не легче. Гадюке-то одна нужна была, детская, да чтобы мальчик. А остальные...

– Когда круг порвался, разметало вроде как огоньки-то. Один в яму, это я точно видел, еще два вроде тут где-то кружили да пропали, а оставшуюся пару унесло за южный перевал, да шустро так. Видать, там кто-то подходящий как раз помер. Говорят, арканом скраденные души сами ищут, какое тело поблизости на грани смерти, когда своя душа только-только за порог ушла. Может, и этим повезло. Как-никак, а жить будут.

– Угу, успокаивай ее, совесть-то свою, успокаивай. Да только один хрен, за душегубство нам деньги плачены, и нечего теперь соплю размазывать. Знали, на что шли.

Каждое слово этого странного разговора словно отпечатывалось в мозгу, оставляя навсегда выжженный след. Я еще не понимала его смысла до конца, но знала, чувствовала – это очень важно. Почти так же важно, как заставить себя пошевелиться и доползти туда, откуда слышался тихий, безнадежно-отчаянный плач моего сына. Еще немного... чуть-чуть... я смогу! Я смогу, Кукушонок! Потерпи, маленький, я сейчас...

– А ну цыц! Замолкни! Слышишь?

– Ну чего еще? Ох... – хриплый разразился потоком непристойной брани. – Л’Шархи! Стая! Откуда?! Валим!

– Мальца... ушонка надо вытащить! Без него нам сверкалов не видать!

– Рехнулся? Сматываемся! – голос резко отдалился, но паника в нем была слышна отчетливо. – К демонам ушастых с их золотом, я не собираюсь здесь подыхать за ради твоей жадности! Брось тряпки, недоносок, бежим!

Дробный топот затих вдаль, и какое-то время не было слышно ничего, кроме шелеста деревьев и тихих детских всхлипов. Чего они так испугались? Впрочем, я выясню это позже, сначала Кукушонок.

Да! Ох, как больно... Зато мне удалось не просто пошевелиться, но и перевернуться на живот. Еще одно невероятное усилие, до боли закусенная губа, и я уже ползу по мокрой от крови траве туда, где плачет мой сын.

Я уже почти доползла до края глубокой ямы, вырытой посреди вытопанной поляны, когда тихий, на грани слышимости, шипящий рык заставил меня замереть от внезапно накатившего ужаса. Только теперь до меня дошло, что парочка мародеров убежала, бросив всю свою добычу, не просто так.

Оглянуться было страшно, но... здесь мой ребенок. И я должна его защитить, даже если... хотя бы увести опасность за собой, отвлечь. А для этого надо ее видеть.

О господи! Да я этому монстру на один зуб! Эта покрытая бурой свалывшейся шерстью образина размером с лошадь, а пасть у нее, как у крокодила. И еще несколько таких же медленно, не торопясь, окружают поляну, выступая из кустов.

Почти теряя сознание от ужаса, я дернулась в сторону от ямы и громко завизжала... то есть попыталась. Хриплый скулеж – вот все, что у меня получилось. Но тварь послушно кинулась за мной, метнувшись наперерез. Жуткая окровавленная пасть придвинулась вплотную, в лицо пахло тухлятиной, а маленькие светящиеся глазки уставились в упор.

Странные глаза, такие знакомые и абсолютно невозможные на этой жуткой харе.

– Най... Найда?! – кажется, я схожу с ума, и все это – либо предсмертный бред, либо галлюцинации шизофреника.

Здоровенная, страшная, как кошмарный сон импрессиониста, тварь радостно завизжала, и в следующую секунду я была вся покрыта липкой, не слишком приятно пахнущей слюной. Но мне было все равно – я хохотала, как ненормальная, обнимая за шею невероятного монстра с глазами моей собаки.

Хохот постепенно перешел в судорожные всхлипы, меня накрыло истерикой, как лавиной. Правда, ненадолго. Даже на грани помешательства я не могла забыть, что в трех шагах, в какой-то яме плачет мой ребенок. А значит... все истерики потом.

– Охраняй! – уверенно скомандовала я, и монстр, в которого превратилась Найда, с готовностью вскочил на ноги, своим телом загородив меня от других таких же чудовищ, и предупреждающе рыкнул. Удивительно, но те сразу отступили, прячась в густеющей тени.

Тело слушалось отвратительно, нормально встать на ноги не получилось, и я вернулась к яме все так же, ползком. Глубокая... Перегнувшись через край, я напряженно всмотрелась в темноту и позвала:

– Никитос! Никитка!

Детский плач мгновенно стих, больше из ямы не доносилось ни звука. Ох... это же не мой голос, даже близко. Неудивительно, что сын его не узнал и затаился.

– Кукушонок, не бойся, я сейчас спущусь за тобой. У мамы просто болит горло, слышишь? Поэтому у нее такой хриплый голос. Спой мне песенку про мишку, твою любимую. Помнишь ее? – заговаривать зубы сыночку я могла хоть в бреду, хоть во сне, натренировалась за два года. Сейчас главное, чтобы ребенок успокоился и дал мне его вытащить.

– Ма-ам? – недоверчиво переспросили из темноты. – Мама-а! Мишка... косолапы-ый по лесу иде-от...

– Ты мой умничка! Молодец, Никитос! Спой еще, солнышко!

Я быстро огляделась, благо зрение к этому моменту вернулось в норму, если не стало даже лучше моих родных минус трех. Так... Да! Ведь не левитацией же сбежавшие мужики собирались доставать малыша из ямы! Вот эта палка с кое-как прикрученными перекладами и есть здешняя убогая лестница. Плевать, я сейчас и не

по таким ступенькам сойду. Несмотря на то, что тело все еще плохо слушается и вообще ведет себя странно. Словно... до земли стало дальше, что ли? И центр тяжести непривычно смещен, отчего меня порядком заносит.

– Я спускаюсь, Кукушонок, не бойся и не ушибись!!

Перепуганный сын вцепился в меня, как только я его нащупала. Свет в яму почти не попадал, и разглядеть что-то было затруднительно. Оно и к лучшему... Боюсь, Кукушонок испугался бы меня, вряд ли я выгляжу нормально. Ничего, главное, живы, а дальше разберемся.

Наверху нас встретил радостный Найдин скулеж и еще одна порция пахучей слюны. Страшенный волосатый крокодил, в которого она превратилась, ликующе припадал на передние лапы, повизгивал и неумело, но с бешеным энтузиазмом вилял задом.

Что удивительно, новую Найду Кукушонок совсем не испугался, наоборот, уверенно отпихнул клыкастую морду, шлепнул по ней ладонью и засмеялся, уворачиваясь от мокрого языка.

А я без сил опустилась на траву рядом с ямой. Ребенок на моих руках был моим сыном, вне всякого сомнения, но... из-под длинных светлых локонов торчало грязное, но однозначно нечеловеческое ухо. Длинный заостренный кончик забавно пошевелился, когда я убрала его волосы, чтобы рассмотреть подробнее. Если это мне не чудится все от перенапряжения, то мой сын – эльф.

Худенький, почти прозрачный, непривычно мелкий, с тонким, очень белокожим личиком и огромными синими глазищами.

Мой Никитос всегда был крупным бутузом, в папу. Ширококостным, основательно приземистым, крепким, как наливное яблоко. А теперь... ручки-веточки, тонкие полупрозрачные пальчики, ни намека на здоровый детский пухлячок. Они его совсем не кормили, что ли?

– Мама, кушать! – подтвердил мои подозрения сынуля и завозился, пытаюсь нащупать... хм. Кукушонка я уже больше полугода как отлучила от грудного вскармливания, но, по всей видимости, стресс сработал как хорошая напоминалка.

Вот только молока у этого тела нет и быть не может. Кстати...

Никитос уже давно меня и разглядел и пощупал, но его, кажется, совершенно не смутило то, что мама из невысокой – от горшка два

вершка, что называется – пухленькой шатенки вдруг превратилась в довольно рослую, дородную и совершенно незнакомую блондинку.

Он просто не обратил на это внимания! Мама – и все тут.

Я сама далеко не сразу осознала, что это чужое тело, потому и слушается оно меня через пень колоду, хотя чем дальше, тем вроде бы лучше и лучше. Бело-золотые пряди, того самого натурального пшеничного оттенка, которого никакими силами не добиться даже в самой дорогой парикмахерской, выбились из прически и периодически лезли в глаза и в рот, только потому я обратила внимание на их цвет.

Ладно, это все пока не важно. Надо осмотреться, найти чем накормить ребенка и валить отсюда в темпе вальса. Не дай бог, давешние мужики вернутся, вряд ли они обрадуются моему внезапно ожившему телу. Как бы не решили исправить такую ошибку природы. А еще им был нужен мой сын, чтобы отдать какому-то там “заказчику”.

Хрен им всем поперек морды, а не ребенок.

Не обращая внимания на закидоны все еще не слишком послушного тела, я быстро обшарила поляну. Так... яблоко и кусок хлеба тут же вручила Кукушонку, непонятные, по виду парчовые тряпки свернула аккуратным тючком – скорее всего, это платье, которое с меня стянули, но унести не успели. На мне самой было что-то вроде мягкой туники из тонкой шерсти, таких же штанов, заправленных в высокие сапоги – повезло, в общем, с одеждой. Скорее всего, прежняя хозяйка этого тела использовала этот наряд в качестве нижнего белья, но для меня это сейчас лучший вариант.

А вот Никитос таким богатством гардероба похвастаться не мог. Замызганная серая рубашонка, такие же штанишки чуть ли не из дерюги и все. Больше ни одной детской вещички я не нашла.

Уроды, как они собирались куда-то везти моего сына? Босиком, в этом рванье? Хотя они и раньше не слишком бережно относились к ребенку – сунули в яму, и порядок.

Я сгребла в одну кучу все, что нашла мало-мальски полезного, тщательно увязала в чей-то поношенный плащ, подхватила на руки Накитку и решительно направилась туда, где под развесистым кустом улеглась Найда.

Пешком и с ребенком на руках мы далеко не уйдем. А собака дома привыкла носить на специальной шлейке сумки из магазина, да и

верхом на ней Никитос успел покататься. А теперь, с ее лошадиными размерами – сам бог велел.

Найда послушно легла по команде, Кукушонок, относительно сытый, напоенный водой из найденной фляжки и укутанный в чью-то запасную рубашку, радостно захлопал в ладоши. Идея “покататься на собачке” привела его в восторг.

Я так не радовалась, но тем не менее решительно оседлала покрытую свалывшейся жесткой шерстью спину. Весь бок у нее в корке спекшейся крови, словно из него вырвали приличный кусок и еще пожевали. Но раны нет, и животное никак не реагирует, когда я прошупываю это место. Впрочем, мой “пробитый” затылок тоже совсем не болит...

Очень сильное беспокойство внушали остальные “песики”, которые вроде и близко не подходили, но и не терялись из виду, все время мелькая где-то чуть позади. Время от времени Найда на них прыкивала, видимо, для поддержания дисциплины в стае.

А в остальном мы мирно ехали через каменистую долину, направляясь к проступающей на горизонте зубчатой линии. Почему туда? Потому что все равно куда, лишь бы подальше. А это направление уверенно выбрала наша “лошадка”, возможно, инстинкты нового тела подсказывают ей что-то дельное.

Истерика, которую я устроила, опознав в ужасном монстре свою собаку, пошла мне на пользу, но постепенно страх и напряжение снова усилились. Где мы? Как здесь выжить? Как найти Лешку и Котенка?

Так, только не раскисать! Сначала одно, потом другое. Мне и так невероятно, фантастически повезло – со мной Никитос и Найда. И у нас есть все шансы не просто выбраться из этой задницы, но и... не буду пока загадывать.

На ночлег стая волосатых крокодилов устроилась у подножия скалистого утеса, первого в череде таких же голых гигантов, образующих ощеренную в небо челюсть горной гряды. Неглубокая впадина у самой скалы отлично защищала от ветра, удивительно молчаливая компания монстриков устроилась по периметру, надежно отгородив нас от враждебного мира, Найда прилегла в центре, свернувшись клубком вокруг нас с Кукушонком.

Все не так плохо. Вот только вряд ли я усну.

Как же я ошибалась... Разбудило меня яркое солнце, бьющее в глаза, и чей-то резкий окрик.

Найда предупреждая зарычала, медленно поднимаясь на ноги и загоразивая нас своим телом. Остальная стая моментально сгруппировалась поблизости, и вид у них тоже стал на редкость недружелюбный.

– Эй! – здоровенный бородатый мужик в потрепанном кожаном костюме быстро отступил на несколько шагов. – Эй, девка! Ты кто такая?

Я молчала, лихорадочно соображая, что же ему ответить и кто это вообще такой. И почему парочка мародеров вчера удрала только заслышав приближение стаи, а этот хотя и опасается, но драпать не намерен точно. Да и монстрики, пусть и порывивали, но бросаться на незваного гостя не спешили.

– Эй, отвечай! Я егерь его светлости, слышишь? Как ты сюда попала, дура ненормальная, и почему еще жива? Демоны Ххурда, немая ты, что ли? Не было печали... только малолетних чокнутых ведьм мне не хватало!

Егерь... ага... а кто здесь малолетняя ведьма? Если я вчера правильно поняла, этому телу больше трехсот лет, и “старая морщинистая сука”, как окрестили мою предшественницу, никак не может оказаться малолетней ведьмой, даже чокнутой. Кстати... этот егерь меня не узнал, а ведь эти вчера были уверены, что “рожа” примелькалась каждой собаке. Хм...

– Хруля задница, вот не было печали! – мужик вроде бы не предпринимал никаких враждебных действий, стоял на месте, и “мой” монстрики постепенно успокоились. – Только обрадовался, что нашел матку после гона... и на тебе.

Какой шумный дядька. Из-за него проснулся Никитос, откинул плащ, которым я его укрыла, и сел, протирая глаза кулачками.

– Итицкая сила демону в жопу! – отреагировал егерь. – Ушонок!

Он гораздо более внимательно посмотрел на меня и усмехнулся в бороду.

– Все с тобой понятно, девка. Нагуляла и сбегла от своего ушана? Что, накушалась эльфийской любви по самые брови? То-то и оно... Нет бы раньше тыквой своей белобрысой подумать! Небось амулет переноса сперла, а куда закинет, не подумала? Ох, дуры вы, бабы,

дуры... Ты хоть понимаешь, как тебе повезло, безмозглая? Матка, видать, на твою связь с сынком пошла как на зов, сама-то она не раньше как через год разродится, но мамашинские инстинкты уже работают. Редко, очень редко, но бывает. И что с тобой делать, бестолковая? Тебе есть куда идти?

Видимо, судьба-злодейка, устроив мне глобальную пакость, теперь пыталась реабилитироваться в мелочах. Мужик практически сходу выдал мне легенду, причем сам же в нее первый и поверил.

– Нет, добрый господин, мне некуда пойти... – голосом несчастной золушки выдала я, притягивая к себе Кукушонка и зарываясь лицом в светлые локоны. Не знаю, с какой стати я вдруг превратилась из старой суки в глупую девчонку, но это в любом случае мне на руку. А еще – я точно знаю, что женщина с ребенком на руках будит в любом нормальном мужике совершенно определенные инстинкты. Не уверена, что егеря настолько “правильный” мужик, но попытка не пытка.

– Э-эх, дура безголовая, – предсказуемо покачал головой бородач. – Куда ж тебя теперь... не бросать же здесь. Ты вот что... ты, смотрю, шархашейчиков наших совсем не боишься? – действительно, Найда, убедившись, что пришелец не пытается навредить, выбрала самый “удобный” момент, чтобы подлезть мне под локоть и настойчиво поддеть его носом – гладь, мол, я же такая молодец.

Я и погладила, не особенно задумываясь над тем, что делаю. И тут же получила тычок носом с другой стороны. Здрасте... с этим крокодилком я не знакома! А куда деваться? И тебя поглажу, зубастая скотина, и тебя. Пока ты зубки свои держишь при себе – я твой лучший друг.

– А чего их бояться, добрый господин? – действительно, подумаешь, орясина размером с коня, клыкастая, как акула. – Я зверюшек всегда любила и обихаживать умела, – вот уж что точно не помешает “собачкам”, так это хороший уход. У моего нового знакомого под челюстью целый куст чертополоха запутался, да и Найда щеголяет репьями, облепившими чуть ли не полморды. Ела она эти колючки, что ли? Иначе зачем соваться в них головой?

В любом случае, выданный из шерсти репей произвел на егеря впечатление:

– Так, девка... пойдешь со мной. Много не обещаю, но служкой при псарне в любом случае сытее будет, чем бездомной с дитем на руках.

***

Ну что сказать... прав был егерь. Ожидать я могла всего, чего угодно, а вот получила только грязную подстилку в холодном каменном сарае возле псарни и милостивое разрешение питаться из одной миски с “шархашейчиками”.

Последнее, кстати, было не так уж плохо, потому что, во-первых, герцогскую скотинку кормили отнюдь не помоями, хотя и разносолов не предвиделось, во-вторых, готовить на всю свору предстояло именно мне и не где-то там, а прямо внутри псарни. И в-третьих, по этому поводу никто из здешнего крайне неприятливого начальства не смог бы проконтролировать, сколько и чего мы с ребенком съели.

Мне было категорически запрещено выносить даже крошку пищи за пределы отведенного зверюгам помещения, и на этом все. Надо думать, местные управленцы так воспрепятствовали мне красть и продавать крокодилское пропитание, остальное их не волновало.

Брутальный егерь, который больше почти ни о чем меня не спрашивал – так впечатлился верховой ездой на моем дрессированном крокодилычке, до самого вечера водил нас каменистыми тропами, после полудня угостил сынулю хлебом и сыром, а мне велел терпеть до дома. Я терпела – несмотря на то, что от голода кружилась голова и болезненно тянуло в желудке. Главное – ребенок сыт.

По дороге господин Бойс, как он велел себя называть, подробно и в мелочах просветил меня, как я должна себя вести, когда мы пересечем барьер пустошей, что говорить в поместье, кому кланяться, на кого даже глаз не подымать, и так далее.

Собственно, почти все, что от меня требовалось – это смиренно бляеть время от времени “да, господин, нет, господин”. Ну, или госпожа – по обстоятельствам. Все остальное егерь брался объяснить сам.

Как я поняла, мужик вовсе не был так уж бескорыстно добр ко мне. Просто служба при псарне – не самая завидная должность. Все обстоит с точностью до наоборот. Мои “ручные” монстрики отличаются не только умом и сообразительностью, но и редким сволочизмом, агрессивностью и ярко выраженной мизантропией.

Проще говоря, людей терпеть не могут, даже “хозяев”. Что в таком случае удерживает свору совсем не маленьких клыкастых танков подле человечества, я так и не поняла, но мысленно поставила галочку – надо разобраться.

А еще мои славные охранники... воняли. Впрочем, стойкий запах псины и тухлого мяса с примесью чего-то нестерпимо-едкого и на редкость отвратного, исходивший от “любимой собаки” – это были еще цветочки.

А вот псарня, в которой нам с Никиткой предстояло жить, благоухала так, что у меня чуть не случился обонятельный шок вплоть до потери сознания. Похоже, монстрожилье не видело уборки с тех самых пор, как его построили...

Неудивительно, что работать в таком “прекрасном месте”, где помимо прелестного запаха еще и живет стая агрессивных клыкастых постояльцев, так и норовящих оттяпать у служителя какую-нибудь лишнюю часть тела, желающих не было от слова совсем.

Учитывая местный способ оплаты “за еду и крышу над головой”, господин Бойс, старший егерь его светлости герцога Инворосса, за все двадцать пять лет службы так и не нашел идиота на эту должность. И вынужден был сам ежедневно входить в “святая святых” клыкасто-запашистого племени, чтобы как минимум накормить голодных монстров.

Я, со своими почесушками в обнимку со зверьем, не иначе как была ответом на его долгие безнадежные молитвы местным богам. Потому что не боялась крокодилов и потому, что больше идти мне было некуда...

К тому моменту, когда мы наконец выбрались с унылого каменистого плато и пересекли невидимую, но четко ощутимую в воздухе границу (даже запахи изменились, стали более... живыми?), я уже буквально падала от усталости и почти не обращала внимания на смену пейзажа.

Сосредоточенно пытаюсь не навернуться со своей мохнатой “лошадки” и удержать на ней же вертлявое эльфообразное дитяtko, я пропустила все: сельскую дорогу, возделанные поля по обочинам, какие-то строения, сады... Каменная громада замка на холме была вяло отмечена утомленным мозгом как “что-то большое... серое...

Наверняка там холодно зимой, попробуй протопи нормально эдакое нечто”.

А вот для знакомства с местным населением пришлось взять себя в руки и встряхнуться. Хорошо, что меня проинструктировали заранее и многого не требовали. Хотя я и отметила несколько презрительных взглядов и соотнесла их с тем, что говорил егерь о любовнике-ушане и “нагулянном полукровке”, но мне все это было глубоко фиолетово. Покормить ребенка, вымыть его, поесть самой и упасть – вот все, что меня сейчас интересовало.

Проследив, как основная стая, ничуть не смущаясь вонью и грязью, привычно устроилась где-то в недрах длинной, как кишка, серо-каменной псарни, я механически, от усталости двигаясь неуклюже, как натуральный зомби, вымела из доставшейся нам с Кукушонком каморки старые волглые тряпки и гнилую солому, накормила ребенка остатками найденных вчера припасов и сама перекусила сухой горбушкой.

Постелью нам сегодня опять служила свернувшаяся клубком Найда и то, что удалось собрать на поляне сразу после бегства мародеров. Уже засыпая, я запустила пальцы в свалывшуюся, пропитанную кровью шерсть собаки и поняла, что первым моим подарком этому миру станет зверская гигиена.

Но все это будет завтра. Завтра... я все обдумую завтра. В том числе и то, как мне найти мою дочь и моего мужа...

Утро началось весело – меня разбудило утробное хоровое рычание и визгливый, истерический мат. Где-то поблизости, буквально за стенкой, некто крыл по матушке не только проклятых зверюг, но и ленивых потаскух, только и способных, что нагулять ублюдка от нелюдя, но не желающих оторвать жопу от постели, чтобы заняться работой.

В какой-то момент рычание из монотонно-угрожающего стало резко-злобным, сквозь него даже прорвалось нечто, слегка похожее то ли на яростный кашель, то ли на неумелый лай. Голос в ответ взвизгнул особенно пронзительно, что-то громынуло, шмякнулось, и заковыристые эпитеты стали быстро стихать – их рассерженный автор, точнее, авторша явно совершила маневр стратегического отступления.

Но не ушла, продолжая оповещать мир о моих и звериных общих предках до седьмого колена с безопасного расстояния.

– Эй ты, шлюха подзаборная, чего вылупилась?! – тощая, длинная, как швабра, и такая же лохматая баба очень своеобразно встретила мое появление. – Вылезла, наконец, из конуры, шурашка немытая! А кто за тебя пойло уродам таскать будет, сучка? – она аж подпрыгнула от возмущения, притопывая ногами в драных лаптях по вымощенной булыжником дорожке за железной решеткой, которой была огорожена псарня.

Я на пару секунд задумалась, как поступить. С одной стороны, наживать врагов мне сейчас ой как не надо. С другой – баба и так не пылает ко мне светлыми чувствами, если случай представится – нагадит и ни на секунду не засомневается. И все в целом понятно: старая швабра в грязных обносках вполне логично будет ненавидеть любую, кому хоть чуть больше повезло в жизни.

Мозгов понять, что везение это очень относительно, и что моя добротная туника, хорошие сапоги и гипотетический любовник-эльф в анамнезе – это вовсе не то, что может сделать меня счастливой, у дурищи не хватает. Какая-то девка посмела иметь все то, чем обделена она сама, а теперь, когда упомянутая девка попала в трудное положение, пнуть ее – прямо-таки святое дело.

Все эти не самые загадочные мысли читались на лице моей “собеседницы”, как в раскрытой книге. И вот вопрос... а стоит ли такое спускать? Эта швабра немытая сама тут не важнее пятой помощницы десятой полемойки, иначе не потащила бы ведра в загон к “чудищам”. Да и одета она точно в соответствии с занимаемой должностью. Так что... нефиг. Ибо нафиг, как говаривал муж. На голову сядут и ножки свесят!

И вообще, зачем мне такие концерты с утра пораньше? Это еще хорошо, что Никитос вчера так умаялся, что до сих пор сопит в две дырочки и на теткины вопли не реагирует. А то напугала бы мне ребенка, сирена некультурная.

– Тебе калиточку открыть, болезная? – ласково переспросила я после особенно звучной рулады. – Иди, пообщаемся, расскажешь мне еще что-то про моих предков и их личную жизнь.

Вряд ли мои слова произвели бы на тетку такое впечатление, не подкрепи я их совершенно определенными действиями: положив руку на холку тихо, но злобно рычащей Найды, я легким толчком направила свою страшилую в сторону решетки, да еще и крикунью к себе другой

рукой ласково так поманила. А потом взяла и откинула щеколду, на которую та самая калитка была заперта.

– Ну что, чудо клыкастое, купаться пойдём? – почти весело предложила я животине, с некоторым злорадством глядя вслед мгновенно испарившейся скандалистке. То-то же... даже не обматерила на прощанье, смотри ты. Впечатлительная какая. Ведро бросила и так припустила, что потеряла один свой драный лапоть, золушка престарелая.

Собачатина на мое предложение отреагировала привычно и закономерно: поджала хвост и лапы в попытке стать маленькой и незаметной. Купаться наша собачка всегда “любила”.

Учитывая ее новые габариты – смотрелось по меньшей мере забавно. Я не слишком весело улыбнулась и потащила обреченно съезжившееся чудище к колодцу.

Ничего другого прямо сейчас я сделать не могу. И даже думать о том, где искать семью, пока рано. Потому что я слишком мало знаю о том, что произошло и куда мы вообще попали. Да, сердце болезненно сжимается каждый раз, когда я думаю о Лешке и Катюше... особенно о Катюше, Лешка не пропадет – почему-то в этом я уверена. Слишком хорошо знаю собственного мужа.

Но дочь... ничего не понимающая, беззащитная, растерянная... так! Не думать! Не сейчас! Я со всем справлюсь в свое время, я ее найду, я буду верить в то, что моя умница-дочка дождетя нас. А сейчас мне надо обустроить тот маленький кусочек мира, где сможет какое-то время нормально жить мой сын.

***

В это утро мне некогда было предаваться унынию и тяжелым мыслям. Мы купались... впрочем, это отдельная история. А также проводили ревизию вверенной нам территории, считали припасы, готовили кашу для звериного племени и для нас с Никиткой...

Я уже поняла, что в моей “автономности” внутри псарни – а сюда без крайней нужды не совался даже господин Бойс, не говоря уже об остальных, которые вообще никогда не заходили дальше калитки – есть и свои минусы.

Проще говоря, мешать никто не будет, но и помогать некому. А работы тут... то есть, на самом деле мне в обязанности вменялось не так уж много – утром и вечером готовить монстрикам еду на

допотошной печке под навесом, кормить зверье, следить, чтобы они не покидали огороженной территории, подметать двор до решетки, время от времени выгребать, пардон, дерьмо отовсюду, где его накопилось слишком много, и... и все.

Для обитателей замка главная засада была в том, что монстрячи хари с удовольствием пробовали на зуб каждого, кто бы ни сунулся за решетку. У меня же таких проблем не было. Что уж тут сыграло, сама не знаю, возможно, привычка.

Всю мою сознательную жизнь у меня была собака, причем это всегда были такие солидные товарищи как ротвейлер, черный терьер или овчарка. Я даже отучилась на курсах кинологов и вплоть до замужества мечтала поработать где-нибудь в органах или в спасательной кинологической службе.

Короче, дисциплина в собачьей стае никогда не была для меня проблемой. Тут ведь главное не твои габариты, а твоя уверенность в себе. Ну, а здесь... вчера я еще помнила о том, что крокодил с зубами – это не ротвейлер, и даже не черныш. А сегодня привычка взяла свое.

Первый же отгрызнувшийся паразит получил по носу, совершенно ошалел от такого поворота и вдогонку огреб неодобрительный укус за ляжку от Найды.

И все сразу все поняли. Нет, мне конечно фантастически повезло, что в среде этих мохнорылых давно и прочно укрепился голимый матриархат и вообще диктатура одной-единственной самки на стаю. И мою Найду занесло именно в “матку”, погибшую во время гона. Но если бы я не привыкла управляться с животными – ничего бы у меня не получилось. Одна только гигиена далась о-очень непросто.

Кукушонок, усаженный повыше, был в восторге от представления, залиvisto хохотал и хлопал в ладоши. Больше никто не радовался.

Для начала пришлось столкнуться с тем, что мыла в пределах псарни не водится как такового. Вообще. Кое-как смыв кровавую корку с Найдиного бока холодной водой, я пришла к выводу, что маюсь дурью, и приступила к делу основательно.

Да здравствует девятимесячная беременность и мамские форумы! Чем я только не занималась, пока аж два раза отсиживала в декрете “срок”. На какие только курсы не ходила, каких только советов не начиталась и чего только не попробовала...

Вот уж никогда не думала, что оно мне все НАСТОЛЬКО пригодится... вы вот знаете, как запаривать щелок для мытья и стирки? А я знаю.

Печка тут была, не чищенная со дня первой растопки, так что золы – хоть засыпья. Грязной, вперемешку с недогоревшими угольками, но это мелочи. Котел для кипятка, пара пустых ведер – и вот уже в одном из них отмокают мародерские тряпки, из которых после стирки я сошью одежду Кукушонку, а другое прочно установлено возле колодца.

М-да... ну, Найду я отмыла, остальная стая, с ужасом и недоумением наблюдавшая за экзекуцией, на сегодня от помывки была освобождена. Я же не двужилбая... но завтра они никуда от меня не денутся. А пока вилы и лопата в зубы и вперед – выгрести многолетние залежи гуано из псарни. Благо, сынуля вполне удовлетворен играми с Найдиным подсохшим хвостом и никуда больше не лезет. Да и собака у нас привычная за мелким приглядывать, если что – или меня позовет, или сама не пустит куда не надо.

***

Что я там говорила про утро? Некогда, мол, было грустить и размышлять? Оптимистка... некогда присесть и вздохнуть было следующую... как минимум неделю. Я хотя и ставила зарубки на деревянном косяке нашей с Никитосом халупы, но так замоталась, что могла и просчитаться.

Ночами, если от усталости не удавалось сразу заснуть, меня мучили тяжелые мысли. Где моя дочь? Что с ней? А Лешка? Может, им там прямо сейчас нужна моя помощь, а я тут собачьи какашки разгребаю и зверье дрессирую в свое удовольствие...

Но приходило утро, а вместе с ним и понимание: ничем я сейчас своим любимым не помогу. Я даже не знаю, где их искать... точнее, знаю общее направление – на юг, за перевал.

Именно туда унесло два ярких огонька, после того как “аркан душ”, затащивший нас сюда, порвался. Я дословно вспомнила и постаралась навечно вбить себе в память все, что сказали два мародера на месте призыва. Потратила на это довольно много времени, справилась... но и только.

У меня на руках маленький ребенок. Идти мне некуда, и как его прокормить в пути – непонятно. Я здесь никто, никого и ничего толком

не знаю, могу только наблюдать и догадываться. Отношение ко мне остальной прислуги в замке наглядно показало, что ждет в дороге неприкаемую молодую женщину с ребенком-полукровкой. Как бы мне ни хотелось птицей унести туда, где мои родные... я не могу. Пока не могу.

Наверное, поэтому днем я переворачивала эту несчастную псарню с ног на голову и обратно с таким неиссякающим энтузиазмом и трудолюбием. Хотя что-то... хоть что-то я МОГУ сделать, вместо того чтобы лить слезы от бессилия.

К концу этого сумасшедшего периода ребенок у меня нарастил немного нормального детского жирка и обрадовал первым здоровым румянцем. Был более-менее одет (иголки и нитки пришлось выменивать у прислуги на кухне на парчовую накидку из гардероба прежней хозяйки тела. Меня, конечно, “надули”, как пузырь через соломинку, но тут было без вариантов.), обут в сшитые из обрезков кожаного плаща опорки, а также полностью доволен и счастлив своим новым образом жизни.

Еще бы, целый день на воздухе и в окружении таких веселых собачек, с которыми всегда можно поиграть! Вот уж кто совершенно не боялся никаких монстров, так это сынуля. Испортить ему настроение могли только две вещи: овсяная несладкая каша-размазня на завтрак, обед и ужин и всплывающий время от времени из недр детской памяти вопрос: “А папа где? А Кая?”

Если бы я знала, Кукушонок, если бы я знала...

“Безмятежное” течение каторжных работ было неожиданно прервано аккуратно на седьмой день по моему косяковому календарю. Уже несколько дней я вскользь замечала, что за решеткой во дворе то и дело мелькают любопытные физиономии замковой прислуги. С каждым днем эти самые физиономии становились все более... обалделыми, что ли? Процесс реорганизации псиного пространства впечатлил их по самое не могу. Я не сильно обращала внимание, поскольку близко никто из них не подходил.

А потом слухи о новой служанке и ее чудачествах дошли до самого верха. И псарню изволил посетить их сиятельство герцог Иноворосс.

***

Началось все с того, что зрителей у решетки заметно прибавилось с самого раннего утра. То одна любопытная и почему-то обязательно немытая рожа мелькнет, то другая. Я уже привыкла не реагировать на них и отучила от вредной привычки развлекаться за мой счет, выкрикивая оскорбления. Откинутая щеколда и недружелюбная Найда прекрасно действовали на самых “храбрых” ораторов. Так что пока они молчат – мелькают и мелькают, может, им заняться нечем... мне не до них.

Потому не сразу обратила внимание на то, что “качество” публики разительно поменялось.

Властный мужской голос оторвал меня от весьма занимательного времяпровождения: я наконец-то отловила местного альфа-самца. Точнее, мы с Найдой отловили. Она зажала нервно поскуливающего кобелюку в угол между стеной и решеткой, где и придавила, прикусив за холку, а я радостно вцепилась ему в хвост, из которого вредный засранец так и не дал выбрать колтуны и репейник даже во время купания.

– Подойди сюда, женщина! – от неожиданности я отпустила вожделенную хвостяру, получила ею по носу и не успела помешать кобелю поджать ее под попу. Пришлось оставить последний репей до лучших времен...

У решетки, вальяжно положив руку в перчатке на перекрестье железных прутьев, стоял высокий темноволосый мужчина. Одет он был довольно просто, но я уже научилась определять цену здешним вещам. Эта простота стоила дороже расшитых золотом камзолов свиты, толпящейся в отдалении.

Я тихо порадовалась тому, что Кукушонок опять проспал все самое важное, но одновременно и тревожное. Почему-то мне совсем не хотелось светить ребенка с эльфийской внешностью перед этой толпой облеченных властью людей.

– Что угодно господину? – кланяться так, чтобы выглядело достаточно почтительно, а меня при этом не выворачивало изнутри от гадкого чувства униженности, я научилась примерно на второй день пребывания в замке.

– Бойс! – черт побери, вот это голос у мужика... он его даже не повысил, а господин егерь материализовался как из-под земли в мгновение ока. И весь такой готовый служить. – Как видишь, я был

прав. Эта девушка попала в эльфийские земли отнюдь не из деревенского коровника. Обычная селянка никогда не смогла бы всего за неделю навести такой порядок и выдрессировать Л’Шархи, – он перевел холодный внимательный взгляд на меня:

– Отвечай, женщина. Ты была крестьянкой? И не лги мне, я умею распознавать ложь.

– Нет, господин, – а я и не лгу, черти тебя знают, может, и умеешь. Если в этом мире есть магия, то почему не такая? – Я не крестьянка.

– Ты по собственной воле оставила свой дом и ушла за эльфом?

– Нет, господин, – конечно, нет! Своими руками удушила бы ту сволочь, что устроила моей семье это растреклятое “попадание”!

– Так я и думал, – герцог усмехнулся, довольный собственной “догадливостью”. – Подите все сюда! И посмотрите, как проявляется благородная кровь там, где быдло стонет и жалуется на судьбу!

Я, признаться, сама заинтересовалась тем, что же он тут показывал. Украдкой чуть развернулась и окинула песье царство новым, отстраненным взглядом.

Ух ты...

Пока я долбилась головой об эту стену (в фигуральном смысле, конечно), мне как-то некогда было оценивать результат. Все время перед носом маячило очередное очень срочное дело, и охватить картину целиком мне не хватало сил.

А сейчас вот как-то вдруг получилось. И я даже на секунду опешила. Это все я натворила? Дела...

Внутренний дворик псарни радовал чисто выметенным булыжником, а ведь еще неделю назад никто, похоже, и не подозревал, что двор мощен. Грязи было не просто по колено, а... почти по то самое место.

Слева притулилась до блеска отмытая “кухня”. Мне так сложно было разобраться со всей этой средневековой “кухонной техникой”, что я шла на нее каждый раз как в последний бой. И победила: стол оказался сделан из дерева, а не из окаменелых остатков пищи, котлы внезапно стали медными, а не выточенными целиком из доисторических отложений, да и...

Что там говорить. Я свою родную квартиру никогда в жизни так не отмывала, как эту несчастную псарню. И теперь тут пахло свежим сеном и лишь слегка собачьим духом, клыкастые постояльцы

дисциплинированно квартировали каждый в своем загончике, гадить в помещении я их отучила почти мгновенно – все же это не щенки, взрослые животные с заметно развитым коллективным интеллектом... так что теперь это даже не стая страшилищ, а вполне цивилизованное сообщество милых зубастых песиков... пока не перегрызутся за какую-нибудь прошлогоднюю кость, которую я не успела отнять и выкинуть, и не получают воспитательных пинков.

А еще, как я поняла, на герцога и его свиту весьма сильное впечатление произвело то, что и сама я среди этой чистоты-красоты, наведенной своими руками, не превратилась в изношенную свинью, как большинство здешних служанок.

Ну... это они привыкли утирать подолом все – от соплей до... мыться раз в год, если не повезло попасть под дождь, и причесываться пальцами. А у меня ребенок и сильно нездешние представления о гигиене.

Короче, я со своей излишней чистоплотностью и командными замашками умудрилась выделиться на местном фоне, как фиалка в навозной куче. Ох, не к добру.

– Что же, у тебя есть выбор, женщина. Ты можешь прямо сейчас пойти с нами, и в замке тебе предоставят место, более подобающее твоему статусу, а можешь... – глаза герцога как-то подозрительно блеснули. А еще я поймала несколько не самых доброжелательных взглядов с той стороны, где расположилась герцогская свита. И ладно бы просто злых, но была парочка откровенно злорадных.

– Благодарю, ваша светлость, – поперек тебя дышлом, чтоб вошло и вышло! Не знаю точно, что ты мне предложил, но иди-ка ты на хрен со своим “благородством”. – Я бы предпочла остаться там, где мои труды принесут вам наибольшую пользу.

Герцог нахмурился, потом кивнул. И вроде бы не разозлился, а холодом от него повеяло на секунду, но это ощущение тут же прошло.

– Ты умнее, чем я думал. Хорошо же... я дам тебе время привыкнуть.

Когда вся эта ядовитая кодла уже удалилась вслед за хозяином, я все еще стояла у решетки и пыталась понять, правильно ли поступила. Ох, не нравится мне это герцогское внимание. Как говорится, минуи нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь.

– Ты это... девка... по уму рассудила, – тихо похвалил меня незаметно отставший от свиты егерь. – Что там раньше было, все едино после эльфий забудь. Здесь сыта, одета, да почти что сама себе хозяйка. Матка, видать, завязалась на тебя, в обиду не даст теперь и другого служку к себе не подпустит. Руки у тебя откудова надо растут, ишь, порядок навела... иех, вот жеж суки ушатые, такую бабу спортили, какому счастливцу жена была б... Ладно, – господин Бойс тяжело вздохнул и выпрямился, одарив меня строгим взглядом:

– Ты не думай, оно, конечно, мне первая выгода от тебя. Да только пока ты в шархушне сидишь, ни одна собака близко не сунется. И мальчика не обидит, нат-ко, попробуй его задень... а польстишься на легкую жизнь – по рукам пойдешь, и не смотри, что не у простых мужиков, а у благородных. Благородство их на словах и кончится, поиграются да выкинут, а уж ребенка затравят, как пить дать. И тебя саму бабье загрызет, эти высокородные леди пострашнее шархушей будут, – после этих слов довольно выразительное лицо господина егеря скривилось, словно он откусил чего-то очень кислого. – На кухне бабы и то змеюки, хотя куда б нос-то задирать, каждая чернавка другой чумазее, а туда же... да ты и сама видела. А на чистой половине так и вовсе одни ядовитые гадины, от безделья друг дружку что ни час, то жалят. Не суйся, девка, от добра говорю. Будешь умной – со временем и денег заработаешь, и замуж, глядишь, выйдешь за нормального мужика.

Тут господина Бойса окликнули уже знакомым властным голосом, и он, не прощаясь, поспешил на зов. Я посмотрела вслед торопливо уходящему егерю и усмехнулась про себя. Все верно ты рассудил, дяденька, и о своей выгоде не забыл. Только вот я и без тебя черта лысого соглашусь променять своих клочкасто-блохастых честных монстров на ядовитый гадюшник герцогской свиты. Это, конечно, пока у меня вообще есть выбор... герцоги – они народ такой. Могут и не спросить.

Угораздило же это тело помолодеть! Сейчас я предпочла бы оказаться пожилой и никому не интересной теткой, ан нет... или я чего-то не поняла, или пока я вселялась, с ним произошли очень заметные изменения.

Еще в самом начале нашего знакомства егерь принял меня за молоденькую девчонку, но тогда я не заострила на этом внимания. А

потом как-то некогда все было, тем более зеркала на псарне, как не трудно догадаться, отродясь не водилось.

И только теперь я, немного подумав, отправилась к поильному корыту, расположенному в глубине двора.

Для начала пришлось натаскать воды и только потом приступить к изучению своего теперешнего “обиталища”. Нда... ну что, Наташка, домечталась? Чтоб тому ангелу, который за сбычу мечт отвечает, икалось до самого страшного суда и еще пару эпох после!

Натуральная блондинка с косой до пояса, синими глазищами в пол-лица и талией, которую ладонями можно обхватить... впрочем, последнее неудивительно – за неделю такого фитнеса любая пышка превратится в жертву здорового образа жизни. С меня уже давно штаны спадают, хорошо, пояс можно подтянуть.

Короче, вот о чем мечтала после вторых родов, заглядывая иногда одним глазом в мужские журналы, то и получила... грудь не слишком объемная, но вызывающее оттопыривает тунику девичьей упругостью. Талия – уже сказала. Попа и бедра... они есть. В достаточном количестве, чтобы создать приятный мужскому глазу силуэт. И вся эта красота, будь она неладна, выдана мне именно в тот момент, когда ее, заразы такой, в глаза бы не видеть!

***

Следующие несколько дней меня никто не беспокоил. Я занималась делами и думала, думала... Безопасность и сытость – это хорошо. Но теперь, когда я добилась их – мне стало мало. В том смысле, что сидя на псарне я ни на шаг не приближаюсь к своей цели – найти дочь и мужа. И еще это постоянное сосущее беспокойство – время... время уходит. А вдруг я опоздаю?!

Да, с одной стороны пристроиться в высшее общество – это обрести гораздо больше возможностей... хотя бы ту же информацию получить. Слухи, сплетни... кухонная прислуга и салонная тусовка высшей знати – это очень разный уровень. Но...

Но. Я не готова рисковать безопасностью Кукушонка. Да, именно так, своей собственной я бы так не озаботилась, и если надо... чего перед собой лукавить – если от этого будет зависеть возможность спасти детей и мужа – соберу задницу в кулак и пересплю с кем нужно.

Вот только сейчас меня зовут туда, где ребенок будет лишним, и к бабке не ходи – от него попытаются избавиться. Мягко – “отдать на воспитание” или жестко... нет уж. Горло перегрызу любому, кто только подумает навредить моему сыну, а ведь это наверняка будет не “простой” человек. И пропадем оба – Кукушонка замучают просто так, а меня – за то, что убила или покалечила кого-то высокопоставленного.

Со всех сторон тупик.

Оставалось сжать зубы, погрузиться в работу и искать, искать возможности, информацию, деньги. Да, в этом мире, как и в моем, все решают деньги, которых у меня нет.

Можно попробовать продать платье магессы, но сделка с накидкой ясно показала мне – в замке нормальной цены никто не даст, обдерут как липку. То есть, у служанок просто нет таких денег, а “дамы” не станут покупать ношеное платье у замарашки из псарни. Да и выхода у меня на тех “дам” нет.

Никаких драгоценностей, кстати, на мне не было, то ли прежняя хозяйка их не носила, то ли сняла перед сложным ритуалом, то ли товарищи мародеры первым делом ободрали с трупа именно золото, и поспешное бегство не помешало им унести все маленькое и дорогое в кармане.

С деньгами, как ни странно, все решил случай... точнее, не так. Сначала Мужик притащил на хвосте очередной репей.

Нет, еще раньше все началось. Случилась большая герцогская охота, и стая, умело направляемая егерями, с радостным воем погнала по пустошам куда-то за горизонт. Только самцы, только хардкор, Найда смотрела на всю эту суету слегка презрительно и покидать псарню отказалась.

Вот... а потом самый главный альфа-самец, которому я дала звучную кличку Мужик за ярко выраженный характер и брутально-заботливые манеры, принес нам с Найдой окровавленную тушу какой-то сильно волосатой свиньи с уже традиционно людоедскими зубами и полтонны грязи на собственной шкуре. Вперемешку с колючками.

Эти-то колючки и навели меня на одну интересную мысль.

Тихо матерясь сквозь зубы (громко нельзя, ребенок в трех шагах тиранил Найдю), я выдирала из покорно скулящего Мужика его новые украшения и складывала в кучку. Одна особенно длинная колючка

“удачно” впилаась мне под ноготь и поэтому была изучена гораздо внимательнее, чем остальные репейники.

Посасывая палец, я пару секунд вертела зловредный шип перед глазами и удивлялась. Это что же за растение? Трехгранная игла длиной сантиметров восемь, причем грани словно чуть вогнутые, образующие очень острые ребра с зазубринами, направленными от основания к кончику, невероятно тонкому и прочному, как сталь. Где-то я это уже видела... А! Похоже на иглу для скульптурного ваяния. Практически один в один!

Я задумчиво перевела взгляд с колючки на аккуратно вычесанную и сложенную в углу собачью шерсть. Хм... хм...

– Мама, а где мои игрушки? – Никитос в очередной раз вдруг вспомнил, что это злостное попадание сильно ударило по его благосостоянию. Собачки – это, конечно, хорошо... а мишка где? Любимый, замурзанный...

Почему-то сын не вспоминал ни машинки, ни лего, ни дорогуший “вертолетик” с дистанционным управлением, который папа купил, естественно, себе, но под девизом – “все для сына”. Нет, он хотел только своего полуинвалидного мишутку, которого я лично сшила из первой попавшейся тряпки во время беременности, когда посещала очередной мастер-класс для полоумных домохозяек.

У мишки была психоделическая расцветка и смешная рельефная мордочка из привалянной к ткани шерсти... так.

– Никитка, мишка за нами не успел, но обещал догнать. Только сначала зайдет в ателье, где ему сошьют новую шубу. Я думаю, денька через два-три он к нам приедет. Подождешь его?

– Ну ла-адно... – милостиво согласился Кукушонок и добавил сакраментальное: – Мама, кушать!

Мужик, услышав эту фразу, моментально выдернул хвост из моих пальцев и собрал лапы в кучку. Он уже выучил два волшебных слова и четко знал: если маленький двуногий хочет есть – большая двуногая самка все бросает и бежит кормить детеныша. Если судить по весело заблестевшим глазам кобелюки – правильная самка. Хотя и двуногая.

Так и получилось, что эту ночь я мало спала (сама не ожидала от себя такого энтузиазма, видимо, тоска по прежней жизни выплеснулась вот этак затейливо), а на утро проснувшийся Никитос со счастливым визгом обнимал “переодевшегося в новую шубу” мишутку.

И все бы этим закончилось, вот только мишка вышел не просто забавный, но и дико необычный... для местного населения. Необычный и привлекательный. Звероморды в стае были очень разные по окрасу, так что шерстяная палитра вышла богатая, набитое соломой туловище из мешковины обросло шикарной бурой шерстью с бежевыми подпалинами, украсилось белоснежной манишкой и носочками на всех четырех лапах. И мордочка получилась такая забавная, улыбчивая, с глазками-бусинками (подходящие камушки нашлись недалеко от решетки, а “завалить” их так, чтобы не выпадали, удалось за полчаса).

Никитос пицал от восторга и таскал мишутку с собой даже на горшок. Вот и... дотаскался.

– Дай! – каким ветром на площадку перед псарней принесло эту компанию – черти их знают. Но разодетый в шелка толстый бутуз чуть постарше Никитки первым делом высмотрел не страшных монстров, на которых они и пришли полюбоваться, как потом выяснилось, а необычную игрушку в руках моего сына.

Что-что, а инстинкт собственника у сынули развит как надо. Мелкий мгновенно убрал мишутку за спину и попятился от решетки, да не просто так, а прицельно под защиту слегка приподнявшейся и тихо подрыкнувшей Найды.

Естественно, впервые не получивший желаемого пацан тут же гневно заревел, топая ногами и тыча пальцем в сторону Никитки. Я подобралась. Тут вам не здесь, это голимое средневековье... и суета, которая началась вокруг баловня, может плохо для нас кончиться.

Конечно, вряд ли кто-то полезет за решетку прямо сейчас, учитывая вставшую дыбом шерсть моей заступницы плюс настороженно подобравшихся самцов. Да только при желании здешние хозяева живо найдут другие рычаги давления на непокорную прислугу. Вон какие взгляды местное поголовье нянек уже кидает то на меня, то на Никитку.

И я рискнула. Кукушонок с Найдой, она присмотрит. Моя овчарка очень сильно... поумнела, да, именно поумнела с тех пор, как вселилась в местную крокодилицу. Она и так была очень сообразительной собакой, но теперь...

Я быстро вышла во двор, протолкалась через толпу сюсюкающих и причитающих мамок-нянек, присела перед капризно завывающим

маленьким чудовищем, вынула из кармана штанов чистый кусочек полотна, заменяющий мне носовой платок, и решительно вытерла залитую слезами детячью моську.

– Сморкайся, – деловито скомандовала я, и пацан, не иначе как от неожиданности, команду выполнил. Потом слегка опомнился и уже открыл рот, чтобы снова что-то завопить, но я не дала ему такой возможности:

– Ого, какой ты уже большой! Настоящий мужчина, захотел и раз – перестал плакать. Я так не умею. Научишь?

Мальчишка закрыл рот и пару секунд недоверчиво сверлил меня взглядом. Потом смешно надулся от важности и медленно кивнул.

– Вот здорово! А я за это сделаю тебе такого же мишку, как у моего сына, только еще лучше! Хочешь? – у высокородного малька тут же загорелись глазенки, и он радостно закивал, забыв о собственной важности.

– Отойди от сына его светлости, грязная проститутка! – это опомнилась одна из нянек, самая расфуфыренная. Она даже попыталась схватить меня за косу, но не тут-то было. Я ловко увернулась, а пацан тем временем решил высказать свое неудовольствие тем, что ему мешают разговаривать с такой необычной клоунессой, как я.

– Посла вон! – топнул ногой на няньку маленький поросенок. – Хочу! – он довольно бесцеремонно схватил меня за руку и дернул к себе. Вот же... папин сын. Хочу, понимаешь, и трава не расти.

– Но, ваше сиятельство... – растерянно пролепетала гримза, невольно отступая на шаг под гневным детским взглядом. – Это служанка... Она не смеет подходить к вам и обращаться так фамильярно, вы...

– Я хочу! – твердо и с несокрушимым чувством собственного права заявил пацан. – Посли вон все! Кроме нее!

Ох ты ж божечки, да сто лет бы близко не подходила к герцогскому сыночку... Он так воспитан, что обезьяна с гранатой рядом с этим “цветком жизни” – всего лишь мелкая неприятность. Это не значит, что мне будет противен этот мальчик, но принимать во внимание особенности его характера еще как стоит. Не просто “хочу”, а “пошли все вон”, потому что я так хочу и не сомневаюсь в своем праве командовать взрослыми. Эх, куда я лезу...

Но они уже здесь, и мальчик видел интересную игрушку в руках моего сына. Конечно, можно просто отдать и сделать Кукушонку нового медведя, но... но... не знаю, просто всем нутром чувствую, что это будет неправильно.

Между тем толпа прислуги послушно отошла от нас, правда, не больше чем шагов на пять. Пацаненку этого хватило, и он перестал сердито хмуриться и оттопыривать губу. Просто дернул меня за руку еще раз и посмотрел с искренним детским интересом – что еще покажешь, странная тетя?

– И как тебя зовут, храбрый воин? – поинтересовалась я, демонстративно рассматривая игрушечный меч на поясе.

– Я наследник! Ты не знаешь? Почему? – малец тараторил на меня удивленно и требовательно.

Я хмыкнула и за руку подвела мальчишку поближе к решетке:

– Смотри, видишь собачку? – он кивнул, все еще недоуменно хлопая ресничками. – Как думаешь, она знает, как тебя зовут? Могла мне рассказать?

Мальчишка внимательно изучил бдительного Мужика, уже давно загородившего своей тушей от толпы и Найду, и моего сынулю. И вдруг хихикнул:

– Ты глупая? Это суш... сус... он не умеет разговаривать.

– Во-от, – согласилась я. – А я живу с ними и тоже больше ни с кем не разговариваю. Откуда же мне знать, как тебя зовут?

– Да... – после раздумья согласился пацан. Похоже, такой серьезный, взрослый тон в разговоре, и при этом без подхалимажа и сюсюканья для него в новинку. – Тогда я тебе сам скажу!

Но он не успел. Потому что кто-то из нянек давно ускакал с доносом и теперь дворик у псарни почтило своим вниманием солидное подкрепление:

– Ваша светлость наследник Вирсент Илдерея Каллус! Я прошу вас подойти ко мне!

Ух ты, а это, кажется, у нас герцогиня...

Высокородный карапуз ощутимо вздрогнул, услышав этот глубокий уверенный голос, обернулся, вздохнул, задрал подбородок в по-детски смешном жесте независимости и потопал куда позвали.

Не отпуская моей руки, маленький поросенок! Так и потащил за собой...

Ну не вырываться же. И я пошла навстречу очень прямо державшейся женщине, одетой с той же неброской роскошью, что и ее муж. Последние сомнения в том, что посреди усыпанного ошметками соломы двора стоит герцогиня, рассеялись, стоило оценить, как эта еще молодая и невысокая леди держит себя среди толпы – словно стоит на постаменте и все смотрят на нее снизу вверх. Не она на всех сверху вниз, а они на нее...

Взгляд герцогини скользнул с собственного наследника на меня, и... она тоже вздрогнула. Точнее, не так – что-то в ее глазах мелькнуло на секунду и тут же пропало. Словно бы она увидела что-то странное или знакомое, но потом присмотрелась внимательнее и поняла, что ошиблась.

Я не сбилась с шага, честь и хвала моим коленкам, которые только хотели подогнуться, но так этого и не сделали. Я только внутренне подобралась и сжала зубы. Молнией мелькнула мысль о том, что высокопоставленная леди могла быть знакома с богатой и “знаменитой” магессой Лелиеной. Но не узнала ее во мне! Точнее, не поверила этому сходству – да здравствует внезапное омоложение и собачий навоз, вытаскивая который, я скинула как минимум десять килограмм.

Герцогский наследник тем временем уверенно подвел меня к своей матери и с легким вызовом уставился на нее, задрав голову, но мою руку так и не отпустил. К бабке не ходи – упрямый ишачок нашел новую игрушку и воспринимает любое вмешательство как попытку отобрать. И уже готов упереться всеми четырьмя копытцами.

Похоже, это поняла не только я, но и герцогиня. По тому, как чуть заметно дрогнули ее губы и изменился взгляд, мне стало ясно, что устраивать сыну скандал посреди двора она не намерена и теперь в срочном порядке прокручивает в голове один вариант за другим.

– Вам понравились герцогские Л’Шархи, сын мой? – женщина произнесла вовсе не то, что, судя по всему, ожидал от нее мальчишка, и он растерялся, тут же превратившись из надменного маленького барчука в обычного ребенка.

– Да, матушка... я хочу еще посмотреть. И мишку! И ее! – мелкий-то он мелкий, но чего хочет – знает четко. По пунктам.

– Вы можете смотреть на Л’Шархи в любой момент, когда не заняты своими обязанностями, – величественно кивнула мать. – Что

касается служанки – то у нее есть обязанности, и наследнику герцогства не пристало отвлекать своих людей от их работы.

– Но я хочу мишку! Как у него! – губа обиженно оттопырена, кулачки сжаты, и даже ногу выдвинул вперед с таким воинственным видом, что сразу понятно – уперся. Точь-в-точь мой собственный сынуля, когда на него нападает приступ ишачьего настроения.

Герцогиня как-то очень смиренно вздохнула и движением брови подозвала одного из служителей:

– Что за вещь хочет получить мой сын?

Челядь беспокойно зашевелилась, прошелестел какой-то суетливый, беспокойный шепоток, но ответить на вопрос ее светлости никто не смог – они, в отличие от мальчика, Никиткину игрушку просто не успели разглядеть.

– Если мне будет позволено, ваша светлость, я покажу вам, – я дождалась, пока пауза затянется настолько, что воздух зазвенит от напряжения, и очень вежливо, почтительно поклонилась.

– Хм... как тебя зовут, женщина? – уф, сразу не прибили, уже хорошо.

– Натаэль, ваша светлость, – угу, вот и пригодилось недолгое знакомство с ролевиками. Исковерканное на эльфийский лад имя почему-то вписалось в здешний социум гораздо успешнее, чем мое родное.

Герцогиня тоже мастерски умела держать паузу. Я уже думала, она сейчас просто развернется и уйдет или прикажет убить меня на месте, и мысленно сжалась до предела, когда она наконец соизволила прекратить высверливать во мне дырки глазами и приказала:

– Я разрешаю тебе принести то, что заинтересовало моего сына, Натаэль.

Следующей ночью, сидя при свете лучины на деревянном топчане, заменяющем мне кровать, я сноровисто тыкала иголкой в соломенное брюхо нового медведя и размышляла.

С герцогиней мне дважды повезло. Она оказалась достаточно умна и вместе с тем не стервозна. Гипотетическую любовницу мужа не придушила сразу – а ведь возможности у нее были, игрушку моего сына в угоду капризам своего не отобрала и сумела объяснить надувшему губы ребенку, что негоже герцогскому наследнику желать

то, с чем играла прислуга. Надо всего лишь потребовать себе нового, еще лучше.

Мишку, кстати, леди изучила очень внимательно, не побрезговав взять в руки. И взглянула на меня с новым интересом.

Казалось бы – вот он, шанс, клепай игрушки и зашибай деньгу... ага, шазз. Во-первых, “собачки” принадлежат властителю этих земель, а значит, и их шерсть тоже. И наплевать, что до меня никому даже в голову не приходило, что их можно мыть и вычесывать. Так что радуйся, Наташенька, что у тебя только одного мишку попросили... а не посадили клепать их сотнями, пока не загнешься от переутомления. Кстати, платить мне за честь сделать игрушку для наследника никто даже не собирался.

А во-вторых, даже если бы удалось отжать ноу-хау в личное пользование – и что? Это средневековье, детка. И девяносто девять процентов населения никакими игрушками своих детей отродясь не баловало. Та небольшая прослойка знати, у которой есть возможность дать детям что-то отдаленно напоминающее нормальное в моем представлении детство, лучше сыну или дочери новый статусный наряд подарит, чем бесполезную тряпичную куклу.

Так что сидела я, одевала в “шубу” эксклюзивного потапыча и размышляла о том, как мне быть дальше, а заодно о том, что большинство мужчин-таки... нет, не козлы, но кобелюки. Вот с фигой ли этому балбесу владетельному сдалась какая-то служанка, пусть даже молодая и красивая, пусть экзотически-непривычная (подозреваю я, что, несмотря на все мои старания не выделяться, похожа на местных женщин, как корова на самолет)? У него такая герцогиня под боком! Ну реально же – шикарная женщина, красивая, умная, не склочная, правильно по здешним меркам воспитанная... вот кого я ни за что бы не хотела иметь своим врагом.

Впрочем, пока ничто не предвещало. Младший герцог получил своего персонального медведя, старший вроде бы не проявлял особого интереса, герцогиня прислала мне небольшую деревянную шкатулку с набором иголок и ниток – как знак особой милости.

Я обрадовалась и передала с посыльным низкий поклон и искреннюю благодарность. Игла у меня была одна, довольно грубо сделанная и здоровенная, чуть ли не “цыганская”, нитки я выдергивала из мешковины, и они тоже оставляли желать лучшего, а в простой,

никак не украшенной шкатулке было сразу три иголки вполне привычного размера, отменно острых и полированных, и две катушки нормальных ниток. По нынешним временам – королевский подарок!

И все вроде снова вошло в обыденную колею. Правда, наследник Вирсент стал появляться у псарни с завидной регулярностью, и никто больше не препятствовал нашему общению, хотя весь сводный батальон нянек дружно кривил носы и губы. Все равно надолго мальцу здесь задерживаться не давали.

Я же спокойно подходила к решетке каждый раз, как за ней возникала щекастая мордашка над кружевным воротничком. Здравовалась, улыбалась, разговаривала в том же тоне, что и в первый день, подзывала поближе и показывала с разных сторон “самого большого шас...сас...л”салха”. Мужик покорно служил экспонатом зоопарка и по первому требованию садился, махал хвостом или скалил внушительные клычищи, последнее – под аккомпанемент восторженного пацанячьего визга.

А потом случилось сразу две вещи, которые снова привлекли высочайшее внимание к моей персоне.

Однажды утром я отчетливо поняла, что здешнее и без того не слишком жаркое лето подходит к концу. И с каждым днем становится все холоднее. Что это значит для нас с Никиткой? Ну... катастрофа – это даже не совсем то слово, которое передает всю глубину разверзшейся перед нами жо... пропасти.

Каменная лачуга, в которой мы живем, не отапливается от слова “совсем”. Окошко под потолком, естественно, никогда даже не имело представления о стекле. Щелястая, сбита из кривоватых досок дверь никоим образом не способствует удержанию тепла. Короче, приплыли... А в довершение всего, выделенная нам с Никитосом на двоих вонючая полусгнившая овчина – не тулуп, и даже не простая жилетка, а примитивная шкура с дыркой для головы – это все, что полагалось песьей службе на зиму от щедрот герцогства. Хочешь – спи на ней, хочешь – под ней, а хочешь – на пол постели, если не слишком брезгуешь ходить босиком по свалывшейся и забитой жирной грязью пакле, к тому же еще и полной блох.

У меня просто выхода другого не оставалось – пришлось вспоминать вообще все, что я знаю о валянии. Потому что ничего, кроме вычесанного из стаи богатства, у меня не было.

Зато шерсти той оказалось... достаточно. Я как-то не обращала внимания на количество, каждый день приводя в порядок одного-двух кобелей и раскладывая очески по цветам. Просто убирала потом очередную накопившуюся пушистую кучу в мешок и уносила в дальний угол. А тут вдруг выяснилось, что с тридцати восьми крокодилов и одной крокодилихи за полтора месяца можно начесать целую гору полезности.

Я оценила богатство, поскребла в затылке и взялась за дело. Мыльного раствора мне взять, конечно, было негде, но я уже давно и успешно заменяла его самодельным щелоком (чем, кстати, ставила в тупик кухонную прислугу: в общую прачечную не совалась, дефицитного мыла не просила и не воровала – а меня, как потом выяснилось, довольно долго подстерегали, надеясь застать за этим занятием) и при этом выглядела чище и опрятнее самой привилегированной служивой прослойки.

Первая войлочная кошма получилась страшенькой, комковатой и перекоsobоченной, но я не унывала. Может, она и не годилась на модельную фуфайку, зато прекрасно пошла на внутреннюю обивку двери. А дальше дело закрутилось.

Если как следует замотивировать человека, оказывается, что в его голове хранится уйма самых разных сведений. И все эти сведения, навыки и ухватки всплывают в памяти как миленькие, да так ярко!

Дома я спокойно шла в магазин и покупала себе и детям пуховики. А тут живо вспомнила, как училась на курсах шить мегамодные пальто из дерюги, на которую потом наваливался слой шерсти. И чтобы не просто войлоком, а еще и с креативными узорами, суперабстрактными разводами и все в таком духе.

Сейчас мне было, конечно, не до узоров, но несколько бессонных ночей обеспечили Кукушонка не только длиннополой помесью халата и кафтана, но и теплыми штанами, и войлочными ботами системы “угги”. Выкройка последних тоже очень вовремя вынырнула откуда-то из времен первой беременности и бешеного увлечения разнообразным хендмейдом.

А потом я и сама приделалась, не слишком заморачиваясь “красивостью” получившейся экипировки в угоду теплу и удобству. И вот тут-то мое новаторство уже привлекло к себе серьезное внимание.

К счастью, донос, который на меня сочинили, дошел сразу до самого верха – то есть до герцогини. И та, вместо того, чтобы санкционировать отлов и допрос с пристрастием, как надеялись доносчики, решила полюбопытствовать сама.

Тут, наверное, и еще один фактор наложился. Винни-пух...

Дело в том, что, общаясь с наследником, я никогда не подпускала к нему Никитку. Всегда в этот момент находила ему занятие подальше от решетки. Детям не объяснишь, что вот конкретно этот мальчик не просто задается, и дать ему лопаткой по голове – не самая лучшая идея. А мой спокойный, даже флегматичный Кукушонок “дать по голове” очень даже умел, если вдруг новый знакомый начинал выходить за рамки. Нет, он не сразу дрался и довольно долго терпел, но потом... нафиг, товарищи. Привыкший к абсолютной безнаказанности, особенно среди ровесников, Вирсент – это не та компания, которую я желаю собственному сыну. Во избежание...

Как-то вечером его светлейшество наследничек вдруг появился во дворе в совершенно неурочное время. Обычно малыш приходил по утрам, задерживался на полчаса и отбывал по своим важным наследственным делам, а тут...

У Никитоса в этот день случился внеочередной приступ мамсика и капризули. Ну что поделать, бывает такое с малышами, особенно в стрессовом состоянии. Как бы то ни было, резкая перемена в жизни, исчезновение отца и сестры все равно не прошло для сына даром, хотя я все время старалась его отвлечь, и в целом мне это удалось.

Но все равно он стал чаще просыпаться и плакать ночью, и даже хорошо, что в нашей лачужке была только одна постель, в которую я укладывала ребенка вместе с собой. Никитка быстро успокаивался, стоило обнять покрепче, и снова засыпал под тихую колыбельную и ласковое поглаживание по спинке, но я до слез остро чувствовала его страх. Кукушонок очень боялся меня потерять... и обычно весь следующий день немного капризничал, требуя внимания.

Под вечер я, вымотанная донельзя, не нашла ничего лучшего, как устроиться в “кресле” из свернувшейся Найды, посадить сына к себе на колени и унять его сказкой.

Да-да, про милого плюшевого мишку и его друзей.

И не заметила, как у сказки прибавилось слушателей. Опомнилась только тогда, когда за решеткой возмущенный детский голосок выдал

свое фирменное:

– Посли все вон! Хочу слушать про Пятаська!

И кончилось все тем, что “про Пятачка” и про невиданную одежду из воздуха – ну а как еще прислуга могла воспринять пополнение моего гардероба там, где отродясь ничего подходящего для таких изысков не водилось – захотела узнать ее светлость.

Нет, мне не предложили должности няньки при наследнике. Еще чего! Этой чести достаивались только проверенные благочестивые вдовы герцогских вассалов. И меня не повысили до главной советницы леди или ее наперсницы. Ага, безродную эльфийскую подстилку с псарни, шазз, два раза.

Но вот о том, как делать войлок – об этом выпросили во всех подробностях. И потребовали демонстрацию. И забрали в прачечную для слуг процеженный щелок. И...

Хорошо хоть, собачью шерсть не конфисковали. Тут оказалась, кстати, забавная тонкость: ходить в одежде, сваленной из этого материала, дворянам было зазорно, а обычной прислуге – слишком жирно. Я, как непосредственно занятая на псарне, могла пользоваться оческами, тем более, раз сама и придумала, как их добывать. Но только для себя или ребенка и только пока нахожусь на службе у герцога. Продавать что-то просто так я не имела никакого права.

К счастью, герцогиня все же умела ценить полезных слуг и понимала, что такое следует хоть как-то поощрять. Так что мне вменили в обязанность разобраться с запасами негодной для пряжи овечьей шерсти, накопившейся в кладовых, обучить этому нужному делу парочку совсем молоденьких девчонок, а взамен я получила привилегию рассказывать наследнику свои необычные “эльфийские” сказки, брать на кухне дополнительные продукты для ребенка – в частности, молоко, и... тра-ля-ля!!! Продавать свои изделия в предместьях, через герцогского управляющего, естественно, отстегивая в качестве “налога” больше половины вырученной суммы.

Скорее всего, разбогатеть на этом не удастся, но, черт возьми! Лиха беда начало!

Ну а сказки... сказок я знаю много. И уверена – слушать их будет не только наследник, для которого приносили резное креслице с меховой полостью и ставили у решетки (так и пустили служанку с псарни в герцогские покои, ага), но и куча другого народа. И самое

интересное заключается в том, что Винни-Пух, Тигра и Пятачок помогли мне завоевать не только детскую симпатию.

Сложно презирать и ненавидеть того, кто рассказывает такие необычные и веселые истории.

Да и я, признаться, благодаря сказкам своим много нового узнала о тех, кто меня окружает. В частности, благодаря этому две мои “ученицы” в прачечной, где я давала очередной мастер-класс по валянию (а заодно и сама активно вспоминала разные примочки, репетируя, прежде чем потрачу “свою” шерсть), перестали вздрагивать при моем появлении, дичиться и в то же время задирать носы.

– Я думала, ты противная... – выдала мне на третий день сказочно-войлочных отношений младшая из них.

– М-да? – я задумчиво почесала бровь мизинцем (остальные пальцы были в щелочи) и улыбнулась конопатой малявке. – А теперь чего? Не думаешь?

– Не-ет... – две тощие рыжие косицы с тряпочными завязками на концах задорно подпрыгнули, когда малявка мотнула головой. – Ты это... нормальная.

– Уже хорошо, – согласилась я, расправляя особо плотно сбившуюся шерсть на куске мешковины. – А ненормальная бы что делала? Гонялась за вами по двору с кочергой наперевес и кусала всех за пятки?

Обе девчонки радостно захихикали. Вот, правильно, хорошая шутка всегда помогает разрядить атмосферу, а то меня подзадолбало, если честно, воевать с кухонной прислугой.

– Хи-хи... нет, эльфийские под... э... подружки не кусаются, – прокомментировала наконец вторая – пухленькая брюнеточка с большими, влажными, оленьими глазами в густых ресницах. – Просто они... ну... важные всегда такие, словно если переспали с эльфом, то все, остальные теперь пыль у них под ногами и должны преклоняться. Нос дерут, а сами... – она махнула рукой и ойкнула, побежав догонять радостно ускакавший со стола клубок ниток.

– Мы думали, что ты такая же, – пояснила рыженькая, аккуратно, как я показала, натягивая край дерюги, чтобы мне было удобно раскладывать шерсть ровным слоем.

– Сидишь за решеткой, на всех шархушей натравливаешь, ни поболтать не придешь вечером, ни чего еще.

– А теперь чего? – вздохнула я, мысленно выдав себе подзатыльник. Конечно, наглецов, что приходили на псарню поорать оскорбления, я бы и еще раз кобелюками шугнула, но ведь были и другие. А я, напуганная столь резкими переменами в судьбе и неизвестным будущим, растопырилась иголками, как та ехидна. Нет бы присмотреться к народу, попробовать контакты наладить... Слава сказкам! Само оно как-то вышло, благодаря им.

– А теперь вот все увидели – ниче ты девка, не занозишься, ежели к тебе по-людски, – вдруг басом сказали от двери, которая находилась у нас за спиной. Я резко обернулась...

Глава 2

В дверях обнаружился дюжий конюх, дядька лет сорока, который пару раз мелькал недалеко от псарни, но никогда не подходил и не пытался со мной заговорить. Правда, я видела, как он морщился, слушая визгливые сентенции старшей прачки – вот уж кто все никак не мог сладить с желанием поорать про мою шлюхину натуру, хотя раз за разом была вынуждена с воплем удирать от свирепо кидавшейся на ограду Найды.

– Если с людьми по-людски, так они обычно тем же отвечают, – со вздохом согласилась я и улыбнулась. – Вы что-то хотели, господин Шуссерин?

– Да какой я тебе господин, Шусс я, да и все. Я-тко вот... спросить пришел, – конюх степенно прошел к столу, за которым мы работали, и аккуратно выложил на него серое, довольно замурзанное нечто. Войлочное. Дырявое.

– Такое дело... потники да вальтрапы эти наш управляющий с юга получает, с оркских земель. И стоят они дорого. Понятное дело, господа что поновее приказывают брать, когда для них седлаешь, а эти чего ж? И не выкинуть – господин Бросселин голову снимет, коли последней соломинки не досчитается, и в дело не пустить... хоть бы и лакейским лошадам. Сможешь чего-нить придумать, девонька?

Я задумчиво пощупала истончившиеся края дыры. Нахмурилась.

– Тут ведь, девонька, дело-то такое, – Шусс тоже провел огрубевшим от мозолей, но чистым пальцем по рваному краю. – Заплатку не поставишь и шов не сделаешь, оно ведь под седлом, вмиг животине спину до крови изотрет. Ты это... померкуй, которые еще

годны подлатать, а ежели нет – так, может, еще на что полезное пустишь, и себе чего-нить выкroiшь.

– Ничего не буду обещать, Шусс, но попробую, – кивнула я. – Мне самой интересно.

Конюх ушел обнадеженный, а мы с девчонками еще почти два часа возились вокруг стола и болтали. Сколько же я всего нового узнала, кроме обычных кухонных сплетен! Да и сплетни, если их внимательно выслушать и хорошо обдумать, тоже могут дать пищу для размышлений.

Удачно, что эти две трескотуши больше любили говорить, чем слушать, и моих коротких одобрительных хмыков, восторженных ахов и удивленных охов им вполне хватало для того, чтобы считать беседу приятной и содержательной.

Вот так все потихоньку начало налаживаться. Я даже Никитке нашла компанию – двух девочек-близняшек чуть помладше него, веселых, шептутных и отчаянно добродушных. И что существенно – чистых.

Точнее, такими чистенькими они стали не без моего участия. Мама их – совсем девчушка, едва шестнадцать ей было, ну никак не больше. Выдали девчонку из деревни замуж за герцогского солдата, а тот поселил жену в каморку при кухне, заделал детей и свалил куда-то с посольством. Точнее, он, может, и не рвался никуда от молодой жены и теплой кухни, но кто солдата спрашивает...

Мурилла (ох, вот где родители с именем-то угадали!) оказалась очень тихой, спокойной, доброй и услужливой девочкой. И, естественно, кухонное бабье царство ее почти мгновенно заклевало. Спихнули на дурочку всю самую черную работу, ей и с детками понянчиться некогда было – так и таскались за материным подолом из одного самого грязного угла в другой. И вечно получали то тычок, то щипок от тех, у кого невольно путались под ногами.

Я пару раз посмотрела на это со стороны, поняла, что сама Мурилла никак за себя и за детей не заступается, и...

Нет, воевать с бабами было бы неправильно. Только-только меня стали понемногу принимать... хотя себя я в обиду все равно не давала, и это все уже усвоили. Шипение в спину притихло, но не исчезло совсем.

И в одно прекрасное утро я набралась наглости и попросила у метрессы Кунегорды – старшей кастелянши – еще одну помощницу в валяльню. Поскольку конюх Шусс всюду расхваливал мое искусство и хвастался отремонтированными потниками, а в войлочные чувяки, сооруженные из обрезков и подшитые обрезками же кожи, обулась уже чуть ли не треть дворни, включая меня саму (единственные сапоги надо беречь!), просьба моя была благосклонно выслушана.

И к неудовольствию самых склочных кухонных баб-поломоек – эту непрестижную и малооплачиваемую работу обычно поручали закоренелым неумехам да распустехам – они лишились безотказной дуры, на которую можно было спихнуть самую противную часть своих обязанностей.

Это, конечно, породило новый виток шипения в спину, да только кто б их слушал. У меня как-то сама собой завелась репутация умной, воспитанной, достаточно скромной и не заносчивой, но в то же время способной дать отпор женщины... и появились если не друзья – то приятели и просто дружелюбно настроенные знакомые среди прислуги.

А Мосси и Квасси (господи, а я еще жалела соседскую девчонку, которую полоумные родители назвали Пенелопой... при фамилии Кусько) были решительно усажены в корыто и отмыты до скрипа в тот же день, когда их робкая и немного испуганная мамочка переступила порог комнаты, выделенной нам под работу с войлоком.

На все мои команды она только хлопала ресницами и мелко кивала, ну я и развернулась.

И волосы близняшкам остригла почти под ноль, истребив тем самым незаконных мигрантов-паразитов. Кстати, от греха и чтобы девчушкам не было обидно, я и вертевшегося тут же Никитоса подвергла этой процедуре, попутно объясняя в ужасе застывшим помощницам пользу гигиены. Сошло за эльфийские секреты, которые я якобы разузнала, будучи... где-то там.

Эльфийский след разом решил все сомнения и даже вызвал немного нездоровый энтузиазм. Оказывается, эльфы тут – законодатели мод. Причем даром никому ничего не показывают и не подсказывают, их “секреты красоты и здоровья” стоят порядочных денег. Кстати, людей они считают грязными обезьянами и не скрывают этого. Ну... с гигиеной тут действительно все грустно.

Мой авторитет мгновенно вознесся на недостижимую высоту, девчонки готовы были смотреть мне в рот и, пожелай я, без раздумий уселись бы попами на муравейник – если оно для красоты! Уже второй раз с момента попадания эльфийская легенда пошла мне на пользу – иначе черта лысого они стали бы меня слушать.

Я мысленно потеряла лапки – надоело изо дня в день нюхать запах немытого тела и потных подмышек... так что к вечеру мы дружно выскоблили самый большой чан, в котором замачивали шерсть, натаскали воды, щелока, растопили печь, заварили собранную девчатами за конюшней крапиву и приступили к священнодействию...

Ну что сказать... результат превзошел все мои ожидания. И ожидания девчонок, вот что главное. Вымытые, причесанные, переодетые в чистое, они вертелись перед кадучкой с водой, по очереди заглядывали в нее и время от времени с восторгом нюхали друг друга, уверяя, что такими благовониями пахнут только знатные дамы.

А потом дружно стали тереть кулачками глаза и буквально рухнули на лавку тут же, за печкой. Еще бы, их кожа отродясь, наверное, не была такой чистой, так что кислородное опьянение не заставило себя долго ждать.

Но в целом эксперимент удался. Через неделю регулярного мытья у рыжей Марсы пропали прыщики на носу, Мурилла застенчиво похвасталась, что зажили мелкие язвочки на бедрах, а у Тотеры исчезла потница. Сколько было изумления и восторга... Девчонки свято уверовали в силу эльфийской магии и, дай им волю, вообще не вылезали бы из чана с водой.

Если бы не мысли о муже и дочери, я бы, наверное... даже перестала каждую ночь просыпаться в слезах и вспоминать прошлую счастливую жизнь.

Днем было легче, мне и правда нравилось чувствовать, что меня уважают, что моя простая и незамысловатая работа нужна людям, что мне некогда присесть, не то что скучать! И всегда есть с кем поболтать, посмеяться, а то и научить чему-то новому. И самой научиться, кстати! Прясть, например.

К тому же Никитка, я видела, тоже по большей части днем чувствовал себя прекрасно. Играл с близняшками, даже познакомил их с Найдой и Мужиком, так что теперь троица частенько бесилась на

псарне под присмотром собак, пока мы работали. Кукушонок подрос, поправился, радовал меня здоровым румянцем и ясными блестящими глазами... а ночью просыпался с криком и долго плакал, уткнувшись мне в грудь.

А потом у меня появились первые в этом мире собственные деньги, а с ними и надежда. Безумная, почти нереальная надежда...

Герцогского мишутку разглядели другие придворные, и я получила заказ сразу на трех зверят – двух таких же мишек и одного лисенка. Половина денег, как заведено, ушла в герцогскую казну, еще четверть оставшегося – управляющему и кастелянше за хорошее отношение и посреднические услуги, но даже за вычетом этого сумма по здешним меркам была очень солидной. Я демонстративно унесла деньги внутрь псиного жилища и спрятала узелок в соломе там, где обычно спал Мужик.

Несколько украдкой брошенных на меня взглядов, разочарованно-злобных и даже ненавидящих, яснее ясного показали мне, что расслабляться нельзя.

А вскоре произошло то, что разбило иллюзию безопасности и относительного благополучия в мелкие осколки.

Позже, много позже я поняла, почему именно я вляпалась в это... э... в эту пахучую субстанцию по имени герцог Иноворосс. То, что на первых порах меня спасло – легенда об эльфийском любовнике – то меня в конце концов и погубило.

Скорее всего, товарищ герцог недостатка в женском внимании отродясь не имел и сильно вряд ли заинтересовался бы новой служанкой, даже если бы она была королевой красоты.

Но тут такая фишка... эльфы, они ж не только законодатели мод в красоте, тряпках и здоровом образе жизни. Здешнее население свято уверено в том, что ушастые – непревзойденные гуру в сексе, отлично знают, что такое небо в алмазах, и, что важнее, уж никак не оставят даже временную человеческую любовницу без таких важных знаний в свете убажания себя любимых.

Ну вы поняли, да? Плевать хотело это дерьмо собачье и на мое предполагаемое благородное происхождение, и на моего ребенка, и на мою репутацию, и на мою жизнь... и на свою жену!

Началось все с мелочей. Я вдруг почувствовала чей-то взгляд. Точнее, я стала чувствовать его постоянно, во дворе, в своей валяльне,

и особенно на псарне – что самое странное! Но сколько ни оглядывалась – так никого и не увидела.

А взгляд преследовал, он становился все... настойчивее, я словно кожей ощущала жадное внимание, какое-то болезненное любопытство и сытую уверенность хищника – жертве никуда не деться.

Сколько я себя ни убеждала, что параноя еще никого не доводила до добра, но через три дня такого “наблюдения” уже вздрагивала от каждого звука и с трудом подавляла желание схватить в охапку Кукушонка, забиться в самый дальний угол песьего дома и отгородиться всеми тридцатью девятью крокодилами...

А на четвертый день за мной просто и буднично пришли. Конечно, не сам герцог, еще не хватало. Выйдя на окрик из валяльни, я обнаружила посреди двора демонстративно сморщившегося и прикрывающего курносый прыщеватый нос надушенным платком хлыща лет двадцати, мосластого, как верблюд, и такого же надменного.

– Следуй за мной, девка! – сходу заявила жертва едва законченного пубертата и одарила липким похотливым взглядом, особенно задержав его на моей груди.

Я оглянулась на играющих у самой решетки детей, потом на Муриллу, украдкой высунувшую нос из валяльни. Надеюсь, она поняла мой красноречивый взгляд и едва заметное движение подбородка в сторону псарни. Надеюсь... мне будет гораздо спокойнее, если дети окажутся под защитой стаи.

– Да, господин, – я почтительно, но без раболепия поклонилась и пропустила напыщенного хама вперед, покорно пристроившись в трех шагах позади него – как и положено служанке.

Не знаю уж, чего это мурло так сморщилось, но замечания он не сделал, развернулся на каблуках и стремительно зашагал тощими, поверблужьи мосластыми ходулями вон с черной половины замка.

Отстав на положенные три шага, я уже понимала, что ничего хорошего меня не ждет. Гулкие коридоры со сводчатыми потолками становились все темнее, факелы или то, что здесь их заменяло (магия? Хм...), встречались все реже, хотя мы вроде бы поднимались в верхние “чистые” покои, а я только крепче сжимала зубы и мысленно готовилась... к чему? Сама не знаю.

И все мои приготовления оказались напрасными, когда, сворачивая в чуть более освещенный коридор, верблюд в шелках вдруг резко остановился. Так резко, что я почти налетела на него.

– Ну что, курочка, – меня едва не стошнило от слащавости его тона и мокрых губ, сунувшихся почти вплотную к моему лицу. – Покажи, чему тебя ушастые научили. Будешь послушной – подберу, когда его светлость наиграется и выкинет обратно на псарню или на улицу.

– Разве его светлость не приказал мне явиться немедленно? – растерянно переспросила я, отступая на полшага и с досадой чувствуя за спиной холодную каменную кладку. Черт, что же делать?! Ведь эта тварь уверена в моей беспомощности и своей безнаказанности, и он прав... почти. Потому что я, даже понимая опасность сопротивления, скорее придушу гниду, чем...

– Глухая курица! Его светлость приказал привести тебя вечером! – расхохотался засранец и властно схватил меня за плечо, дергая к себе и вниз, словно пытаюсь уронить на пол или... поставить на колени! Ах ты, ссу... и штаны развязывает, вонючка малолетняя!

Очень трудно вживаться в чужой мир, и это не из-за отсутствия привычных удобств или удовольствий. Гораздо сложнее заставить себя принять здешние законы и примириться с ними... служанка с псарни, беглая эльфийская девка с ребенком никогда в жизни не стала бы сопротивляться знатному господину – дворянство здесь воспринимали чуть ли не богами.

А Наталья Лаврова, жена подполковника в отставке Алексея Лаврова, мать его детей, шальная девчонка, в юности мечтавшая стать кинологом-спасателем, со всей дури заехала мразеньшу коленом в пах раньше, чем успела обдумать последствия собственных действий.

Как бежала назад сквозь лабиринт коридоров, я не очень хорошо запомнила. Хорошо еще, никто навстречу не попался – затоптала бы и не заметила. Заблудиться не позволил инстинкт загнанного в угол зверя – я почти безошибочно пролетела в обратном порядке весь свой недавний путь и по инерции едва не спланировала с высоких каменных ступенек, ведущих на синий двор.

– Натаэль! – не обращая внимания на окликнувший меня голос, я метеоритом пронеслась по чисто выметенной брусчатке и едва не снесла решетчатую ограду шархушни.

Псины мои встретили меня внимательно-встревоженными взглядами, а потом, словно по беззвучной Найдиной команде, начали плавно и вроде бы неспешно выбираться из логова и грамотно распределяться на самом опасном направлении – у калитки. Так, что скоро живая мохнатая стена прочно отгородила меня и подхваченного мной на руки Кукушонка от всего остального мира.

Заскочив в нашу хижину, я пометалась из угла в угол, потом спохватилась, усадила слегка испуганного переполохом сына на лежанку, выпрямилась и несколько минут сосредоточенно и глубоко дышала "животом", периодически задерживая дыхание. Так учил Лешка, это был хороший способ унять панику и попытаться здраво оценить произошедшее.

Так... все зависит от того, поднимет ли крик оставленный в недрах замка сученок, как только сможет разогнуться и передвинуть свои "всмятку" из того угла, где я его бросила. Есть шанс, что промолчит – вряд ли герцог будет доволен его самостоятельной попыткой пролезть поперек бабки ко мне под юбку. Но даже в этом случае мстительный гаденыш постарается устроить мне веселую жизнь всеми способами, которые придут в его извращенскую башку. Это плохо... а еще сам герцог, чтоб ему пусто было, козлу озабоченному! Ему по яйцам точно нельзя...

Но еще хуже, если оскорбленный дворяненок от злости забудет про гнев сюзерена и про позор получить славу битого девкой слабака и открыто обвинит меня в покушении на свою священную особу. Такое тоже вполне может случиться – ведь это будет его слово – слово дворянина – против моего, и мало ли что он придумает – взяла и напала, тварь такая, без повода и причины.

В любом случае, надо собрать вещи и быть готовой бежать. Господи, зима на носу... куда я пойду с ребенком? Ох, дура... надо было не просто бить эту мразь по яйцам, а добивать. В таком случае был шанс отбрехаться – я слабая женщина, а кто напал на господина, я не разглядела... ох.

– Натаэль! – сквозь негромкое, но оттого еще более страшное Найдино рычание пробился голос старшего егеря, и непонятно было, чего в нем больше – тревоги или...

– Вот чертова баба, куда ты запропастилась, дура, жопу демона тебе на голову! Убери шархушей, идиотка, и иди сюда, думать будем.

Там по твою душу ушан явился, слышишь?!

Заполошно колотившееся о ребра сердце обморочно замерло и провалилось куда-то в желудок. Ушан? Эльф?! За мной... или за моим сыном?!

А кому мы еще могли понадобиться? Мифическим любителям человеческих женщин в своей эльфийской постели? Не смешите мои тапочки... это заказчик. Та самая гнида, которая разрушила нашу жизнь и мою семью. Как нашел... как нашел? А меньше выпендриваться надо было со своей гигиеной и “уникальными” навыками дрессировки. Мазать Никитоса грязью поверх только что выстиранной одежды, самой переодеться чучелом и сидеть в дальнем углу псарни, вообще не высовывая оттуда носа!

Впрочем, бесполезно теперь сожалеть, надо быстро решать, что делать дальше. На всякий случай я вытащила из-под лежанки давно сшитую из мешковины торбу и покидала туда все наши с сыном немудреные пожитки. Переобулась в сапоги, одела потеплее Кукушонка, а сумку отнесла Найде и, скрываясь за спинами остальной стаи, быстро привязала ее к импровизированной веревочной сбруе, надетой на собаку. Если что – драпать будем вместе. Мне и в голову не пришло бы оставить родное существо во власти не слишком добрых людей и сбежать без нее. Впрочем, кто кому в этой ситуации нужнее – это еще вопрос...

Поговорить с егерем я не успела – пока провозилась, ему надоело разоряться на весь двор, да и стража подоспела. Похоже, мне либо придется прорываться с боем, либо...

Про бой пришлось забыть – дураков в замке не водилось. И закованные в кольчугу стражники принесли с собой тяжелые арбалеты. Мне было очень страшно, но бросить под стрелы стаю я не могла. И поэтому, оставив ребенка Найде, сама пошла к калитке.

– Пошевеливайся, женщина! – холодно и равнодушно приказал пожилой стражник, нетерпеливо постукивая древком здоровенной алебарды по плитам двора. – Не знаю, что ты натворила, но его светлость велели доставить тебя в большой приемный зал, где он сам решит твою участь!

То есть... меня велели доставить? Меня, а не ребенка? Ох, господи... может, все же дело в этом озабоченном мразеньше и его жалобе?!

Зря я понадеялась. И понятно это стало, как только меня под конвоем (можно подумать, я не женщина, а страшный монстр, если для того, чтобы провести меня через замок, понадобился десяток вооруженных до зубов мужиков) ввели в просторный светлый зал.

Обе боковые стены были прорезаны узкими стрельчатыми окнами, и причудливый световой калейдоскоп дробился в их стеклах так ярко, что, выйдя из полутемного коридора, я на секунду зажмурилась от неожиданности. А когда открыла глаза, наткнулась на ответный взгляд.

Ледяное любопытство, холодная, нечеловеческая заинтересованность, легкая брезгливость, досада и торжество... В этом нечеловечески-пристальном взгляде было то, что заставило мои коленки окончательно подогнуться... и нереально-прекрасное лицо, с которого на меня смотрели вытянутые к вискам, опущенные длинными ресницами безупречно-серые глаза, напугало меня сильнее самой страшной морды из ночного кошмара.

Вот ты какой... эльф.

– Да, герцог, это она. Пропавшая наложница моего брата, – голос у “высшего существа” оказался под стать лицу и глазам. Глубокий, завораживающе-красивый. Холодный.

Я лихорадочно пыталась сообразить, что такое несет этот ушастый... гад. Какая, к бесам, наложница? У него крыша поехала? Это тело до моего вселения было достаточно упитанной дамой в возрасте и с магическими заморочками, но никак не гурией в чьем-то гареме.

– Я допускаю мысль, что во время покушения на мою семью и последовавших за этим трагических событий эта женщина не по своей воле была потеряна слугами ее господина и была вынуждена спасать себя сама. Себя и ребенка.

Ух ты, как интересно. То есть, не виноватая я, он сам... того? Меня потерял? С чего бы?

– Я не уверен в том, что эта женщина покинула эльфийские земли против своей воли! – ага... вот и герцог прорезался. А ведь он недоволен появлением эльфа почти так же сильно, как я сама.

Мысли скакали бешеными кенгуру. Всего две сказанные фразы, а как много в них информации! Вернее, больше всего можно было почерпнуть даже не из самих сказанных слов, а из того, как они были

произнесены, с какой интонацией, взглядом, едва заметной гримасой... причем реагировать надо было не только на непосредственно говоруна, но и на окружающую толпу.

Герцог совершенно не в восторге от того, что какой-то наглый эльф пришел в его замок и по-хозяйски предъявил права на игрушку, которую здешний владыка уже присмотрел для себя. Но при этом либо не хочет, либо не может прямым текстом послать наглого ушастого гостя. И теперь они плетут странное словесное кружево вокруг меня, а мне надо быстро разобраться, что к чему и куда бы от них обоих убежать...

– Одинокая, незащищенная, слабая женщина с маленьким эльфом на руках одна в запретных пустошах? – в голосе эльфийской сволочи язвительная насмешка проступала сквозь вежливое удивление. – Вы можете в это поверить, герцог?

Угу, очень верит, то-то его перекосило. Не в прямом смысле – лицо держать его светлость умеет профессионально, но все равно чувствуется его досада. А вот в глазах присутствующей здесь же герцогини посверкивает совсем другое чувство. Понятно... куда ни кинь, всюду клин. От высокопоставленного козла не отобьешься – так его жена со свету сживет. Несмотря на всю мою практическую пользу в хозяйстве.

– Ну, не такая уж она незащищенная, – очень неприятно стоять и слушать, как два козла обсуждают твою судьбу, словно корову на рынке. А куда деваться? Патриархат, мать его, средневековый. – Я уже не уверен, принадлежат ли мне мои Л’Шархи, или они просто живут в моем замке, потому что их новая предводительница нашла это удобным.

Ух ты... все удивились. Я удивилась. И эльф удивился – причем заметно.

– Так что я думаю, что нам придется спросить у этой женщины, согласна ли она вернуться под покровительство эльфов или предпочтет остаться со своей стаей здесь, в пограничье.

То есть, это я могу выбирать? Ух ты, и все такое. Вот только...

Мои опасения тут же подтвердились:

– Ваша светлость, я требую правосудия! – та-ак, а вот и мразеныш! И что странно, ему никто не рад. Ну ладно я, а чего герцог так на него смотрит, словно пытается на месте испепелить? Или этот

озабоченный верблюд и здесь вылез не вовремя? Идиот, он и в Африке идиот. И в другом мире тоже.

– Эта тварь напала на меня! – я так и знала. Угу. Шел себе невинный верблюд по коридору, а тут из-за угла гадкая я с коленкой. С-скотина. – Я требую, чтобы ее отдали мне! Честь рода Бодервилей требует возмездия!

Тьфу, даже плюнуть противно, и почему-то ничуть не страшно. В смысле, очень страшно, но конкретно эту мокрицу с его угрозами я не боюсь. Наверное, потому что я вижу – мелкая сикельдя пытается влезть туда, где играют большие мальчики, и максимум, что он получит – это пинка под копчик.

Недоумок, мозгов не хватило даже на то, чтобы сообразить: вряд ли твой сюзерен обрадуется, поняв, что ты пытался первым съесть его пироженку, потому что, даже если я не смогу доказать, что ты меня домогался, всем все равно все будет понятно. А ведь есть еще и эльф... который едва не потирает лапки и смотрит на верблюжатицу, как на уже приготовленный бифштекс. Ага, тоже сообразил, что придурок заметно склонил чашу моего выбора в сторону “сматываться, пока цела”.

– Вот как... – задумчиво протянул ушастый нелюдь, и мне показалось, что он совершенно не по-эльфийски облизнулся. То есть, конечно, показалось, потому что ничего подобного внешне невозмутимо-совершенный эльф не делал. Только мне все равно так и мерещился довольный упыриный оскал за пухлыми четко очерченными губами.

– Вы, лорд, обвиняете наложницу моего брата и мать его наследника в нападении? – ох, мать моя... сука ушастая, все же вспомнил о ребенке! – Что же... как представитель ее семьи (это “ее семьи” он так голосом выделил, что все вздрогнули, и я в том числе) считаю должным принять ваши претензии и готов к сатисфакции в любой момент! – вот клянусь, но вурдалачье предвкушение с невозмутимой физиономии гостя считала не только я! Иначе с чего бы верблюморазь так шарахнулся, что даже на пару шагов назад отступил?

– Подождите, господин Хаэлирэль, – крайне недовольный герцог наконец опомнился и поспешил вмешаться. Уважаю мужика – уже понимает, что шансов мало, но бьется до конца... еще б чего хорошего добивался, козлина коронованная. – Насколько мне известно, женщина

по имени Натаэль пока никак не подтвердила, что готова вернуться под покровительство вашей семьи. В моем доме она сыта, одета и в безопасности, кроме того, сумела доказать свою полезность. Возможно, она покинула земли перворожденных потому, что с ней там плохо обращались, или она просто хочет жить среди представителей своей расы. Я, как сюзерен этого края, не могу отказать слабой женщине в защите, если она ее попросит! И сумею защитить ее от ЛЮБЫХ неприятностей.

Я опять ничего не успела ответить, хотя смотрел его светлость прямо на меня, причем о-очень выразительно. Я бы сказала – многообещающе. Защитник, мать твою через перила над водопадом... а от тебя меня кто защищать будет? Но ты – хотя бы уже знакомое зло... а от эльфа у меня мурашки и в животе надувается обморочный мячик.

– В таком случае, я думаю, герцог, вы не станете возражать, что сын моего брата тоже должен вернуться в лоно собственной расы и семьи.

Эльфийская выжла была холодной и торжествующей. Шах и мат.

После этих слов все как-то резко замолчали, и мне показалось, что я физически слышу потрескивание электрических разрядов от заполнившего пространство напряжения. Еще не понимая, чего именно все так... испугались, я подобралась и приготовилась дорого продать свою жизнь, а ребенка не отдать вовсе.

– Я не сомневаюсь в ваших словах, светлейший Хаэлирэль, – с неприятной улыбкой почти прошипел герцог. – Но вы же понимаете... существуют законы. Которые все мы, дети богов, обязаны соблюдать. Я думаю, вам не составит труда доказать право крови на этого ребенка, и тогда никто, естественно, не осмелится мешать вам забрать его.

Вот же... ссука! “Забрать его” – ну да, зачем тебе мой ребенок, любовница с прицепом – это лишняя головная боль. Он рассчитывает каким-то образом не отпустить меня вслед за сыном?!

– Но вместе с тем женщина по имени Натаэль все же не является больше собственностью вашей семьи, поскольку покинула радужные пределы и прожила среди людей больше двух лун. И, поскольку она пришла именно в мои земли, боюсь, я буду вынужден настаивать на том, что она останется здесь!

У меня ноги подкосились. Не знаю как, но если... если... я лягу в твою постель, герцог Инворосс, то ты после этого из нее больше не встанешь. Даже если мне придется перегрызть тебе горло зубами!

Видимо, что-то было в моем взгляде, поскольку коронованная скотина на троне... нет, не испугалась. И даже не запнулась, наоборот – в глазах герцога отразилась предвкушающая усмешка. Любишь опасность, твоя светлость? Покорные служанки давно надоели, а тут такая кусачая игрушка?

С огромным трудом, но мне удалось взять себя в руки. Не знаю, докажет ли эльф свое родство с моим сыном, но даже если вдруг нет... в замке я не останусь.

– Что же, герцог, тогда мы не станем терять время, и я призову родную кровь прямо сюда. Но смею напомнить, что по праву матери наследника женщина имеет возможность просить покровительства семьи, – ага, теперь и эльф смотрит на меня многозначительно и с насмешкой.

– Покровительства? – герцог презрительно скривился. – Вы хотите сказать, рабства! Человеческая женщина никогда не станет равной для первородных, и ее судьба будет полностью в ваших руках, верно? Ее время, ее тело, даже ее душа станет собственностью эльфов навсегда!

– Верно, – спокойно согласился эльф, не спуская с меня гипнотически-холодных глаз. – Все зависит от того, насколько женщина любит своего ребенка и на что готова ради него.

Намек прямее некуда. Хочешь оставаться с сыном – пойдешь куда скажут и на любых условиях.

Эльф между тем достал из-за воротника шелковой рубашки нечто, больше всего похожее на грубоватый деревянный кулон, подвешенный на простую серую веревочку. Снял его с себя, с улыбкой продемонстрировал всему залу, а потом сжал в кулак вытянутую над головой руку с деревяшкой.

Я вздрогнула и едва не упала – даже сюда долетел яростный рев и тоскливый вой Найды, а потом посреди зала, примерно в полуметре от пола возникла сверкающая точка. Она быстро росла и светилась все ярче, а потом с резкой вспышкой исчезла, оставив на мраморном полу испуганно озирающегося и уже готового отчаянно зареветь Кукушонка.

– Мама-а!

Я кинулась вперед раньше, чем кто-то успел пошевелиться, а эльф спокойно надел и убрал свою подвеску обратно под рубашку и, не скрывая прохладного торжества, спросил:

– Вам нужны еще какие-то доказательства, герцог? Я забираю сына моего брата, и если его мать предпочитает остаться...

– Нет! – да к черту, главное, не дать нас разлучить, а дальше я как-нибудь разберусь. – Я прошу вашей защиты и покровительства, светлейший Хаэлирэль! – хорошо еще запомнила, как зовут эту сволочь...

– Тогда собирай свои вещи, женщина, мы уезжаем через час! И шевелись быстрее! – куда пропала вся его вежливая, пусть и отстраненная галантность? Туда же, куда и моя свобода...

Интересно, когда мой новый ушастый владелец отправил меня собирать вещи, он понимал, что если мне кого и придется “упаковывать”, так это только стаю из тридцати девяти мохнатых крокодилов размером с лошадь?

Не знаю, о чем думал эльф, представления не имею, что на это скажет его козлиная светлость герцог, только от меня все равно ничего не зависит. Найда пойдет за мной даже в другой мир, а стая отправится следом за своим матриархом. Причем Мужик уже даже свою любимую недогрызенную баранью ляжку припер к калитке – мол, все, вещи собраны, я готов хоть на край света. Правда, насчет тридцати восьми особей это я погорячилась. Стая разделилась. Со мной уходят Найда и восемь самых старших в иерархии и по возрасту самцов. А молодняк, как успел шепнуть жутко недовольный моим отъездом и сочувственно вздыхающий главный егерь, теперь уйдет в пустоши, чтобы найти себе молодую матку. Это нормально и именно потому меня так безболезненно отпускают.

И посмеяться бы, да только не получается... потому что очень страшно. Худо-бедно здесь я свою жизнь устроила, создала хотя бы подобие комфорта и иллюзию безопасности. А что ждет меня там, за зубчатой крепостной стеной – кто знает... я больше себе не принадлежу.

Я даже не успела толком попрощаться, буквально на бегу обняла тихо плачущую Муриллу, торопливо пожелала остальным девчонкам удачи, счастья и хороших мужей... Уже выезжая со двора верхом на

Найде, вспомнила вдруг, что надо бы подсказать валяльщицам, чтобы не делали слишком насыщенный раствор щелока... и в сером мешке та шерсть, которую я отсортировала для особо тонкого войлока... и...

Глупая суета расставания разбилась в осколки о ледяной высокомерный взгляд, встретивший меня за подвесным мостом. Этот взгляд как-то подозрительно быстро из ледяного стал слегка ошарашенным.

Эльфийский кортеж, состоявший из двух десятков ушастых воинов, спокойно ждал своего предводителя чуть в стороне от дороги, и все они теперь тарасили на меня свои нереально-огромные, вытянутые к вискам глазища, как на... даже не знаю. Вот если цирковой мартышке взять и выдать автомат Калашникова – вот примерно получится то, что увидели первородные товарищи в моем лице.

Мартышка с автоматом – точнее, человечка с эльфом в руках, верхом на самке Л’Шархи и в окружении стаи самцов внаглую подъехала к их предводителю и почтительно поклонилась.

– Я готова следовать за вами, лорд Хаэлирэль.

– То есть герцог не преувеличивал, и слухи не лгали, – заключил эльф через пару минут, в течение которых осматривал нашу скульптурную группу от моих сколотых на макушке кос до неровно сточенных о булыжники Найдиных когтей.

– Владетелю здешних мест придется звать из пустошей другую стаю. Л’Шархи сами выбирают, кому служить, и нередко соглашаются жить в замке. А вот заставить их покинуть пограничье удастся крайне редко. Что же... твоя ценность только возросла. О том, кто ты на самом деле, занявшая тело, и о том, что ты должна будешь сделать, чтобы выжить и сохранить душу своего сына в теле моего племянника, мы поговорим позже. А теперь поехали, пока короткоухие не опомнились и не попробовали нас задержать!

Нда, с одной стороны – чем выше моя цена, тем больше надежды на то, что обращаться будут бережно. С другой – чувствовать себя чьей-то собственностью, даже очень ценной – непередаваемо отвратное ощущение.

Эльфийская кавалькада, сопровождаемая дикой стаей, легко снялась с места и устремилась по дороге на юг, в сторону перевала. Я не оглядывалась. Замок герцога остался позади, там меня ничто

больше не держало, и пока мы едем туда, где, по словам наемников, упали две души – мой муж и дочь – я буду покорно следовать за своим новым “повелителем”. А дальше... посмотрим.

До самого вечера мы размеренно глотали километр за километром довольно пустынный пейзаж – обжитые земли были только совсем рядом с замком. Пару раз откуда-то из-за торчавших чуть в стороне от дороги скал слышалось голодное завывание, эльфы сразу, как по команде, смыкали ряды и ощетинивались во все стороны длинными копьями. Понятно, зачем ушастой сволочи понадобился целый отряд, чтобы добраться сюда... Но теперь на этот посторонний вой мгновенно откликнулась Найда, издавая очень грозный хриплый рык, который тут же поддерживала стая, и всякие левые хищники разочарованно затыкались. Нда, я просто нереально полезная собственность, но очень надеюсь, что его ушастое владительство понимает, что защищать меня будут не только от мимобеглых зубастиков, но и от попутных эльфий, если им вдруг вздумается причинить вред мне или моему ребенку.

Уже глубокой ночью, когда я буквально из последних сил держалась на Найдиной спине (но так и не отдала уснувшего Никитоса никому из охранников), мы миновали перевал и спустились в крохотную долину между двух голых каменистых утесов. В тени одного из них уютно светил трепещущим огнем факелов постоянный двор... ну, во всяком случае, обнесенное высоченным тыном строение по всем признакам являлось именно им.

Из последних сил поднявшись в выделенную мне комнату и уложив сына, я выглянула в коридор, чтобы понять – где здесь можно раздобыть еды.

– Зайди ко мне в комнату, женщина. Самое время поговорить, – черт, эльфийские покои оказались дверь в дверь с моими, и его ушастая светлость меня заметил...

Я все же сначала убедилась в том, что ребенок спокойно спит, и только потом нехотя отправилась в комнату своего нового "хозяина", чтоб ему чирей на задницу...

Вот как чувствовала, что мне все это не понравится. Ушастый хам встретил меня, привольно развалившись в кресле и попивая вино из высокого тонкостенного бокала. С одной стороны – и бес бы с ним, с

его вальяжно-высокомерным видом, но уж очень мне его взгляд не понравился.

– Раздевайся! – лениво скомандовал этот первородный козел и прищурился на меня выжидательно-довольным взглядом сытого хищника, уверенного в своей силе и власти.

И что прикажете делать? Дать ему сходу канделябром по башке? Тут есть один подходящий, как раз справа от кресла стоит на столе, при желании даже удобно хватать его за основание и... угу. Нашлась Аника-воин. Козел хоть и рогатый, в смысле ушастый, но явно не лыком шит и меня же этим же канделябром... м-да.

Молча раздеться и ноги, простите, раздвинуть... не-а, не тянет. Причем так сильно не тянет, что я почти согласна устроить поединок на канделябрах. И если бы “попала” сюда одна – уже была бы битва.

Но у меня в соседней комнате спит Никитос, а за конюшней устроилось аж тридцать девять не кормленных еще деточек, к которым местная прислуга категорически отказывается даже приближаться. И мне надо добыть из ушастого извращенца ужин не только для себя и ребенка, но еще и для всей стаи...

Чего же он ждет от меня, этот товарищ рабовладелец? Очень сомневаюсь, что рабской покорности. Вон, гад, глазами сверкает, разве что не облизывается. И с интересом таким следит за моими размышлениями, дай ему волю – сунул бы под микроскоп и так изучал: что там за мысли мелькают на лице новой собственности с неизвестными параметрами?

Ладно, будем пробовать тонкий ледок ногой, прежде чем ступить всем весом... главное, не оступиться.

– Вот прямо так, сходу? – я задумчиво-иронично приподняла бровь и подошла на пару шагов поближе. – А поговорить?

– Значит, все же не плебейка, я был прав... – задумчиво протянул эльф (черт, забыла, как там его... на “Х”! В голове один Ху... лиэль, что ли? Как бы вслух не ляпнуть. Хорошо хоть не Хрен... тьфу!). – Лелиена выполнила договор, призвав для моего племянника сильную душу высокородного ребенка. Естественно, его мать не может оказаться шлюхой или покорной овцой. Тем интереснее будет... впрочем, всему свое время. Ты даже не пыталась меня соблазнить. Но

и строить из себя оскорбленную поработленную недотрогу-девственницу тоже не станешь, верно?

– Это зависит от того, как поработать будете, господин первородный, – я самую капельку расслабилась и пожалала плечами, искоса внимательно следя за его реакцией. Не психованный “господин”, не самодур, для которого жизненно важно втоптать другого в грязь, чтобы самоутвердиться. Уже хорошо.

– А ты занятая... человечка, – хмыкнул эльф и поставил бокал на столик. Я непроизвольно отметила, что теперь на полированном дереве остается мокрый след от доньшка, и так же мысленно дала себе подзатыльник – нашла время вспоминать, как гоняла Лешку за такие же прелести мокрым полотенцем. Он тоже любил кружку с пивом на бабушкин антикварный комод пристраивать... когда раз в три года притаскивал вдруг хмельную газировку в дом. “Гадость, а иногда так хочется!” – его слова. Я не протестовала, только за комод ругалась.

Где-то в груди знобко кольнуло, но я усилием воли собрала расползающуюся от тоски и неизвестности душу в кулак и сосредоточила все внимание на хозяине положения.

– Раздевайся. Я не собираюсь тебя насиловать. Пока, во всяком случае, – эльф слегка ехидно усмехнулся. – Хочу выяснить, что стало с телом сильной магессы после того, как аркан душ убил ее, а тебя втянуло в опустевшую оболочку. Это довольно странно... то, что ты выглядишь так молодо.

Упираться дальше, а тем более брыкаться было глупо. Особенно учитывая, что в глазах предполагаемого секс-интересанта светился скорее научный, чем похотливый интерес. Стесняться мне нечего, зато есть надежда, что товарищ первородный слишком высокого о себе мнения, чтобы совокупляться с “мартышкой”, или кем они тут считают людей.

Так что я молча дернула завязку на вороте и стала расшнуровывать платье. М-да... хорошо, что я не собираюсь устраивать стриптиз с целью соблазнения, эта средневековая мода... кому угодно желание отобьет.

Эльф бесцеремонно разглядывал меня, пока я разоблачалась, но помалкивал. Встал с кресла только после того, как я аккуратно сложила на пододвинутом стуле полотняные штаны, заменявшие мне нижнее белье, и выпрямилась.

Обошел меня по кругу, медленно, демонстративно никуда не торопясь. Оценил, так сказать, экстерьер. Чему-то там хмыкнул, а потом протянул руку и бесцеремонно приподнял мою левую грудь, словно взвешивая и на ощупь оценивая форму:

– Занятно... это тело стало не только молодым, но и более... совершенным. Почти эльфийским. У тебя нет волос на теле, или ты специально пользовалась какими-то мазями, чтобы избавиться от них?

Радовало только то, что никаких эротических ощущений этот щупальщик во мне не пробудил. Разве что легкую брезгливость. А то читала я... про предающее направо и налево тело. Мое вело себя прилично – покрылось легкими мурашками от холода и попыталось отстраниться от чужой руки, нагло лапающей за интимное место. Хотя казалось бы – ситуация самая располагающая для сексуальной фантазии: голая подневольная я и красавец властный эльф... вот только в жизни все совсем не так, как в сладких грезах под одеялом.

– Нет, волос не было сразу, – и правда не было, кстати, но я не слишком этим заморачивалась, а с точки зрения гигиены даже порадовалась. И подумала, что, наверное, здешнее население все такое от природы. Поняла свою ошибку только тогда, когда помогала Мурилле отмываться в бочке. Но и тогда не особо задумывалась над этим феноменом – может, магичка в свое время раз и навсегда извела эту вечную кормушку эпиляторов.

– Занятно... занятно... – похоже, у него это любимое слово, вот только интонация уж больно противная. – Я вижу в этом только один правдоподобный ответ: эта оболочка подстроилась под свойства твоей души и сделала тебя похожей на прежнюю.

Учитывая, что в своем мире я была пухленькой, дважды рожавшей кнопкой, это тело как-то очень странно “подстроилось” под мои параметры. Но разубеждать я никого не собиралась, ибо кто его знает, коллекционера ушастого. Он и так, гад, все продолжал ходить вокруг меня кругами и легонько оглаживать кончиками пальцев “оболочку”. Блин, мне это не нравится! Я уже не верю в чисто научный интерес, вон, у него уши подозрительно шевелятся, и кончики порозовели! Блин, не дай бог увлечется настолько, что без канделябра не договоримся...

– Значит, Лелиена случайно призвала души первородных из чужого мира... – эльф буквально сверлил меня взглядом и, похоже,

был горд собственной догадливостью. – Не пытайся меня обмануть. Я не владею родовым даром герцогов пограничья чувствовать правду, но вот этот амулет, – эльф покачал в воздухе прозрачной висюлькой на цепочке, – сразу определит, насколько ты искренна. За ложь я тебя накажу, так что в твоих интересах не морочить мне голову и отвечать правдиво. Отвечай! Твоя раса была первой и доминирующей в том мире, где ты жила?

Хороший вопрос, отлично сформулированный. Учитывая, что в моем мире вообще жила всего одна раса, то мы стопудово задоминировали всех, кому не повезло очутиться на нашей территории.

– Да, мой народ владеет миром по праву первородства, – получи, фашист, гранату! Ни слова лжи, хоть насквозь меня просвети своей висюлькой, я говорю правду. Вряд ли динозавры, что жили до нас, были разумны, и вообще, кто не вымер, тот и прав!

Этот вечер окончился без членовредительства. В смысле, эльфа я подсвечниками не била, хотя под конец разговора приложить сволочь чем-нибудь тяжелым хотелось до зуда в пальцах. Уяснив, а точнее, придумав для себя мое происхождение от “высшей расы”, ушастый рабовладелец нездорово оживился и продержал меня “в голом виде на морозе” гораздо дольше, чем требовалось для того, чтобы исследовать меня с научными целями. Под конец чертов вуайерист просто сидел в кресле и откровенно любовался “интересным сплавом признаков высшей расы и пластичного человеческого типажа”. Скульптор-вивисектор хренов...

Интересно, что я про эльфов в родном мире ни словечком не обмолвилась и все ответы строила так, что и на лжи не поймаешь, и правды не получишь. То есть получишь, но поймешь исключительно в силу собственного воображения.

Вот и эльф выяснил, что длинноухостью население моего мира не страдало, но в целом было невероятно круто и вообще суперменисто. Кстати, сильно выдумывать или выкручиваться не пришлось – общий уровень жизни, медицина, бытовые удобства, технические достижения, понятые как своеобразная местная магия...

Между прочим, он из меня и насчет “стран третьего мира” информацию выудил, дознаватель ушастый. И опять же интерпретировал по-своему. “Догадался”, что и у нас там местами

проживали “низшие”, хотя я это и пыталась отрицать, высокомерно хмыкнул – мол, что с тебя взять, глупая женщина, даже в своем мире была слишком наивна. Ну-ну... настаивать на своей версии я не стала.

Когда я окончательно замерзла и порядком озверела, хмырь с ушами перешел на “обычаи и традиции народов мира”, причем особенно его интересовали брачные ритуалы. С...ка белобрысая, сидит в кресле, развалившись, голову откинул на мягкий подголовник и оглаживает меня насмешливо-заинтересованным взглядом.

Не знаю, чем бы все это закончилось, но за стеной проснулся и заплакал Никитос. И мое терпение лопнуло: изображать рабыню Изауру мне и так надоело до чертиков, и если его эльфячьсть сейчас попробует меня задержать...

Молча, без разрешения натянув на себя платье и сгребая со стула белье, я, внутренне уговаривая себя быть вежливой девочкой, как можно почтительнее обратилась к рабовладельцу:

– Я могу идти, господин? – вот пусть только попробует сказать, что не могу! Я тогда... я тогда... не знаю, что сделаю!

Вопрос с пропитанием стаи решился неожиданно просто. Поскольку мы еще не покинули пустоши, прижимистый эльф не соизволил платить за десяток коров трактирщику, а просто “разрешил” клыкастикам отправиться на ночную охоту. Угу, попробовал бы не разрешить...

Ну молодец, чего... виртуозно сделал вид, что сам решил меня отпустить к ребенку и даже запретил бегать по коридорам трактира в неглиже. То есть не я сама строптивая коза, а он такой умный хозяин. Ну и черт с ним... пока. Главное, чтобы созерцание этого самого неглиже не вошло у него в ежевечернюю привычку.

Шатаясь от усталости, я, с капризничаящим сынулей на руках, выбралась во двор, где собственноручно открыла для стаи маленькую боковую калитку в высоченном заборе (в воротах крестом встал хозяин заведения, вопя что-то о трупах и монстрах).

Глядя, как волосатые крокодилы дисциплинированно, по одному, проскальзывают в узкий проем и исчезают в темноте, я тяжело облокотилась на оставшуюся рядом со мной Найду и меланхолично подумала, что теперь при бессоннице буду считать не овечек, прыгающих через ограду, а зубастых монстров, собравшихся на

охоту... Впрочем, какая бессонница, о чем я? Мне бы до кровати доползти...

И даже на эльфячью рожу наплевать, хотя он так и ходит за мной хвостом – наблюдает, видите ли, за своей собственностью. Вот сейчас как сяду на собаку и как ускачу во тьму!

– Для твоего сведения, женщина: твой сын – мой признанный по крови племянник. Пока мы были в замке герцога, я провел все необходимые ритуалы и уладил формальности. Мне даже искать его не надо будет, магия рода призовет свое дитя из любой точки этого мира.

У-у-у! Сволочь ушастая... то ли мысли читает, то ли у меня на лице слишком много написано. Да не убегу я никуда... пока. Ты, конечно, не подарок, но если для того, чтобы безопасно и официально ехать в ту сторону, куда унесло мужа и дочь, надо будет каждый вечер устраивать тебе бесплатный стриптиз – черт с тобой, будет тебе художественное обнажение под аккомпанемент мысленного мата. Главное, лапы не тяни куда не следует. Впрочем, это я слишком наивна, наверное, в своих надеждах...

Наше путешествие продолжилось от одного постоялого двора к другому через все те же серые, довольно скучные пустоши (скучные, потому что стая на корню пресекала любые попытки местных голодных обитателей нас “развлечь”).

И все равно следующие несколько дней я слишком уставала, чтобы нормально анализировать происходящее. Монотонная тяжелая дорога, неутрачивающее беспокойство, тянущая за душу тревога... а тут еще Никитос немного отошел от резких перемен в окружении и заскучал.

Ему быстро надоело целый день спокойно ехать на Найдиной спине, он вертелся, крутился, норовил сползти куда-то вниз на полном скаку, ревел, когда я ему этого не позволяла... короче, уже к середине второго дня пути ни одна эльфячья рожа не приближалась к нам ближе, чем на десять метров. И вовсе не из-за того, что стая бдительно охраняла матку и ее всадников, просто капризный Никиткин рев очень быстро свел на нет всякое эльфийское любопытство.

Кое-как, с большим трудом, мне удавалось отвлечь сынулю разговорами, сказками, игрой в слова и принудительным наблюдением за “ой, смотри, какая птичка” или “Кукушонок, давай посчитаем собачек?”

Никитос с переменным успехом отвлекался, а вот я к вечеру не только едва ворочала языком и всеми остальными частями тела, но и с трудом воспринимала то, что мне говорил таскающий к себе на ежевечерние беседы эльф. Это в первый вечер на волне стресса я остро реагировала, а теперь все, на что меня хватало – это не улечься на коврик прямо у порога и не заснуть. Сомневаюсь, что первородный рабовладелец меня пожалел, скорее всего, ему просто неинтересно стало раздевать и лапать шатающийся от переутомления и почти не реагирующий полутруп. Поэтому, задав пару вопросов и получив в ответ сонное мычание, он меня обычно отпускал. Только смотрел вслед так, что я поневоле просыпалась и с ужасом думала, что же будет там, куда мы в конце концов доедем.

Между прочим, мне достался очень хозяйственный... хозяин. Запасливый. Рачительный. Сволочь.

Заметив, что крокодилья стая на инстинктах притаскивает гораздо больше мяса, чем успевает сожрать до утра, эльф моментально организовал свою свиту, и они совместно намагичили нечто вроде переносного холодильника со свернутым пространством внутри. Иначе я никак не могу объяснить здоровенную тушу какого-то многорогого быка, которую у меня на глазах шустро запихнули в довольно маленькую коробочку, которую потом пристроили к седлу одного из охранников. Приглядевшись, я обнаружила, что почти каждый эльф обзавелся похожим девайсом и с голоду мы в ближайшие полгода точно не умрем.

А потом пустоши кончились и начались серьезные проблемы.

Довольно большой торговый город Шернисаар уютно расположился в долине между двумя “надвратными” скалами и служил естественным перекрестком многих путей: и в оркские земли, что лежали где-то далеко на севере за самыми гиблыми пустошами, и на восток, в леса эльфов, и на юг, в человеческие королевства.

Мы в хорошем темпе проехали через город от надвратных скал, словно отделявших зеленые плодородные поля от серой травы пустошей, до утонувших в садах богатых кварталов в излучине небольшой речушки, закованной в каменные набережные.

Эльфийское поместье оказалось совсем недалеко от богатого пригорода, но все же подчеркнуто отдельно от человеческого жилья. Мой рабовладелец по какой-то своей, сугубо секретной причине жил

среди “низших”, а не в вечном лесу, или как там их ушастые дубравы называются. И при этом демонстративно держал дистанцию.

По большому счету, мне было на это наплевать. Мне было о чем поволноваться, кроме как об эльфийском высокомерии. Несмотря на сильную усталость, все чувства обострились, как будто поблизости возникла опасность.

Найда тоже подобралась и сверкала исподлобья настороженным взглядом. Похоже, инстинкты нового тела брали верх, ей сильно не нравился слишком теплый для этого времени года, непривычно-влажный воздух и обилие густой зелени с резким запахом, за которой могла прятаться неведомая угроза.

Для стаи отвели место на заднем дворе, здесь оказалось несколько неясного назначения загородок, достаточно мощных, чтобы удержать взбесившегося слона. Но, как ни старались эльфы “уговорить” собачек войти в один из загонов, замкнутое пространство внушало животным недоверие, и пока по моей подсказке скривившиеся и жутко недовольные охранники не сняли одну створку мощных ворот с крайнего загона, ни один шарик туда даже не сунулся.

Получив право свободного выгула, пусть даже чисто символическое, Мужик со товарищи отправился метить и обживать территорию, а Найда царственно разлеглась посреди вытоптанного пространства, выбрав самое тенистое место.

Убедившись, что животных покормили, поставили воду и принесли несколько стеганых одеял для подстилки, я поудобнее взяла на руки Кукушонка и пошла в дом. Мне туда велели явиться еще полтора часа назад... но острое чувство опасности заставляло все замедлять и замедлять шаги. Как хорошо, что до парадных дверей идти и идти, а потом еще преодолевать чуть ли не пять десятков широких ступеней террасы...

– Где ты шлялась, грязная тварь? – с порога встретил меня женский голос, вся изящная мелодичность которого перекрывалась злобой и высокомерием. – Отдай мне ребенка, шлюха, и убирайся в помещения для слуг! Чтобы я не видела тебя рядом с достойным наследником, поняла?!

Высокая и, наверное, красивая блондинка с эльфийскими чертами лица смотрела на меня с верхней ступеньки расположенной в просторном мраморном холле лестницы как на вошь, заползшую в

храм чистоты. Ушастый рабовладелец стоял чуть в стороне и с равнодушным интересом смотрел то на меня, то на соотечественницу. Его даже вроде бы забавляла ситуация.

Я крепче прижала к себе сына, но в этот момент кто-то схватил меня сзади, а двое охранников вынырнули из-за бархатной драпировки откуда-то справа. Отчаянно завизжавшего Кукушонка просто вырвали из моих рук, а мне самой грубо зажали рот и поволокли в боковой коридор.

Глава

3

Прислонившись спиной к холодной стенке, я сидела на узкой подстилке в маленькой душной комнатке, запертой на ключ. Пыталась унять нервную дрожь, сжимала зубы, чтоб не стучали, и мысленно считала до тысячи и обратно. Раз за разом. Как долго мне еще придется считать? Не знаю... зависит от того, насколько терпеливые нам попались эльфы.

Не предвидеть такой исход я не могла. Взгляды, жесты, короткие обмолвки – никто из охранников за все время пути пальцем меня не тронул и прямо не показал своего отношения, но и скрыть его они не особо пытались.

Да и главэльф, хотя и проявлял интерес пополам с рассуждениями о высшей расе, временами так на нас с Никиткой посматривал... о том, что неприятности витают в воздухе, не догадалась бы только сосновая чурка, причем самая сухая.

Последние несколько дней, убедившись, что ушастые сволочи уже не вслушиваются в то, чем именно заговаривают зубы буйному “наследнику”, я планомерно проводила подготовительные работы.

Кукушонок у меня мальчик понятливый и хотя очень удивился, что мама не просто разрешает, а прямо учит вести себя “как плохой мальчик” в ее отсутствие, но проникся быстро. Он тоже чувствовал витающее в воздухе напряжение, и эльфы ему активно не нравились. Одного особо настырного охранника, который все старался ехать к нам вплотную, несмотря на неодобрительное порывивание Найды, сынуля пару раз даже пнул, извернувшись у меня в руках.

Вслух я его отчитала, а шепотом на ушко похвалила, после того как убедилась, что эльфячья педагогика категорически не приемлет физического насилия над высокородными отпрысками.

И вот теперь надо было сжать волю в кулак, пересилить панику и ждать... ждать, внутренне содрогаясь от ужаса – а вдруг ребенка просто... просто что? Усыпят? Заколдуют? Нет, я ведь не зря внимательно слушала всю дорогу и очень осторожно задавала вопросы рабовладельцу, прикрываясь при этом тупостью переутомления.

Эльфийские дети священны, и применять к ним магию нельзя. Почему – я не поняла, но это и не важно.

Не знаю, сколько я так просидела. Темнота в маленьком зарешеченном окошке посерела и сменилась яркой голубизной, организм настойчиво напомнил, что он, вопреки всему, еще жив, а ни еды, ни воды, ни прочих благ цивилизации в моем узилище нет как нет.

Я с трудом встала, едва не вскрикнув от боли – ноги жутко затекли. И уже собиралась постучать в дверь, чтобы привлечь хоть что-то внимание, как дом трянуло.

Хорошо так трянуло! Я едва не упала обратно на тощую подстилку, за окном заголосили, что-то с грохотом посыпалось... а толчки не прекратились, и стены моей темницы пошли неприятными такими, пугающими трещинами.

Я, конечно, хотела на волю... но такими темпами меня раньше завалит, чем освободит!

Дом на меня не упал. Это плюс. Еще целых полчаса ни один из моих тюремщиков так обо мне и не вспоминал. Это минус – я сама готова была разнести узилище по камешку.

Наконец за дверью зашуршало. Из “темницы” меня выпустил какой-то низкорослый и на удивление несмазливый ушонок. Он же провел меня темными коридорами в роскошную спальню, где заходился в истерике Кукушонок.

И только полдня спустя, когда измученный малыш наконец уснул, объявилось и его рабовладельческое сиятельство, чтоб ему ни дна, ни крыши.

В этот момент я так его ненавидела, что плевать мне было и на образ сексуального мачо, который он старательно транслировал, и на заметно возросший интерес в его глазах.

– Я снова оказался прав в своих предположениях... – у-у-у, так бы и треснула козла самодовольного по рогам!

Правда, сидящий в кресле эльф выглядел не столько довольным собственной догадливостью, сколько задумчивым. Он уже который раз сканировал меня взглядом серых миндалевидных глаз, от подметок до растрепанной после ночевки взаперти макушки. Начиная снизу, медленно поднимал взгляд, несколько секунд гипнотизировал прическу, вздыхал и принимался рассматривать заново.

– Видишь ли, как это ни странно звучит, магия – это всего лишь свойство тела, но никак не души. Когда я связался с метрессой Лелиеной, одним из требований было найти мир без магии и только оттуда призвать душу. Таким образом я предотвратил любые недоразумения и конфликт сущностей, потому что в теле моего племянника магии нет и никогда не было. А вот ты совершенно незапланированно заняла оболочку очень сильной и опытной магессы, а вместе с ее плотью, по идее, получила и магию. Но так демонстративно ее не применяла, что я позволил событиям тебя спровоцировать.

Чего?! Вот урод!!! Напугал мне ребенка, довел Кукушонка до истерики, я его два часа потом от себя отцепить не могла – начинал орать, даже если я пыталась просто лежать рядом, а не обниматься так, словно пытаюсь родить его обратно.

И все это за ради бредовой мысли о том, что я шпионским образом скрываю собственную магическую силу?!

– Я не спрашивал тебя напрямую, хотя почти наверняка мог определить, лжешь ты или нет. Но все же оставался мизерный шанс ошибиться... Зато теперь я знаю не только то, что ты владеешь магией, но и примерно представляю себе твой уровень.

Вот ошизеть, как здорово он все обо мне знает! Одна я, дура, как была в неведении, какая такая магия-шмагия, так и осталась!

– Теперь я могу задавать вопросы осознанно, не давая тебе шанса уйти от ответа. Итак! Какое заклинание ты применила, чтобы почувствовать, когда именно твоего ребенка вынесут из внутренних покоев и попытаются увезти?

Как я в обморок не грохнулась? Очень просто. Слишком сильно мечтала открутить этой ушастой сволочи голову, причем почти физически увидела фонтан крови из разорванной шеи и смутно белеющие на месте обрубка измочаленные позвонки.

– ОТВЕЧАЙ! – вот тварь! Чем-то он в меня пальнул, причем явно тем самым – магическим.

– Понятия не имею, – совершенно честно и правдиво ответила я, даже не испытывая досады по поводу своей вынужденной откровенности.

Нашел, блин, что спросить, идиот ушастый. Я никаких заклинаний вообще не знаю, так что хрен его разберет, что это вообще было. Я-то на все сто процентов уверена, что землетрясение этим уродам устроил сыночка, потому что когда мы с ним обнимались, он время от времени выпускал из пальчиков синие искорки, а глаза у Никитоса в этот момент начинали светиться. Не знаю, почему этого не заметили эльфы, может, это вижу только я, или Кукушонок начал светомузыку уже исключительно на стадии отходняка... но колданул определенно он, поскольку у меня никаких искр ниоткуда не выскакивало. А эльф со своей теорией “магия это тело” может идти пешим маршрутом прямо в самое темное место собственного организма

Глава

4

Вот уже несколько дней, как нас с Никитосом никто “официально” не беспокоил. То есть, конечно, местное обслуживающее эльфичество периодически мелькало по периметру, делая вид, что наши персоны им совсем не интересны. Ну разве что та самая стерва ушастая пару раз в день испепеляла меня взглядом издали. Судя по тому, как едва заметно шевелились ее губы и горели глаза – баба по-простому, совсем не изысканно и не изящно материла меня на чем свет стоит такими словами, которых благородным ледям даже слышать не положено.

Да и ктулху бы с ней, заразой. Главное, близко не подходила и ребенка не пугала. А то Кукушонок после всех этих экспериментов эльфа-провокатора частенько бьется током и уже прожег шелковую наволочку на диванной подушке в выделенной нам на двоих комнате.

Улику пришлось контрабандой тащить на псарню, где я ее и припрятала. А сынуле сделала строгое внушение про “спички детям не игрушки”. Тьфу, искорки... А то повадился, маленький поросенок, вызывать их нарочно – ему же любопытно.

Господин “все про меня знайка”, судя по всему, взял паузу на обдумывание. Я тихо подозревала, что мужик оказался с нами в положении кладоискателя с золотой миной в руках. Ить, рванет еще, зараза – но золотая же! И выкинуть жалко, и в руках держать опасно.

Поэтому он явно решил понаблюдать за нами в спокойной домашней обстановке. Эльф вообще-то не производил впечатления идиота, разве что его самоуверенность немного подводила. Хотя... мне который день не давало расслабиться воспоминание: полный надменного превосходства мужской голос и по контрасту внимательный, даже настороженный, взгляд умного хищника. А еще двигался он... я профессиональная жена военного. Не “штабиста”, а “действующего”. Насмотрелась я на мужниных медведЕй-спецназовцев, неуклюжих только на первый взгляд, и то спяну.

Так вот... двигался эльфийский товарищ уж больно знакомо. Не так, иначе, с другой пластикой и ритмом, но... но! Одна только его способность перетекать из одной позы в другую с незаметностью тени о многом говорит. О долгих тренировках на грани выносливости, опыте, обо всем, чем полна жизнь воюющего мужчины. И, в частности, о том, что утонченная маска высокородного прожигателя жизни – именно маска. А еще – не бывают такие мужчины дураками.

Дурак просто не выжил бы там, где побывал конкретно этот “дивный”. Возможно, большинство здешних эльфов именно такие, каким он пытается казаться – недалекие, высокомерные, пустые и праздные аристократы. Этот же представитель всеблагородного народа явно воевал, причем не командовал “батальоном” с холма, а сам резал глотки.

В раскосых эльфийских глазах порой мелькало что-то такое... опять знакомое. Мы с Лешкой начали встречаться как раз перед тем, как его подразделение впервые отправили в Чечню. Я видела, какими они туда уходили и какими вернулись. И зыбкое отражение смерти в зрачках я с тех пор способна уловить даже по мимолетному отблеску...

Этот его взгляд теперь мерещился мне в каждой тени и из-за каждого куста. То ли у меня паранойя развилась от такой веселой жизни, то ли и правда товарищ осуществлял “наблюдения в природе”. Один черт, не расслабишься... Даже на псарне.

Пока у меня было время и возможность, я старалась как можно больше узнать о том месте, куда нас занесло. Жаль, что до бесед с

человечкой ни разу не снизошел ни один остроухий носитель информации, хотя я пыталась. Не то чтобы они шарахались, или плевали через губу, но удочки сматывали оперативно, сделав вид, что невнятное чириканье неизвестной птички им вообще послышалось.

Пару раз обломавшись, я тихо ругнулась про себя и стала изучать местность доступными средствами: осмотрела все углы, в которые нас пустили, выглянула во все окна, потыкалась во все заборы на псарне... а потом подговорила Никитку убежать от меня в нужном направлении.

Сынуле чрезвычайно понравилась новая игра, а эльфийские стражи только зубами скрежетали, выпроваживая меня из подвалов, с чердака, отгоняя от запертых ворот и так далее.

Я лишь виновато улыбалась и многословно выговаривала “непослушному малышу” за то, что он не слушается дядей. Кукушонок важно кивал и радостно хихикал, уткнувшись мне в грудь.

Благодаря нехитрой разведке удалось выяснить, что с этой долбаной фазенды можно разве что улететь. Ночью. Под мантией-невидимкой. Обложили, гады... даже крокодильчиков.

Не знаю, за каким чертом они раньше выстроили все эти чуть ли не десятиметровые каменные стены, гладкие, зараза, как стекло. И с какой целью понатыкали поверху всяких разных гадостей вроде сторожевых вышек и заклинаний. Но в результате мы с сыном третий день уныло вздыхали внутри очень просторного загона для шархушей и безрезультатно искали место, где можно было бы устроить подкоп.

Я, конечно, не забывала и о собаченциях, еду, воду и прочие удобства требовала для них в первую очередь. И даже продолжала сама вычесывать косматые шкуры, но уже без прежнего практического накала и энтузиазма. Валять валенки здесь не было никакого смысла.

А потом его эльфячество решило напомнить о себе. Он без стука вошел в комнату, когда я кормила ребенка утренней кашей, словно не замечая меня, прошел к окну и устроился в кресле, спиной к ослепительно-солнечному прямоугольнику, с таким видом, словно в комнате больше никого нет. Даже голову откинул на спинку расслабленно и вместе с тем нарочито-надменно, так, чтобы смотреть из-под длинных ресниц сверху вниз, с утомленной снисходительностью.

Классический “эльфус заносчивус вульгарис”. Ага, так я и поверила.

Блин, как же меня напрягает его взгляд... Ладно бы просто и незатейливо хотел поиметь – как герцог. Нет... смотрит как на неизвестный науке образец, ну до того привлекательный, что так бы и разобрал на запчасти, чтобы проверить – а как оно там внутри устроено?

– Собирайся, женщина. Мы едем в город.

Глава

5

Нет, перечить “хозяину” я не собиралась, но удержаться от иронии в голосе не смогла:

– Слушаюсь, господин. Что прикажете собирать?

Эльф резко выпрямился в кресле и прожег меня взглядом, добела сжав тонкими красивыми пальцами подлокотники, но в следующую секунду – клянусь – уголок чувственных пухлых губ дернулся, пряча усмешку, а готовое к прыжку тонкокостное, но жилистое тело расслабилось.

Ну да, у меня как были одни штаны и рубашка, так и остались – это уму непостижимо, чего мне стоило их стирать и сушить так, чтобы не бегать голышом. Если нищему собраться – только подпоясаться, то мне даже этого делать не нужно. А его эльфичество, похоже, только сию секунду обратил внимание на такую мелочь.

Мужчины остаются мужчинами, даже когда у них острые уши и внешность сказочных принцев. Дуб, он и есть дуб.

– Причешись. Умой ребенка, он едет с нами. Надо купить детские вещи, заодно и себе что-то присмотришь. И впредь сообщай мне, когда мой племянник и его варесса в чем-либо нуждаются. Подданные моего дома не имеют права выглядеть оборванцами, – эльф снова откинулся в кресле и явно приготовился наблюдать за сборами.

Отлично, здорово! Мало того что меня обозвали незнакомым словом, этот ушастый хмырь мне еще и выговор сделал за то, что я ему не напомнила: люди не кошки, и шуба на них сама не отрастает.

Я вежливо обозначила легкий поклон, чем снова вызвала мимолетную, тщательно замаскированную усмешку и огонек интереса в глазах мужчины, и принялась за дело. Сказано причесаться – хоть загипнотизируй меня насквозь своими глазищами, у меня морда кирпичом и вся из себя послушность в действиях.

Крокодильчиков мы с собой не взяли – они остались заложниками в эльфийском поместье. Маленький отряд стражников окружил нас плотным кольцом – пришлось устроиться в некоем подобии паланкина – и довольно шустро двинулся в сторону города.

Наверное, в другой обстановке мне было бы очень любопытно посетить иномирный базар. Я даже сейчас, напряженно осматриваясь, замечала не только полезные приметы, но и просто красивые или красочные детали. Ровно до той секунды, когда любопытно вертевший головой Кукушонок вдруг пискнул мне прямо в ухо:

– Кая! Мама, Кая!

Сердце забило в горле, звуки города почти исчезли, хорошо, что мы по-прежнему сидели в паланкине, иначе я вряд ли устояла бы на ногах – коленки превратились в кисель.

Я медленно, словно через силу, обернулась в ту сторону, куда указывал сын, и... ничего не увидела. Пестрая рыночная толпа, людское мельтешение, крики зазывал, ругань торговков...

Я крепче прижала к себе Кукушонка, уткнулась в его пушистую макушку лицом, изо всех сил сдерживая слезы и до крови закусив губу, чтобы не завывать от острого отчаяния, как волчица, потерявшая своего детёныша. Нельзя, нельзя!

Нельзя пугать сына, нельзя показывать эльфам, что происходит что-то необычное. И как это сделать, если я готова голыми руками расшвырять и охрану, и рыночную толпу, броситься туда, в людскую толчею, захлебываясь от крика?!

– Кукушонок, где? – хриплым шепотом спросила я Никитку, стараясь выровнять дыхание и успокоиться. Если я сейчас начну бестолково метаться, как курица с отрубленной головой, дочери я не помогу.

– Там! – Никитка надул губы и посмотрел на глупую непонятливую мать из-под насупленных пшеничных бровок. – Усла. С зееным какадилом!

– А ты не перепутал, маленький? – я до рези в глазах вглядывалась в мелькание людских фигур и с ужасом понимала, что даже не знаю, как сейчас выглядит Катюшка. Даже если она там... рядом с зеленым крокодилом... какая она теперь?!

– Нет! – маленький упрямец сердито замотал головой. – Кая! Усла с какадилом в цик!

А может, Кукушонок все выдумал? Ну какие еще крокодилы – люди кругом. И эльфы. С другой стороны, сын никогда не был фантазером и терпеть не мог врать.

Катюшка... где же ты, малыш?! Как тебя найти?

Эльфийский эскорт давно миновал ту маленькую площадь на перекрестке двух улочек, Никитка отвлекся и словно бы забыл о сестре, а я все еще пыталась справиться с острой болью и сдерживать непрошенные слезы.

Так! Хватит истерить. Я должна еще раз попасть в город, причем желательно без сопровождения. Я обойду каждую лавку, каждый переулок, я всмотрюсь в каждое лицо... но сначала нужно получить хотя бы относительную свободу передвижения. Как это сделать?

Когда мы в тот вечер вернулись в поместье, его эльфичество, всю дорогу делавший вид, что он сам по себе, а нас знать не знает – приблудились в свиту какие-то дворняжки – почему-то не ушел к себе, а пошел за мной в комнату, где поселили Никитоса (ну и меня заодно).

Пока я укладывала прикорнувшего на руках сынулю в постель, изредка косясь на непрошеного “гостя”, гость этот как ни в чем не бывало прошел к тому же самому креслу, где отдыхал с утра, и устроился в нем со все той же небрежной грацией породистого... породистого... все же скорее пса. Что-то было в его утонченной худощавости и шелковистости от лощеной, хищной стремительности афганской борзой. Только уши не висячие...

Я тихо скрипнула про себя зубами, но вида привычно не показала. После пережитого в городе хотелось упасть и сдохнуть. Или прорыдать в подушку всю ночь. Или...

– Тебя что-то напугало в городе? Кто-то что-то тебе сказал? – холодноватый, но мелодичный голос прервал мои безмолвные внутренние метания над детской кроваткой. Что б ты провалился, аспид! Заметил!

– Нет, господин, просто слишком непривычный... мир. Город, люди, все другое, – я старалась отвечать спокойно, но не отрывала при этом глаз от спящего Кукушонка и к эльфу не поворачивалась, пользуясь тем, что малыш заснул, обхватив по давней детской привычке мою руку ладошками и улегшись на нее щекой.

– И только? – черти дери ушастое любопытство... По движению воздуха за спиной я почувствовала, что мужчина встал и подошел

почти вплотную. Тонкие длинные пальцы музыканта тепло скользнули по моей щеке, заставив меня вздрогнуть. Эльф поправил несколько прядей, выбившихся из моей косы, но, слава всем богам, этим и ограничился, хотя я очень остро чувствовала тепло его тела, он подобрался почти вплотную.

– Господин Хаэлирэль, могу ли я попросить разрешения еще раз посетить торговые ряды? – я старательно добавила вежливо-просительных ноток в голос. Но в меру, чтобы это не выглядело нытьем или подхалимажем.

– Это еще зачем? – ух! Твою мать, он так близко, что я макушкой чувствую движение воздуха, когда эльф мне отвечает! Так бы и... локтем в печень! Лешка научил... но нельзя.

– Сегодня все время пришлось потратить на то, чтобы выбрать вещи для ребенка, что-то купить для себя я не успела, – да, женщина и шопинг – это долгая история, а ты не знал?

– Ты думаешь, я настолько наивен, чтобы выпускать тебя и ребенка из охраняемого поместья каждый день, пока ты не найдешь способ сбежать?

– Нет, господин, я так не думаю. И за покупками хотела бы сходить одна... – черт, напрягся, кожей чувствую! – без сына, но, если можно, в сопровождении охранника. Одной страшно и... подозреваю, что небезопасно.

– Хм... хм... и что же ты собираешься купить такого, чему мог бы помешать ребенок-эльф?

– Нижнее белье, например, – я, наконец, обозлилась, осторожно вытянула ладонь из-под крепко уснувшего Кукушонка и развернулась лицом к опасности. И оказалась с этой самой “опасностью” буквально нос к носу. – Я не привыкла мерить трусы и лифчики в присутствии собственного сына, а в чужом городе я не готова отпустить его с рук даже на пару минут!

Глава

6

Скандалить над головой у спящего ребенка не самая лучшая идея, это понимают даже эльфы. Нет, я, хоть и обозлилась, но таскать хозяина за уши все равно бы не посмела, а вот он... судя по прищуренным глазам... Впрочем, злости я в них не заметила, скорее... нездоровый интерес.

Господская морда криво усмехнулся, крепко ухватил меня за плечо и потянул к окну. Комнату нам с сыном выделили немаленькую, так что, обойдя любимое эльфийское кресло и прижав меня к шикарным полупрозрачным занавескам, его ушастость тихо хмыкнул и констатировал очевидное:

– Если не будешь орать, ребенок не проснется.

– Если не будете бить, то и орать не стану! – немного сварливым шепотом отозвалась я, вывертываясь из его хватки. Фиг бы вывернулась, конечно, если бы он сам в какой-то момент не разжал пальцы... Похоже, его забавляла моя неожиданная строптивость. А у меня не получалось по-другому – перенервничала, да и сию секунду тоже не могла похвастаться безмятежным расположением духа.

Катюшка... как же мне тебя найти, ребенок?! Тем более без помощи Никитки... Но я подумаю об этом потом, когда меня отпустят в город одну. Ну... относительно одну.

– Характер в карман не спрячешь? – насмешливо спросил эльф, интимно наклоняясь ко мне и глядя в глаза. Ух! Но мне нельзя по-настоящему с ним ссориться... Что за игры он тут затеял? Может ведь приказать, если захочет. Почти что угодно может приказать!

– Что поделать, господин, вам досталась не самая завидная собственность... Я никогда не была чьей-то вещью.

– А как же муж? – эльф продолжал разглядывать меня с неподдельным любопытством, как особо заковыристую сикарашку. – Не будешь же ты утверждать, что в своем мире родила внебрачного ребенка?

– Не буду, – я пожала плечами. – Но в нашем мире другие отношения между мужчинами и женщинами.

– Неужели женщины главные и держат своих мужей в черном теле, а то и вовсе в гареме? – еще и ехидничает, сволочь... а сам словно бы невзначай пальцами пробежался по шву на рукаве моей рубашки. Ну да, заштопала! Она у меня единственная, между прочим, и такие намеки я воспринимаю не как интимные, а как жлобские – штопка ему не понравилась... сам бы попробовал прожить несколько месяцев, имея всего один комплект одежды в условиях долбанного средневековья!

Заметив, как я подобралась, эльфийская морда опять насмешливо выгнул бровь:

– Госпожа недовольна тем, что низшее существо мужского пола посмело до нее дотронуться без спросу?

Вот у чувака фантазии, а?! Я слегка опешила от такого поворота, даже понимая, что ушастая сволочь просто и откровенно издевается.

– Между прочим, тонкие иголки стоят гораздо больше, чем зарабатывает служанка на псарне, – я решила сделать вид, что близко не поняла его странных поползновений, и вообще... – Тем, что было, я заштопала рубашку очень даже качественно, и незачем тыкать пальцем... И в моем мире мужчин не считают низшими существами, впрочем, как и женщин. Муж и жена – равноправные партнеры.

– Дикари, – поморщился эльф, отступая на полшага. Уф, даже дышать стало легче, когда он перестал нависать. – Ничего, я сделаю из тебя цивилизованную... женщину. Так и быть, я выделю тебе сопровождающих и дам денег, чтобы ты сменила гардероб на более достойный. Но учти, если оденешься, как вульгарная степная орка, воображающая себя “равноправной”, я сам сорву с тебя эти ужасные тряпки и заставлю тебя ходить по дому голой!

Если честно, мне было плевать, что носят вульгарные равноправные орки, хотя следовало бы поинтересоваться. Но мне и на перспективу принудительного нудизма было... как бы так помягче выразиться?

Потом разберусь с тряпками, орками, эльфами... Катюшка! Господи, только бы найти, только бы...

Но эльфу в ответ на его милостивую угрозу (денег дал, разрешение дал, но гадость сопроводительную тоже сгенерировал) я честно сделала сначала радостные глаза, потом испуганные.

М-да, судя по ехидному прищурю и уже знакомой кривоватой усмешке, мне попался, зараза, слишком умный рабовладелец. Дурочку ему сыграть будет непросто...

Но я справлюсь!

А утром, когда я, промаявшись всю ночь, насочиняв сто грандиозных планов, сто раз убедившись, что все это чушь и идиотизм, и придя в отчаянье, собралась в город, вылезла новая проблема.

Точнее, проблема проснулась и категорически отказалась отпускать маму. Я и так Никитоса уговаривала, и эдак... хоть тресни – “НЕТЬ!” и все... а главное, стены опять подозрительно затряслись,

между детскими ладошками замелькали голубые искры, и вторая вышитая подушка украсилась сквозными подпалинами...

– Чем ты опять недовольна? – я как раз пыталась спрятать улику под кушетку у стены и стояла там, согнувшись в три погибели, при этом не спуская с рук огнеопасного сыночку, когда эльф неожиданно возник в дверном проеме.

– Я отпустил тебя за покупками и выделил охрану. Не стоит ломать мне дом, – что-то он подозрительно миролюбивый... дал бы по башке, если и правда считает, что я ему поместье трясу силой магии. Так нет же – стоит, картинно привалившись плечом к дверному косяку, руки сложил на груди, демонстрируя неплохие бицепсы сквозь тончайший шелк белой рубашки. Штаны напялил обтягивающие и вообще весь из себя герой-любовник. Подозрительное дело!

– Это вы отпустили, господин, а вот мой сын не отпускает, – я выпрямилась и продемонстрировала эльфу крепко вцепившегося в меня Кукушонка. Когда тот хотел, он вполне успешно изображал детеныша какой-нибудь обезьяны, демонстрируя “мертвую хватку”.

– Понятно, – эльф отклеился от дверного косяка, подошел ко мне и вдруг предложил сыну: – А со мной останешься?

– Нет! – возмущенно буркнул Никитос и насупился на непрошеного помощника.

Эльф пару секунд размышлял, а потом еще настойчивее предложил:

– Если пойдешь ко мне на руки, мы поедем в город вместе с твоей мамой и будем ждать ее там.

– Ладно! – вдруг выдал сын после длинной паузы. Я чуть не села на пол от изумления и неверящим взглядом уставилась на маленького предателя. – Купишь мне ошадку! И-гушечную! – уточнил начинающий жулик. – И пойдем в цирк!

Мама дорогая... в цирк я и сама хотела, ведь именно туда “какадил” увел мою дочь, но... не с эльфом же в обнимку!

Ну, Кукушонок, удружил!

Глава

7

Полдень мы встретили в городе, более того, в местном подобии цирка. Общим мужским решением это дело объявили более важным,

чем женские тряпки, которые никуда не убегут. Кто бы спорил... только не я!

Узкие улочки, одинаково пестрые и отзывающиеся на наше присутствие звонким цокотом копыт о серые булыжники мостовой, так незаметно перетекали одна в другую, что создавалось ощущение некоего бесконечного лабиринта. Но в конце концов они вывели нас на центральную площадь, и я наконец вблизи увидела слегка линялый парусиновый шатер, который Кукушонок громко назвал цирком. Помните картинки из исторических книжек? Вот так примерно оно и выглядело... Серый с потеками купол, украшенный нарочито-яркими узорами и блестками, сдавшимся на милость времени и погоды. Внутри сразу и помосты, где прыгают гимнасты, хохочут шуты, перебрасываются пудовыми гирями силачи, и клетки с животными, и лотки с сувенирами... и полгорода зрителей, бестолково слоняющихся между этими достопримечательностями.

Впрочем, все это я отмечала лишь постольку-поскольку, отчаянно вглядываясь в толпу и краем глаза косясь на плотно оккупированного Кукушонком “господина”.

И кто бы мог подумать, что из эльфа получится такая хорошая нянька, и что маленький предатель обоснуется на новом знакомом прочнее, чем мартышка на банановой пальме.

Эти двое вполне содержательно беседовали, обсуждая невеликие стати деревянных лошадок, которых мы видели в игрушечной лавке, и были вполне довольны друг другом. Одна я чувствовала себя так, словно меня сначала стукнули пыльным мешком из-за угла, а потом посадили на железную плиту и развели под ней костер...

Далеко не сразу до моих травмированных нервами мозгов дошло, что Кукушонок не просто воркует с эльфийским рабовладельцем, а успешно и плотно занимает все его внимание – ну, почти все. Отвлекает! Причем не только господина Хаэлирэля, но и наш конвой – сегодня с нами было всего два охранника, и...

Не знаю. Вот не знаю, правда ли мой родной сын неожиданно оказался вундеркиндом от шпионажа, или просто воображение шалит на нервной почве. Может, Никитос просто инстинктивно чувствует мое состояние и... и что?

Ох, подумаю об этом позже. А пока эльфячья компания, включая сыночку, дружно морщила носы в здешнем живодерском уголке

(местные думают, что это настоящий правильный зверинец и воняет тут потому, что во всех зверинцах положено вонять), я пользовалась возможностью сунуть свой ненаморщенный нос в каждую щель.

Безрезультатно. Сколько я ни вглядывалась в толпу, разыскивая глазами цирковых служителей, похожих на “какадила”, сколько ни вслушивалась – ни следа Катюшки. Звуки сливались в дикую какофонию – смех, разговоры, рычание животных, лязг металлических запоров, нарочитые выкрики зазывал, разодетых в пестрые костюмы клоунов... в глазах уже двоилось и темнело от напряжения.

Из-за потертого занавеса тем временем вынырнул еще один крикун, для разнообразия обряженный в подобие карнавальных доспехов, и завопил басом, с легкостью перекрывая всех прочих:

– Дамы и господа! Спешите видеть! Самые честные бои! Самые высокие ставки! Только в нашей аттории! Спешите, спешите! Серый жрун против зеленой нелюди! Чью кровь сегодня смоют с арены? Какая из тварей окажется сильнее? Хотите пощекотать себе нервы? Хотите выиграть деньги? Только в нашей аттории!

Я вздрогнула и шарахнулась от идиота, изображающего пароходную сирену. Вот уж чего я не хотела видеть – так это местного гладиаторского побоища. И ребенку такое показывать... ну нет.

Пока я так думала, служители уже сноровисто тащили на помост какие-то решетки и строили из них подобие арены. Зрители возбужденно бурлили, многие старались протиснуться поближе к месту действия и вцепиться в прутья, чтобы не спихнули с удобного места.

Я мысленно заметалась: уходить отсюда, не найдя даже следов дочери – это казалось мне чудовищным, почти невозможным. Остаться? Ну, положим, переживу я кровавое зрелище, не хрустальная, не разобьюсь, если для дела надо. Но Никитос? Вернуться домой мы можем только вместе, черта лысого эльф меня тут одну оставит, даже если я сумею объяснить ему пагубность таких представлений для неокрепшей детской психики.

Сам он, судя по всему, ничего страшного в гладиаторских боях не видел и ограждать от них “племянника” не собирался. Они с Кукушонком оба с интересом слушали зазывалу и, кажется, никуда уходить не намеревались.

Я уже собиралась что-то предпринять по этому поводу, как неожиданная мысль заставила сбиться дыхание.

Что там кричал зазывала? “Зеленая нелюдь”? А не тот ли это...

Не чуя под собою ног, я шла вслед за эльфом в местную “вип-ложу” для особо денежных зрителей и все пыталась представить, какое отношение местный зверь-гладиатор может иметь к моей дочери.

Между тем действие на арене разворачивалось гораздо стремительнее, чем я успевала его осознать. Служители принесли дополнительные светящиеся шары и зеркалами отразили их свет точно в центр усыпанной мелким белым песком площадки. “Зрительный зал” сразу словно бы отодвинулся в тень и выдавал свое присутствие лишь сдержанным предвкушающим гулом. Потом с громким лязгом с двух противоположных сторон арены поднялись решетки, открывая полутемные проходы, в которых угадывалось неясное движение.

А потом из левого тоннеля в освещенный круг выбралось такое... Я считала, что Найда превратилась в страшилище? Я ошибалась. Она просто комнатная собачка, милая болонка рядом с ЭТИМ!

Огромное – чуть ли не три метра в холке, – передвигающееся на шести несимметрично расположенных лапах, чешуйчато-гривастое и при этом покрытое неприятными струпьями, из которых что-то сочится. Запах гниения долетает даже в вип-ложу. Ко всему этому прибавьте полную жутких зубищ пасть, три пары малюсеньких красных глазок, в которых светится злоба и разум, и длиннющий хлыстообразный хвост, увенчанный шипастым шаром.

Мама дорогая, какой там бой, мне уже страшно! А ну как кинется на решетку – сомнет же, одним только весом!

– Какадил! – вдруг громко выкрикнул Никитос, подпрыгивая на руках у слегка удивленного такой реакцией эльфа, и ткнул пальцем в противоположный конец арены.

Я резко повернулась. Что?!

Глава

8

Выступивший на свет из темного решетчатого тоннеля парень на первый взгляд ничем не напоминал крокодила. Высокий, довольно мускулистый, но без излишества, широкие плечи уравнивались довольно узкой талией и длинными не перекачанными ногами.

Вот он сделал шаг, и я вздрогнула: данный персонаж и человека напоминал только на тот самый первый взгляд. Подслеповатый и в темноте.

Первое, что привлекло внимание – огромные, раскосые, солнечно-янтарные глаза с вертикальным змеиным зрачком. Не знаю, почему я первым делом подумала о змеях, а не, скажем, о кошках. Может быть, потому, что обнаженный до пояса парень на свету довольно заметно отливал темно-зеленым, а вдоль острых скул, на лбу, на плечах и кубиках пресса отчетливо проступал чешуйчато-змеиный узор?

И вместе с тем он был вовсе не уродлив и не похож на какого-нибудь мутанта – скорее наоборот, такая экзотичная внешность еще больше притягивала взгляд к совершенно вылепленным мышцам, красивой форме головы, прямому, с высокой переносицей, носу, пухлым губам, твердому острому подбородку... Уши у него были по-эльфийски заостренные, но при этом маленькие и очень аккуратные. Волосы больше всего напоминали собранные в высокий хвост дреды из моего мира и тоже радовали глаз черным с прозеленью.

А еще он шел так, словно плыл и танцевал одновременно. Легко, текуче, вроде бы медленно, и в то же время глаза не успевали проследить за обманчиво ленивыми движениями.

И вот это... совершенство местные долбанутые психи собираются бросить в пасть вонючему монстру?! Это “зеленая нелюдь”?!

Да, так и было. Я, наверное, слишком пристально всматривалась в “какадила”, и потому успела заметить неопрятного, но очень богато одетого толстяка, грубо пихнувшего парня в спину, когда тот выходил из решетчатого тоннеля на арену. Толстяк что-то злобно шипел и держал за руку... ребенка, кажется, такого же змееглазого и зелененького, примерно ровесника Никитки.

Янтарные глаза старшего змея слишком жарко сверкнули, когда он оглянулся на “хозяина”, чтобы не понять – этот малыш ему не безразличен и... не все так просто с этим боем.

За спиной толстяка кто-то стоял, я успела заметить только еще одну пару нечеловечески-огромных глаз и короткий растрепанный ежик черно-зеленых дредов, но тут завопили служители, зазвенели гонги, заорали особо азартные зрители, успевшие сделать ставки... Бой начался.

Не буду вдаваться в подробности, да и не помню я их. Собственно, как можно помнить то, чего не видела? Я отобрала у эльфа своего сына, закрыла его собой от жуткого кровавого зрелища, и сама зажмурилась, уткнувшись в светлую макушку.

Никитос, словно чувствуя мой страх, только крепче обнимал меня и тихо, как мышонок, сопел мне в шею, не пытаясь оглянуться. Первый раунд, второй, третий... рев, грохот, хрипы, рычание...

– Жаль, я поставил на Эраорту, – раздался рядом довольно равнодушный, спокойный голос эльфа. – Не повезло, шрахаар сейчас особенно опасен, у него гон... Эраорту не продержится последний раунд, не с такими ранами.

Я против воли распахнула глаза и застыла, не в силах переварить открывшуюся картину.

Вот теперь я понимала, почему Никитка назвал парня крокодилком. Наверное, это какая-то боевая трансформация, как у оборотней. Змей стал выше, массивнее, форма головы у него изменилась – еще бы, такие челюсти отрастил... но скорее не крокодилы, а змеино-вурдалачьи. А когтищи на руках, и... на ногах!

И все это великолепие залито кровью, алой, совершенно обычной кровью, хлещущей из почти разорванного плеча.

Змей еще держался на ногах, но его уже заметно шатало, а его противник, не менее израненный, но все еще сильный и свирепый, яростно бросался на решетку, которой его отгородили на время перерыва.

Я всматривалась в горящие азартом и алчностью лица зрителей, и думала: как жаль, что нельзя спалить весь этот “цирк” к едрене-фене вместе с его кровожадной публикой!

Ведь именно эти жаждущие рожи – настоящая причина того, что за дальней решеткой обливается слезами маленький зеленокожий ребенок, без крика, без истерики, но с таким диким отчаянием глядящий на едва живого... отца? Брата?

Именно чужой азарт и жадность причина того, что змеелица девочка-подросток, тонкая, мосластая, как жеребенок, которая теперь держит на руках малыша, даже не пытается его утешить. Она сама нуждается в утешении, судя по тому, какой болью и ужасом веет от каждого ее движения, каждого судорожного вздоха, взгляда.

А та жирная бородатая тварь в богатых одеждах, что отирается рядом – это всего лишь квинтэссенция жадности, подлости, равнодушия и гаденького подспудного желания обывателей развлечься за счет чужой беды и боли...

Я сама не знаю, что и откуда взялось, но словно на мгновение мне показалось, что с меня... “сняли кожу” – это неправильное сравнение, потому что я не чувствовала боли, зато почувствовала огромный вал чужих чувств, эмоций, мыслей...

Хорошо, что мы сидели, иначе я и сама бы упала, и сына уронила. А так приступ дурноты прошел почти незамеченным, оставив после себя только горькое понимание того, что сейчас произойдет на арене.

Строптивные сильные рабы опасны... а когда они еще и слишком умны... и есть шанс, что каким-то образом сумеют дать о себе знать соплеменникам... которые, нехорошие твари, без восторга отнесутся к тому, что семью странствующего мастера захватили в рабство, убив при захвате его жену и одного из детей...

Это была выгодная сделка, особенно потому, что прикупить удалось не только подневольного гладиатора, но и его уцелевшего щенка, с помощью которого можно было легко управлять змеем.

Но теперь жадничать стало опасно, и “хозяин” цирка решил сорвать последний куш: кровавая расправа над бывшим чемпионом принесет хорошие барыши, надо всего лишь создать правильные условия: зелье ослабления змеелюду, зелье ускоренного гона шрахаару...

Публика любит кровь, и те, кто проиграл деньги, поставленные на фаворита, не станут слишком сильно возмущаться, получив свою порцию жестокого зрелища. А потом и змееныша можно будет продать в подпольную лавку зельедела – на ингредиенты...

Резко дернувшись, я словно очнулась и с возросшим ужасом обвела глазами арену. Господи... что это было?! И что теперь делать?! Чертов служитель уже взялся за веревку бронзового колокола, чтобы дать сигнал к началу последнего, смертельного раунда...

– Хаар! Дараан!

Резкий хриплый вскрик прозвучал так неожиданно и звонко, что на секунду притихли все – распаленная духотой и азартом толпа, служители в шутовской униформе, воин на арене... даже яростно грызущий решетку зверь вздрогнул и перестал свирепо хрипеть.

А потом под линялым брезентовым куполом грянул взрыв... хохота. И зрители и “циркачи” от души потешались над выскочившей на арену змеелицей девчонкой в драном платье из старой дерюжки.

А вот девчонке смешно не было. Так же как и змеелюду, который, не смотря на слабость и раны, отчаянно, зло зашипел-зарычал на непрошенную заступницу, и попытался за шиворот выволочь ее из круга.

Не тут-то было. Маленькая фурия легко увернулась, а потом, воспользовавшись неловкостью серьезно погрызенного мужчины, банально, хотя и ловко, сделала подсечку, опрокинув змея на песок.

И с вызовом уставилась на зрителей поверх упавшего “противника”.

– Хаар! Дараан! – громко и четко выкрикнула она, игнорируя хриплые ругательства змеелюда.

– Хм, это будет даже забавно, – эльф, про которого в круговерти событий я просто забыла, с усмешкой наклонился ко мне и поманил к себе притихшего Никитоса. Тот отрицательно помотал головой и обнял меня еще крепче. Эльф пожал плечами и продолжил, наткнувшись на мой вопросительно-возмущенный взгляд:

– Эта малявка требует права замены. Эраорту те еще дикари, у них женщина, предъявляющая права на мужчину и его потомство, может взять на себя его обязательства, в случае, если сумела победить избранника. Формально эта чешуйчатая дикарка только что “повергла” выбранного мужчину, так что... если идея натравить шрахаара на девку и полюбоваться на то, как ее разорвут на части, понравится публике... хм... собственно, уже понятно, что нравится. Этому самцу эраорту сегодня повезло. Он только что женился по их правилам и через пару минут благополучно овдовеет.

Вот только “самец” так явно не считал, с арены его утаскивали пятеро или шестеро служителей, а он яростно отбивался и сорванным голосом крыл по матери весь белый свет и одну конкретную идиотку...

Зрители бесновались и орали, хозяин всего этого жуткого бедлама, хоть и выглядел слегка озадаченным, но явно в уме прикидывал новые барыши, а змейка...

Я уже почти минуту не отрываясь смотрела не на беснующихся уродов, не на хрипящего от ярости и грызущего решетку монстра, а на

крепко зажмурившуюся посреди круга света зеленокожую девчонку, и на ее судорожно сжатую в кулак, опущенную руку.

Привычное движение плечом и головой, словно она произвольно откидывает за спину длинные волосы, которых сейчас нет... шевелящиеся губы... и ритмично выпрямляющиеся тонкие когтистые пальцы, словно отсчитывающие секунды – одна, две, три, четыре... пять!

И такой знакомый, категорически запрещенный, подсмотренный у отца неприличный жест, который никто в этом мире не сможет понять, но все смутно догадываются о его значении – сжатый кулак и вызывающе оттопыренный вверх средний палец!

Лязг падающей решетки... и злобный рык выпущенного из клетки зверя.

Глава

9

Я не закричала только потому, что у меня от ужаса пропал голос. Там, на залитой кровью арене, напротив изувеченного, но все еще сильного и свирепого зверя стояла моя дочь. Катя, Котенок!

Мир пошатнулся, скомкался и с диким грохотом рухнул. Я уже не понимала, где верх, где низ, для меня во вселенной существовало только две точки опоры: изо всей силы вцепившийся в меня, отчаянно кричащий сын и застывшая в пространстве угловатая фигурка дочери.

Не обращая внимания ни на что, я слепо рванулась туда, где белый песок, пропитанный кровью предыдущего бойца, вспенился под лапами сбитого с толку монстра.

Я не понимала, да и не хотела понимать, что и как происходит. Почему азартные крики толпы сменились воплями ужаса и боли. Отчего гнутся и рушатся, как картонные, стальные решетки, еще мгновение назад отделявшие мир смерти от мира жадности и жажды зрелища... Что случилось с хозяином цирка, почему на толстом довольном лице застыла маска недоумения и страха... и откуда столько крови... и что отбросило и в воздухе разорвало в мелкий кровавый дождь кинувшегося наперерез зверя... И что такое кричит не своим голосом мне в спину брошенный эльф...

Мне было все равно. Всего несколько шагов – и я прижала к себе перепуганную, ничего не понимающую дочь, стиснула одной рукой (другая была занята Кукушонком, тоже потянувшимся к сестре),

отпустила, судорожно ощупала, снова схватила в охапку, обильно поливая слезами и целуя покрытые тонким узором зеленоватой чешуи щеки, мгновенно наполнившиеся слезами глаза, тонкие, исцарапанные пальцы...

– Котенок, маленькая... все хорошо, все хорошо, родная! Теперь все будет хорошо! Все кончилось!

– Ма... Мама? МАМА?! – дочь не сразу поверила в происходящее, и пару минут безучастно стояла, позволяя себя тискать. Потом словно очнулась, и ее затрясло:

– Мама-а-а-а! – слезы хлынули водопадом, Катюшка схватилась за меня, как утопающий за последнюю соломинку, и стала медленно сползать на песок.

– Плачь, малыш, плачь... все хорошо... я с тобой... мы с тобой, Котенок, мы вместе... все будет хорошо... – повторяла я как в бреду, стискивая обоих детей и по-прежнему не обращая внимания на царящий вокруг ад.

Причем “ад” был самый натуральный – что-то горело, что-то взрывалось, улетало в потемневшее небо с бешеным свистом, парусиновый шатер уже давно унесло в неведомые дали, вокруг метались и верещали непонятные тени, которые, однако, не спешили приближаться.

Впрочем, одна из теней все же осмелилась подойти ближе. Из перечеркнутой всполохами темноты выступил эльф. Постоял пару секунд, сложив руки на груди, спокойный такой, словно ничего экстраординарного не происходит.

Вот только глаза... мне словно ледяной водой по спине плеснуло – этот взгляд... холодный и вместе с тем словно бы удовлетворенный. И предвкушающий. И...

– Ну что же... вот теперь поговорим откровенно, – мужчина небрежно взмахнул рукой, и от визжащего бедлама нас отделила тонкая полупрозрачная пелена. – Настало время окончательно прояснить твоё положение в этом мире.

– Я сразу заподозрил, что ты о многом умалчиваешь, к тому же недоумки, не сумевшие толком выполнить поручение, бормотали, что огней было больше, чем два, – эльф задумчиво рассматривал собственный маникюр, не обращая ни малейшего внимания на

армагеддон, который царил вокруг. Он и на меня не особенно-то смотрел, говорил словно бы сам с собой.

– Но это все сейчас не важно. Важно другое: на что ты готова пойти, чтобы сохранить жизнь дочери и ее, – тут четкие губы изогнулись в ироничной усмешке, – змееглазых друзей. От шрахаара ты их спасла, но при этом устроила побоище в центре города, спалила чужую собственность, а хозяина добить не догадалась. Вон он, мечется, но скоро опомнится, подсчитает убытки и поднимет вой... и будь уверена, расплачиваться по счетам он заставит именно эраорту, причем весь выводок.

Эльф все же отвлекся от своих безупречных ногтей и поднял на меня насмешливо-уверенный взгляд:

– Конечно, я легко могу выкупить весь этот городишко, а не то что жалкий балаган. И даже подарить змеелицам свободу для меня не проблема. Но вот вопрос... а зачем мне это надо? Что я буду с этого иметь?

Под моей рукой дернулась и тихо зашипела на эльфа Катюшка. Я только крепче прижала к себе дочь, успокаивающе погладив ее по жестким “дредам”, и вскинула подбородок, глядя на шантажиста в упор, открыто и без страха. Чего бы он не потребовал – я дам ему это. И не стану сейчас метаться в сомнениях – уж настолько я разбираюсь в людях (и нелюдях, один черт), чтобы понять: он не просто так завел разговор и уже готов сделать предложение, от которого невозможно отказаться. А это значит, что дети как минимум будут в безопасности.

Да, я отчаянно не хотела, чтобы ушастый рабовладелец знал о том, что в этом мире оказалась вся моя семья, но уж как вышло, так вышло. И раз ему что-то от меня нужно – будем торговаться.

– Чего ты хочешь? – я все так же смотрела на эльфа в упор и намерено отбросила все эти экивоки с “господином”. Мне показалось, что именно сейчас это будет правильно.

– Тебя, – офигеть, еще и усмехается так, словно я спросила о чем-то, что само собой разумеется. – Ты добровольно и осознанно дашь мне клятву личной верности.

– Я и так принадлежу тебе, – пожала плечами, пытаясь в это время быстро обдумать перспективы.

– Не пытайся схитрить, – эльфийская морда скривилась в знакомой усмешке. – Ты подчиняешься обстоятельствам, но никому не

принадлежишь. И не считаешь себя обязанной принадлежать. Клятва сделает тебя моей целиком и полностью. Не только твоё тело – твои мысли, твои знания, твои действия – всё будет принадлежать мне. Ты не сможешь солгать, ты не сможешь уйти, не сможешь спрятаться. Мой зов достигнет тебя даже в другом мире.

– У меня два вопроса, – я склонила голову к плечу и прищурилась: – Что взамен? Конкретно?

– Я выкуплю твою дочь и её эраорту. Дам им свободу и прослежу, чтобы их не достали местные “мстители”. Дам тебе возможность видиться с ними, дам им убежище в моем доме, если захотят. Отпущу, если решат уйти. Второй вопрос?

– Зачем я тебе так нужна? – меня более чем не устраивали его условия, но выбора все равно не было. Зато была возможность задать важный вопрос. – За каким вообще хреном ты затеял весь этот цирк? Только не говори про роковую страсть, не поверю.

Глава

10

– У меня много причин, и ты, конечно, не ждешь, что я озвучу тебе их все и просто так, – спокойно и чуть насмешливо отозвался эльф. – Хотя бы потому, что у тебя нет выбора. Ты принесешь клятву, даже если я ничего не стану объяснять. Но одну причину... изволь: ни один маг никогда не принесет клятвы перворожденным. Наделенные силой скорее пойдут на смерть, чем отдадут свою свободу. Ты очень... очень ценное приобретение.

Я крепче прижала к себе детей, чувствуя всем телом, как трясет Катюшку и как, вопреки всему, быстро успокаивается Никитос. И несмотря на действительно безвыходную ситуацию, на общий кошмар и ужас вокруг, не могла не позлорадствовать про себя. С ценным приобретением товарищ ушастый пролетел, как фанера над Парижем. Потому что из меня маг, как из утюга подводный крейсер!

Они просто очень сильно напугали моего сына. Сами виноваты... Никитос прекрасно почувствовал, увидел и Катюшкино отчаянье, и мой ужас. Естественно, ребенок пошел в разнос, и мне не жаль тех, кого затопчут в этой кутерьме, вот ни капли. Детей здесь не было, кроме моих, а взрослые пришли любоваться на чужую смерть добровольно.

Пусть подавится своей клятвой, сейчас мне важно защитить детей, а обо всем остальном я подумаю позже.

– Ты прав, я дам тебе клятву. Прямо здесь и сейчас, или мы закончим разговор в более спокойной обстановке? – я бросила выразительный взгляд в сторону темнеющих в дальнем углу фургонов: туда служители уволокли раненого парня, и именно туда все время непроизвольно косилась дочь. Держалась за меня обеими руками, а смотрела туда.

– Хочешь гарантий? – правильно понял эльф и хмыкнул. А потом сделал... что-то. Видимо, магию, будь она неладна.

Целый отряд свеженьких ушастых врезался в творящееся безобразие и как-то безжалостно-быстро навел порядок. Почти кладбищенский, но порядок.

– Мы уходим, – скомандовал эльф через какое-то время, и я, оглянувшись, увидела, как несколько его воинов протащили мимо нас тело, завернутое в какую-то занавеску. Погрузив свою ношу в чью-то телегу, пара стражников заняла место на облучке и застыла, явно ожидая команды.

– Можешь отвести свою дочь к ее змеелицему, – “хозяин” окинул нас с детьми нечитаемым взглядом. – Отправляйтесь домой, я вернусь позже, и мы продолжим наш разговор.

Ну и слава богу. Что бы ни случилось дальше, а сейчас Катюшка со всех ног кинулась к окровавленному свертку, но меня при этом не отпустила, так и тянула за руку за собой.

– Эрх! – дочь резко откинула тряпку с лица парня, и я снова ужаснулась – он выглядел... неживым он выглядел.

– Не бойся, этот змеелицый еще тебя переживет, – оказывается, эльф никуда не ушел, так и стоял за моей спиной. – В спячку впал, регенерирует. Низшие формы жизни часто лучше приспособлены к выживанию.

Тьфу, зоолог-расист... и хрен с ним, главное, парень жив. Раз он так важен дочери... Да и просто жалко.

А дочь, убедившись, что ее змей действительно просто спит и помирать не собирается, быстро огляделась, вдруг с невнятным вскриком метнулась куда-то в темноту и скрылась среди как попало сваленных фургонов и клеток. Господи, а звери?! А если какой-то хищник выбрался на свободу и сейчас...

Но я даже не успела как следует испугаться, а Катюшка уже бежала обратно... с ребенком на руках.

– Нда... я надеялся, что забудет, – почти интимнодохнул мне в ухо чертов рабовладелец и по-хозяйски положил руку на плечо. Да чтоб ты провалился, ирод, со своими “уместными” жестами и комментариями! То клятвы ему, то... нет, не буду даже обращать внимания, не до него сейчас.

Катюшка остановилась в шаге от меня и подняла нерешительные глаза. То есть как нерешительные... скорее испуганно-отчаянные:

– Мам... это Шику. Он теперь мой, – и снова этот взгляд. Интересно, она сама верит, что я прогоню малыша? Или это просто стресс?

В любом случае, я решила, что надо немного разрядить атмосферу, дочь едва на ногах стоит, малыш у нее на руках вообще непонятно в каком состоянии, но вцепился намертво. Как Никитос в меня.

– Ну что сказать... я не ожидала, конечно, что так рано стану бабушкой, – и подмигнула дочери, так глупо, неуместно, когда и я и она напряжены до предела... но ведь помогло! Котенок осязательно расслабилась и даже почти улыбнулась. – Но раз уж ты так решила, может, дашь малыша мне? Надо посмотреть, все ли с ним в порядке.

За спиной снова фыркнули. Лошадь он, что ли?

– И тебе не противно? – поинтересовался эльф таким тоном, что я даже обернулась, чтобы одарить его возмущенно-недоумевающим взглядом. – Я могу понять, что материнский инстинкт, это свойство низших условно-разумных, заставляет тебя принять существо, в которое вселилась душа твоей дочери. Но чужой детеныш? Другой расы? – пухлые губы презрительно скривились.

Катюшка вздрогнула и прижала ребенка к себе еще крепче, а у меня внутри поднялась волна дикой злости. Ах ты... козел! Расист! Сволочь ушастая!

– Нет, мне не противно, – да, я и таким тоном умею разговаривать! Замораживающе-холодным, без явной злобы, но давая понять все, что думаю о собеседнике. – Это просто ребенок, к тому же это теперь МОЙ ребенок.

– Обычно люди боятся змей, – как ни в чем не бывало пожал плечами ушастый, и в его раскосых глазах среди отблесков

догорающего пожара мне почудилась насмешка. – А маги вообще равнодушны к потомству и полностью зациклены на себе. Особенно женщины. Ни одна из магинь не прикоснулась бы к младенцу, тем более чужой расы, даже кончиком ногтя. И тем более не стала бы жертвовать собой. Ты понимаешь, что твои инстинкты делают тебя уязвимой?

Я очень осторожно поставила на землю Никитку, слегка подтолкнула его к сестре – Кукушонок с готовностью протопал пару шагов и обхватил Катюшку за талию. Дочь отчетливо всхлипнула и присела, свободной рукой притянув брата к себе. А сама я так же бережно приняла из ее рук обморочно-расслабленное тельце... как она сказала? Шику? Вот кстати... я же помню, как кровь и ошмётки зверюги летели на нас тучей, куда они потом делись? Я чистая, дочь чистая, Никитос, зелененький малыш... даже обморочный крокодил – и тот словно после глубокой санобработки. Плечо разворочено, занавеска, в которую он был замотан – та почти насквозь в крови, но и только. На нем самом и на одежде – ни пятнышка. И что это было? А, потом разберусь. Если вспомню...

Подхватив зелененького на руки и заглянув в бледное испуганное личико, я улыбнулась малышу и только после этого соизволила ответить эльфу:

– Да, понимаю. Вот только эти же инстинкты делают меня сильнее всех ваших магинь, вместе взятых! – и понимай как хочешь, а мне некогда.

У ребенка шок, а еще, мне кажется, он переохладился. Охохонюшки... Я же ничего не знаю о физиологии этой расы. Как тут разобраться? В любом случае надо отвезти детей домой, согреть, умыть, накормить, осмотреть. А не лясы точить про инстинкты и магию.

– Не кажется ли господину, что мы здесь слишком задержались? Ваш племянник и ваша собственность устали и замерзли! – это у меня такой сварливо-противный голос? С мужем я в жизни так не разговаривала, а тут прямо не рабыня, а жена-тиранша. Как бы по башке не получить за такие выкрутасы.

Но нет, эльф только хмыкнул что-то неразборчиво-насмешливое себе под нос и эдак выразительно повел плечом. Его устраивает моя

сварливость? Или забавляет? Или ждет, гад, когда клятву дам, чтобы потом отыгаться?

Да наплевать. Домой хочу. В идеале – по-настоящему домой, чтобы весь этот другой мир оказался сном, но надежды на это мало, так что пока сойдет и эльфийское поместье, в котором есть тепло, еда и вода.

Всю обратную дорогу в паланкине мы даже не разговаривали. Просто сбились в плотный клубок, дети прижимались ко мне, я обнимала их и тихо, чтобы они не заметили, плакала. Маленькие мои, родные... наизнанку вывернусь, но больше ни одна скотина на вас даже косо не посмотрит!

Едва добравшись до теплой, нормально освещенной комнаты, я тут же забыла и про скотин, и про эльфов, даже про главную помесь первого со вторым и то не вспомнила. Никитос, который не иначе как в награду за мои страдания вел себя как идеальный ребенок, получил кружку теплого молока, печенье и мишутку. И отправился в кровать – не спал, таращился сонными глазенками, но обнимал игрушку и лежал тихо.

Я тем временем наскоро еще раз ощупала и осмотрела дочь, убедилась, что, несмотря на почти дистрофическую худобу и нервную дрожь, ничего особо угрожающего в ее состоянии нет, и попыталась запихнуть ее под то же одеяло, что и сына.

Не тут-то было. Во-первых, немного отошел от шока ее чешуйчатый малыш – и устроил настоящую истерику при попытке оторвать его от Кати. А во-вторых, зашевелился и застонал взрослый “какадил”, которого как затащили к нам в комнату, так и бросили, благо что на диван у окна, а не на пол.

Глава

11

Подхватив зелененького на руки и заглянув в бледное испуганное личико, я улыбнулась малышу и только после этого соизволила ответить эльфу:

– Да, понимаю. Вот только эти же инстинкты делают меня сильнее всех ваших магинь, вместе взятых! – и понимай как хочешь, а мне некогда. У ребенка шок, а еще, мне кажется, он переохладился. Охо-хонюшки... Я же ничего не знаю о физиологии этой расы. Как тут разобраться? В любом случае надо отвезти детей домой, согреть,

умыть, накормить, осмотреть. А не ляды точить про инстинкты и магию.

– Не кажется ли господину, что мы здесь слишком задержались? Ваш племянник и ваша собственность устали и замерзли! – это у меня такой сварливо-противный голос? С мужем я в жизни так не разговаривала, а тут прямо не рабыня, а жена-тиранша. Как бы по башке не получить за такие выкрутасы.

Но нет, эльф только хмыкнул что-то неразборчиво-насмешливое себе под нос и эдак выразительно повел плечом. Его устраивает моя сварливость? Или забавляет? Или ждет, гад, когда клятву дам, чтобы потом отыгаться?

Да наплевать. Домой хочу. В идеале – по-настоящему домой, чтобы весь этот другой мир оказался сном, но надежды на это мало, так что пока сойдет и эльфийское поместье, в котором есть тепло, еда и вода.

Всю обратную дорогу в паланкине мы даже не разговаривали. Просто сбились в плотный клубок, дети прижимались ко мне, я обнимала их и тихо, чтобы они не заметили, плакала. Маленькие мои, родные... наизнанку вывернусь, но больше ни одна скотина на вас даже косо не посмотрит!

Едва добравшись до теплой, нормально освещенной комнаты, я тут же забыла и про скотин, и про эльфов, даже про главную помесь первого со вторым и то не вспомнила. Никитос, который не иначе как в награду за мои страдания вел себя как идеальный ребенок, получил кружку теплого молока, печенье и мишутку. И отправился в кровать – не спал, таращился сонными глазенками, но обнимал игрушку и лежал тихо.

Я тем временем наскоро еще раз ощупала и осмотрела дочь, убедилась, что, несмотря на почти дистрофическую худобу и нервную дрожь, ничего особо угрожающего в ее состоянии нет, и попыталась запахнуть ее под то же одеяло, что и сына.

Не тут-то было. Во-первых, немного отошел от шока ее чешуйчатый малыш – и устроил настоящую истерику при попытке оторвать его от Кати. А во-вторых, зашевелился и застонал взрослый “какадил”, которого как затащили к нам в комнату, так и бросили, благо что на диван у окна, а не на пол.

Катюшка мгновенно вывернулась из-под моих заботливо-суетливых рук и ринулась к парню, причем чешуйчика прихватила с собой. Они вдвоем вцепились в едва живого змеелюда и дружно пустили слезу.

Змеелюд же, едва продрал глаза, дернулся и попытался скатиться с дивана на пол, при этом запихнув детей куда-то себе за спину.

– Так, стоп! – пришлось вмешаться, поймать за ветхий шиворот дочь, подхватить чуть ли не у самого пола опять съездившегося от испуга змееныша, а самого подранного воителя и вовсе удерживать на месте, упираясь коленом в здоровое плечо. Верткий, дурень, и сильный. Так дернулся, что я едва не отлетела в другой конец комнаты за компанию с детьми.

– Да успокойся ты! Катя! Скажи жениху, что я нормальная теща и не кусаюсь! – я с трудом удержала равновесие, еще и расслабленно пискнувшим чешуйчиком мастерски отжонглировала, но не уронила и требовательно уставилась на дочь: – Если меня, конечно, не выводить.

Катерина не подвела – в одно движение оказалась рядом с озадаченно оглядывающимся змеелюдом и... очень выразительно на него зашипела. Ой, я сама бы испугалась.

А “какадил” не испугался, только оскалился и зашипел в ответ тоже очень грозно. И сердито. И снова осмотрелся, уже осмысленным взглядом, мгновенно оценил обстановку: комнату, разбросанные детские вещи и игрушки, меня с его ребенком на руках, любопытно привставшего на кровати Кукушонка... и почти мгновенно успокоился.

Ну как успокоился. Шипеть перестал. И очень внятно выдал Катерине-спасительнице:

– Дура! Соплячка! Куда ты полезла, безмозглая?! На что ты рассчитывала?! Еще раз... еще раз так сделаешь – выпорю так, что неделю сесть не сможешь!

– Сам идиот! – в запале прокричала обиженная в лучших чувствах дочь и как заправская скандалистка уперла руки в боки. – Если бы ты умер, думаешь, мы надолго тебя пережили бы?!

– У меня был шанс! А тебя разорвут сразу, глупая девчонка! Если ты еще раз...

– Не будет никакого “еще раза”, – я решила, что все же стоит вмешаться, подошла и положила свободную руку дочери на плечо. Ох,

блин, ее опять трясет... – Вас выкупили, и как бы дальше ни повернулось дело, на арену никто из вас не вернется.

– Откуда такая уверенность? – по тому, как сгруппировался этот недобитый “рыцарь”, было понятно, что он не только не верит в чудеса, но еще и намерен с боем отбивать у меня своего змееныша. Ой, мамочки, у него лицо начало меняться... как на арене! – Поставьте моего сына и отойдите. Я вас не знаю, и...

– Это моя мама, дурак! – Катюшка зло сжала кулаки и снова всхлипнула. Довели ребенка – она никогда не была плаксой, даже в младенчестве.

– Что ты несешь? Это человека! – недоверчиво фыркнул змееличий, но угрожающие клычищи спрятал. – Твоя мать... – он вдруг замолчал, словно споткнулся о какую-то мысль. Посмотрел на меня большими глазами (у него и так немаленькие, но тут стали и вовсе в пол-лица). И тихо переспросил: – Вы тоже пришли из-за облаков?

– Насчет облаков мне ничего не известно, – я устало пожала плечами, подошла и села на обтянутый парчовым чехлом диван рядом с парнем. Ну а что... после таких приключений ноги не держат, а мужик вполне вменяемый, чувствую, что не кинется. А еще мне кажется, что надо как-то встряхнуть и дочь, и “зятя”, и себя заодно. Сбить с трагического настроения, разорвать это нездоровое напряжение.

– Держите вашего сына. Но имейте в виду, что ребенка надо покормить, выкупать и уложить спать как можно быстрее. Раз ваше плечо уже почти в норме, будьте любезны заняться родительскими обязанностями, пошипеть и поругаться вы успеете потом. Катерина, не стой столбом, иди сюда. Раз уж выскочила замуж в тринадцать лет – будь добра поухаживать за мужем и ребенком, а потом уже будешь ему мозг пропиливать. Я тебя сколько раз учила – сначала питание, потом воспитание.

Катюшка недоуменно моргнула, а потом, слава богу, словно встряхнулась, и в ее глазах сверкнул привычный упрямый огонек, из них исчезла эта жуткая, тусклая, усталая безнадежность.

“Зять” тоже сначала слегка опешил, безропотно принял из моих рук ребенка, а потом вдруг хмыкнул:

– Да, это точно твоя мать. Не успела толком познакомиться, уже командует.

Глава

12

Меня словно током ударило... это было так похоже... та же интонация, поворот головы, ироничный прищур... и почти слово в слово... но...

Нет, он не был похож на Лешку и в то же время напоминал его до болезненности сильно. Я посмотрела на Катюшку и слабо улыбнулась дрожащими губами: это правда, что мы выбираем мужчин, похожих на наших отцов. Этот похож не только жестами или словами, он внутри – такой же. Мужчина, готовый отдать жизнь за свою семью. Лучшего дочери и пожелать нельзя.

Но как же больно, господи, как же больно... ведь мой мужчина, мой единственный, самый нужный – не со мной. И я не знаю, увидимся ли мы хоть когда-нибудь...

Так. Прекратили истерику. Потом порыдаю и погорюю. Сейчас – дочь и ее новая семья. И ничего, что по сути все ее замужество – фарс по нашим старым человеческим законом. Приблудная раненая змеелюдская девчонка с душой моей дочери прямо на арене того страшного цирка сама себе заполучила мужа, просто сбив его с ног и выйдя на бой с монстром вместо раненного... и его малыша от погибшей жены готова признать своим. Да, ей тринадцать, но она повела себя как взрослая. Конечно, если этот крокодил ее в ближайшие пять лет хоть пальцем тронет, я ему сама все крокодильские причиндалы оторву, но в том-то и дело – семья, это не только и не столько постель. Это умение взять на себя ответственность... а с этим у ребят полный порядок. У обоих. Так что собираем себя в кучку и продолжаем разговор:

– Ну а как вы хотели, молодой человек? Я пока тут самая главная мама и специалист по маленьким безобразникам. Скажите спасибо, что вас не причислила к деткам, иначе тоже отправила бы умываться, пить молоко, чистить зубы и спать!

Катюшка тихо, немного неуверенно хихикнула и бросила на “мужа” выразительно-любопытный взгляд искоса. Она заметно оттаяла, услышав знакомые с детства слова и интонации. Потом все отольется... откат после такого ужаса неизбежен. И я буду рядом. А пока...

А пока змеезять смотрит на меня большими глазами и только головой качает. Но подчиняется. Интересно, у них там, на змеиной родине, матриархат? Ну, если жена должна будущего мужа “победить” в поединке?

Надо сказать, что “внучек”, внезапно образовавшийся у меня по воле дочери, оказался либо очень тихим и послушным ребенком, либо несчастного малыша настолько запугали и замучили, что у него просто не было сил капризничать. Я склонялась ко второму варианту – весь мой опыт говорил о том, что двух-трехлетний ребенок – это такая бомба с моторчиком, и если оно не прыгает и не пищит – значит, заболело.

Так или иначе, малыша выкупали, накормили Никиткиной кашей – Шику послушно и широко открывал рот и только глазенками сонно хлопал. А потом заснул у папы на руках, вот буквально на половине тарелочки, как котята засыпают в середине игривого прыжка.

Шепотом цикнув на слегка занервничавшего змеезятя, я отобрала ребенка и упаковала того Никитосу под бочок – сын уже давно сопел в две дырочки и против соседства не возражал.

А сама повернулась к “молодоженам”, они уже отошли к окну и, судя по экспрессивному, но тихому шипению, всю выяснили отношения.

Я присела на край кровати и пару минут молча наблюдала за разборками, изо всех сил стараясь не последовать примеру малыша Шику и не уснуть сидя. Денек сегодня был... Но расслабляться рано. И при этом лезть в разборки новообразованной парочки вот так... нет уж. Я, конечно, теперь внезапно теща, но разбираются пусть сами.

Странно, конечно, что я вот так сразу и всерьез приняла то, что моя дочь-подросток вышла замуж за совершенно незнакомого взрослого мужика. Наверное, дело в том, что этот мир многое поставил с ног на голову, а еще в том, что тогда, на арене, я этого парня непонятным образом “почувствовала”. И знаю точно: во-первых, они с Катюшкой сами очень серьезно относятся к тому, что “поженились”, во-вторых, этот змеезять жизнь отдаст за мою дочь не задумываясь, а в-третьих, этот достаточно умный и ответственный мужчина четко понимает, что дочь сама еще во многом ребенок, и спокойно будет ждать, пока она повзрослеет.

Ну как спокойно... со скандалом. Шипением, рычанием и фырканьем. И “зубов оскал” в комплекте, причем у обоих. М-да, что примечательно – скорее Катерина парня покусает, а вот он только грозным голосом обещает дочери всякие кары.

Скандал между тем набирал обороты, я внимательно следила за обоими и поэтому четко словила момент, когда у дочери сорвало резьбу.

В два стремительных шага оказавшись на пути Катюшки, рванувшей неведомо куда, лишь бы подальше, я поймала костлявое жилистое тело в объятия и сжала изо всех сил.

– Тшшш... тихо, малышка. Тихо, Котеночек, тихо, родная... все хорошо, детка, мама здесь...

Катерина пару раз зло дернулась и вдруг обмякла, повисла на мне и разрыдалась в голос:

– Ма-ам! Он... он! Он не понимает! Если бы... Я не могла снова всех потерять, я не могла, просто не могла! – захлебываясь слезами, выплескивала она накопившуюся боль и ужас. – Я же думала... Я думала, вы все умерли там, в машине, а я... Да, я эгоистка! – последний выкрик предназначался, скорее всего, слегка ошарашенному змеезятю, который неловко топтался у окна. Видимо, раньше Катерина при нем таких истерик не устраивала. – Да! Я подумала... пусть лучше я сразу! Я не смогу еще раз! Шкуру отняли бы, и... а он смог бы... а я... я не могу больше!

Глава

13

Я дала Катюшке выплакаться, и она еще минут пять невнятно выкрикивала сквозь рыдания все, что ее мучило. А потом я требовательно многозначительно подняла глаза на парня. Впрочем, тот и сам оказался далеко не дурак и словно только и ждал моего знака: быстро подошел, подхватил ослабевшую от слез и эмоций дочь на руки и утащил на диванчик, устроил у себя на коленях, обнял, молча вытерпел короткий и бурный протест со стучением маленьких крепких кулачков по груди и чему попало...

И не было пока ни капли сексуального подтекста в том, как взрослый мужчина утешал и баюкал девочку-подростка, шепча ей что-то неожиданно ласковое и нежное, или в том, как она наконец притихла, уткнувшись носом ему в шею. Было что-то совсем другое,

но очень важное... то, что окончательно убедило меня: моя семья приросла на отличного зятя и настоящего внука: Катерина, стоило ей чуть успокоиться и почти задремать в теплых мужских объятьях, вдруг вскинулась и попыталась выкарабкаться из рук змеезятя. И рвалась она проверить, как там Шику. Моя дочь оказалась очень ответственной мамой...

“Какадил” ее не отпустил, просто встал и на руках пронес ее через всю комнату, чтобы посадить на кровать к спящим мальчишкам.

Я не слышала, что он сказал ей на ухо, но порадовалась, что мужик умеет быть убедительным – Катерина без дальнейших споров скинула сандалии и позволила укрыть себя одеялом. И уснула, приобняв своего змеедетеныша, едва ее голова коснулась подушки. А змеезять, убедившись в том, что его маленькое семейство сладко дрыхнет, отошел от кровати и, слегка поколебавшись, уставился на меня вопросительно-выжидающим взглядом.

Вздохнув, я устало улыбнулась и шепотом предложила:

– Поговорим?

Зять кивнул, быстро осмотрелся и скованно присел на диванчик у окна. По тому, как прямо он держался и резко вскидывал голову, я поняла, что бедолага сам едва не засыпает буквально “на лету”, но держится и воли организму не дает.

– Скажи, как тебя зовут, новый родственник, а потом укладывайся прямо здесь и спи. Подушку и одеяло я тебе найду, – сжалилась я, правда, не понятно над кем – только над ним или над собой тоже. В самом деле, что, с утра все выяснить нельзя? А сейчас надо отдохнуть.

– Э... Эрхои. Эрхои Шарс Ваурии, достойная госпожа, – очень четко представился парень, снова глядя на меня... м-да. Как бы у него в нашей семейке глаза навсегда такого размера не остались. Я люблю сов, но не в качестве зятьев. Наверное...

– А меня зовут Наташа. Я мама Екатерины и Никиты. И твоя новая теща, судя по всему. Так что обойдемся наедине без “госпожей”, а завтра ты расскажешь нам, как правильно общаться при посторонних. А поскольку самое главное мы выяснили – разуйся и ложись, силы нам еще понадобятся, так что стоит отдохнуть.

Эрхои как-то удивленно покачал головой, хмыкнул:

– Как у вас все просто, – и принялся стягивать сапоги.

– А зачем нам лишние сложности? – я быстренько подсунула ему под голову ту самую слегка прожженую Никиткой подушку и прикрыла расслабленно откинувшегося парня вышитым покрывалом с кресла. Эльфийское величество новых жильцов в комнату сгрузило, а вот о новых постельных принадлежностях не вспомнило. Хорошо хоть ужин принесли...

Вспомни нечисть, она тут же объявится. Только я собралась, наконец, пристроиться на краешке кровати, как входная дверь бесшумно отворилась и на пороге возник “мой господин”, чтоб он провалился...

Слава всем богам, шуметь он не стал. Пару минут разглядывал “пейзаж”, потом хмыкнул, морда, эдак насмешливо-понимающе, и сделал мне знак следовать за ним.

Я постаралась не вздыхать вслух, тоскливо обозрела вожделенную постель, убедилась, что все мое беспокойное семейство крепко спит... и пошла за эльфом, куда деваться.

Я уже знала дорогу к его кабинету и очень удивилась, когда мы свернули в другой коридор, поднялись по незнакомой лестнице, еще немного попетляли, спустились на этаж. И оказались в странном месте – в жизни не думала, что можно совместить гаремный будуар, прямо-таки вопиющий о сладострастных оргиях, с алхимической лабораторией и ритуальным залом какого-то злого волшебника.

Ну а как еще объяснить роскошный сексодром посреди полутемной круглой комнаты с высоченным арочным потолком, с занавесями, звериными шкурами и ароматическими курительницами, в окружении столов с ретортами и котлами. А пол вокруг этого лежбища разврата был густо изрисован множеством пересекающих друг друга пентаграмм, рун, значков и иероглифов. На лучах особо ярко и жирно прорисованных “звезд” кое-где разместились черепа всяких экзотических зверюг, чьи-то заспиртованные внутренности в баночках, просто кости, а то и целые скелеты. Один, кажется, вообще человеческий.

Эльф, вошедший следом, подтолкнул меня в спину прямо к этому ложу:

– Не стой столбом. Раздевайся.

Я обернулась и скептически вскинула бровь, глядя на него. Ну не удержалась... При том что, скажем, злиться или стесняться у меня сил уже не осталось, на иронию и странный, почти циничный пофигизм они нашлись.

– Вот прямо с ходу? Просто секс, и все?

– Нет, конечно, – гад пожал плечами с самым невозмутимым видом. – Но после клятвы все равно придется закреплять твою принадлежность через постель, так почему бы не получить эстетическое удовольствие заранее? К тому же твоя уязвимость и заведомо подчиненное положение во время ритуала зададут нужный вектор магическим потокам, и мне потом не придется специально корректировать вассальную зависимость так, чтобы у тебя не было шансов воспользоваться ею в собственных интересах, ущемляя мои.

– А это возможно? – поневоле заинтересовалась я, переступая через жирную желтую линию пентаграммы и спокойно усаживаясь на кровать. Если уж раздеваться, то сразу поближе к подушке... я так устала, что мне почти все равно, как там эльф собрался со мной развратничать с далеко идущими целями. Это даже не измена, потому что я вряд ли что-то почувствую, и не изнасилование по той же самой причине. Зато узнать про возможность подкузьмить рабовладельцу мне было любопытно, несмотря на слипающиеся глаза.

– Забавно, что ты интересуешься, – эльф как ни в чем не бывало присел рядом и словно невзначай пробежался длинными тонкими пальцами по моему плечу вверх, к шее, вокруг уха... щекотно. И не противно. Но если он рассчитывал получить какую-то реакцию – обломался. Мне откровенно пофиг. И я, кажется, этому состоянию рада.

– Эта клятва, которую ты согласилась дать, к сожалению, не столько рабская, сколько вассальная. Рабы не клянутся в верности, поскольку своей воли у них нет. Только свободные, и только добровольно.

Немного странно все же, что он мне объясняет, но кто я такая, чтобы протестовать?

– А значит, не только ты будешь должна мне подчиняться, служить, принадлежать, но в какой-то мере и я тебе как сюзерен. И вот тут я не собираюсь оставить тебе ни единой лазейки, потому как давно подозреваю, что ты гораздо умнее, чем кажешься.

– Ага... – я подавила невольный зевок и задумчиво огляделась – где бы взять спички, чтобы вставить в глаза? Чем-то этот недоделанный некромант разжигает же свои жертвенники?

Эльфийские пальцы на мгновение стали жесткими и довольно чувствительно дернули за волосы, разворачивая меня лицом к рабовладельцу. Он почти сразу расслабил руку и даже погладил меня по голове, как непослушную, но любимую собачку, но мелькнувшую в глазах злость я увидела четко. Даже несмотря на то, что он почти мгновенно спрятал ее за иронией. Ну-ну... все же стоит быть осторожнее.

– Меня бесконечно интригует и бесит твое отношение, – эльф внезапно приник к самому моему уху, интимно прихватив мочку губами. На секунду я почувствовала, как непривычно острые зубы скользнули по коже, чувствительно прикусывая, но это ощущение тут же зализали, загладили. – Ты думаешь о своих детях, о своих шархах, о том, как их согреть, накормить, защитить... Незнакомый нелюдь мгновенно становится важен для тебя только потому, что связан с твоей дочерью... а я – всего лишь досадная неприятность с некоторыми полезными функциями. Ты меня разумно опасаясь, ловко приспособливаешься, вовремя пользуешься моими возможностями. Ты не трепещешь от страха, не раболепствуешь, не восхищаешься, не испытываешь отвращения, не ненавидишь. И тут же забываешь обо мне, как только я перестаю мелькать у тебя перед глазами. Никто и никогда не относился ко мне так... что я не знаю, чего хочу больше: раздавить твою дерзость или разгадать?

Глава

14

Я вывернулась из незаметно сомкнувшихся эльфячьих лап, но вместо того чтобы шарахнуть, уставилась на мужика с искренним, незамутненным изумлением. Мне самой, признаться, в голову не приходило такое развитие событий, иначе я постаралась бы изобразить самый натуральный ужас и трепетание всеми частями тела, только бы этот ирод от нас отцепился...

– О да! – вдруг засмеялся ушастый гад и откинулся на подушку. – Вот сейчас твои мысли написаны на лице большими буквами. Ты готова изобразить что угодно, только бы я не слишком докучал тебе своим присутствием, и вовсе не потому, что я тебе так уж противен

или страшен. Любая на твоём месте уже пылала бы страстью или отбивалась и рыдала. Но не ты. Тебе не то чтобы совсем все равно, просто твои собственные дела для тебя гораздо важнее и интереснее, чем какой-то там высший эльф. Кем же ты была в своём мире, королевой? Богиней? Почему же ты не сопротивляешься? Тебя не коробит то, что придется отдаться кому-то против твоей воли?

– Слушай, – мне внезапно ужасно надоело строить из себя средневековую загадочницу. Судя по всему, раз я так интригую мужика – убивать он меня не будет, даже если я ему правду скажу. Попробую с ним по-человечески поговорить, он хоть и распоследний эльф, но чем черт не шутит? – Поставь себя на моё место. У меня ребенок, у меня тут чужой мир везде и повсюду, дочь на арене чуть не сожрали, замуж она вышла в тринадцать лет за незнакомого мужика, цирк этот долбаный взорвался ни с того ни с сего, ты подсуетился со своей клятвой, нервы мне помотал... Ты всерьёз думаешь, что я сейчас в состоянии изобразить из себя девственницу на жертвеннике? Ну вот просто логически если подумать – да мне действительно все равно! Я так устала, что готова тебе не только секс и клятву дать, вообще все, что захочешь, только дай мне выспаться!

Эльф замер и несколько секунд смотрел на меня так, что я мысленно обозвала себя трижды идиоткой. А потом он как-то внезапно расслабился, ещё дальше откинулся на подушки и вальяжно заложил руки за голову, разглядывая меня с каким-то новым интересом.

– Легко перешла на “ты” с мужчиной, я бы даже сказал, что такое обращение тебе гораздо привычнее, раз оно выплыло наружу, когда ты слишком устала, чтобы держать маску, – принялся разглагольствовать он, не сводя с меня гипнотически-внимательных глаз. – Не боишься, не прячешь свою способность думать и даже поучать... да, тебя воспитывали не в будуаре знатной дамы, чьё предназначение по большому счету не слишком отличается от того, что предписано последней кухонной девке. Рожать детей, ублажать мужчину, украшать его дом... Но ты не воин и не служительница богини, требующей отречения и девственности – у тебя есть дети и был муж. И у тебя совершенно не развито чинопочитание. Все же правящие кланы, причем наверняка наследование власти и денег по женской линии. Вы покупали себе мужчин у других народов?

Блин, вот вроде все так точно подметил, проанализировал, а выводы сделал – хоть стой, хоть падай. Я даже знаю, наверное, почему: несмотря на весь его ум, мозги у товарища зашорены ровно настолько, насколько позволяет его картина мира. Но мне-то что с того? Философия вместо здорового сна – да лучше бы трахнул в темпе и спать отпустил, простите мой французский!

– Правящий клан, высокое положение в нем – это гордость, привычка повелевать и нетерпимость к унижению. И поэтому я не понимаю... точнее, не верю в то, что тебе безразлично, что я собираюсь взять твое тело, не спрашивая твоего согласия, – ответа ушастый извращенец не дождался и выкатил новую провокацию. Уф-ф-ф... достал, если честно.

Я плюнула на все и позволила себе от души зевнуть, прикрываясь ладонью. А потом устало посмотрела на нелюдя и пожалала плечами:

– А кто сказал, что я против? Говорят, это даже полезно для женского здоровья. Другое дело, что ты, уж прости, меня не привлекаешь. Ну не в моем вкусе, понимаешь? Ничего личного. Но и отвращения я к тебе не чувствую, ты прав.

Ух как подобрался, а потом опять расслабился. Блин, я, по-моему, туплю от усталости просто жутко и выбалтываю то, о чем в здравом уме и твердой памяти промолчала бы.

– Не верю, – да тьфу на твои уши, мозгое...мозгоед эльфийский!

– Ну и что? – а мне уже все равно. Хоть с кашей меня ешь, мозги отказывают.

Кстати, это странно, потому что случилось мне уставать и сильнее, но такого тотального отключения разума у меня не было. Наоборот, в опасной ситуации я обычно мобилируюсь и усиленно шевелю извилинами. А тут... словно некий неизвестный, но очень нужный ресурс откачали.

– Ну и ничего. Я думаю, что твое равнодушие связано с тем, что ты слишком израсходовалась сегодня как маг, – эльф вдруг одним слитным движением оказался рядом со мной, подхватил, стиснул, опрокидывая меня на спину и легонько, поглаживающими движениями касаясь груди. Его пальцы невесомо пробежались по телу вниз, погладили между ног... – Твое тело реагирует на мужскую ласку, пусть и вяло, а значит...

– А значит, я еще не умерла, – фыркнула я и отпихнула нахальную лапу. – Тело это всего лишь тело, оно реагирует так, как заложено природой. И ничего плохого, кстати, в этом нет. Но и ничего слишком для тебя обнадеживающего тоже.

– Это потому, что твои реакции замедлены усталостью, – безапелляционно заявил эльф. – И я согласен, так, пожалуй, просто неинтересно. Хорошо. Иди выпись. Продолжим наш разговор завтра.

Уже “телепортировавшись” за дверь, я обессиленно присела на ступеньку – мне нужна была хоть секунда передышки, а то ноги не держат. Уфф... сегодня пронесло.

Нет, я не лгала эльфу – если придется с ним спать, я руки на себя от “позора” не наложу. И муж меня поймет, когда мы найдем друг друга. Но если, как сегодня, пронесет... я буду счастлива. Как бы мне и завтра так устать, чтобы с ног валиться? Труп эльфу домогаться неинтересно, пару раз ткнет пальцем, убедится, что дохлое, и отстанет. А может, и про клятву забудет?

Я понимала, конечно, что все это пустые надежды. Но тут как в сказке или на войне: нам бы день простоять да ночь продержаться. А дальше бой покажет.

В комнате меня встретил настороженно-вопросительный взгляд дочкиного крокодила. Парень не спал, сидел на своем диванчике и сторожил, как я поняла, спящую мелочь. Господи, как хорошо... как хорошо, что еще один взрослый, ответственный человек появился в жизни моих детей. Даже если со мной что-то случится, Катюша и Никитос не останутся беззащитными.

Я благодарно-успокаивающе улыбнулась зятю одними глазами – на большее сил не было – и с едва слышным стоном прикорнула на краешке постели, немного потеснив спящую без задних ног дочь.

Завтра с самого утра все пойдем в загон к шархушам и уработаемся там до потери пульса. Главное, смыться до того, как проснется ушастый домогатель и успеет передать приказ явиться к нему. Из загона с песиками меня не так-то просто достать – если забраться в самый дальний угол, ни одна эльфячья глотка не доорется, а входить за ограду они боятся. Мужик как-то очень рьяно взялся охранять свою территорию и самку, одному не в меру любопытному ушану из obsługi он уже чуть не откусил ползадницы.

А к вечеру, глядишь, мое тело опять будет “вяло реагировать” на эльфийские лапанья, так что наглому ироду снова станет скучно.

Глава

15

Утро началось суматошно. Умыть, накормить, занять двух малышей, даже если один из них очень тихий крокодильчик, который боится резких движений и громких звуков, оказалось не так просто. Особенно из-за того, что забывший все страхи Кукушонок упорно лез знакомиться и пытался отобрать сестру у непонятого пришельца, а пришелец пугался и новоявленную “маму” уступать не хотел.

Купаться Катерине пришлось с ним в обнимку – мелкий зелененький упорно изображал обитателя зоопарка: по-обезьяньи вцепился в дочь, и отодрать его не получилось даже у папаши. Выяснилось, что орать это пугливое змеиное сокровище умеет отлично, а еще оно кусается, если совсем достать.

Цапнутую лапу змезять отдернул, тихо шипя, потом скосил выразительный желтый глаз в мою сторону и торопливо спрятал руку за спину, приняв виноватый вид. А я... засмеялась. Дочь и ее “муж” какое-то время смотрели на меня непонимающими взглядами, а потом Катерина перевела глаза на парня и тихонечко хихикнула.

И все! Все напряжение последних дней вылилось в этот безумный, безудержный, до слез, до судорог, ржач.

Я тихо сползла по дивану, Катюха едва не каталась по кровати от смеха, змезятюшка, у которого явно подогнулись коленки, просто сел на пол и хрюкал оттуда. Никитос в восторге скакал от одного к другому, не делая никакого исключения для новых родственников, и радостно хохотал. И, наконец, зелененький обезьянчик тоже оторвал личико от дочкиной груди и... тихонечко пискнул, раскатился колокольчиком.

– О-ох... – простонала наконец я. – Ну хватит... Катерина, иди корми ребенка, нечего хихикать. Кукушонок, пойдем клевать кашку, все хорошие птички клюют ее по утрам. И ты, – я кивнула обессиленно растекшемуся по полу мужчине, – тоже пошли клевать. А потом руки в ноги и бежим наводить порядок у Найды.

– Найда здесь?! – дочь резко запнулась и чуть не уронила недовольно квакнувшего змееныша. – Правда?! Мам... а...

Я прекрасно поняла, что она имела в виду. Сердце болезненно сжалось.

– Нет, котенок, папа пока нас не нашел. Но он обязательно появится, вот увидишь. А сейчас займемся делом – некогда грустить.

Молчаливый зять очень впечатлился нашими песиками. Очень. Для начала попытался крестом встать в воротах загона и не пустить туда меня и детей, но был бесцеремонно отодвинут высунувшейся любопытной мордой Найды. Она шумно втянула воздух, подслеповато щуря маленькие на такой здоровенной морде глазки, и вдруг заскулила, припала на передние лапы и поползла в сторону дочери.

Дальше снова были слезы, обнимашки, облизашки, огромные глаза большого змея – я уже говорила, что опасаясь того, что они у него навсегда такие останутся?

– Ты очень страшная женщина, – поведал мне парень, когда я разогнала всю эту мимими-компанию заниматься делом и вручила зятю лопату – выгрести “навоз”, а сама отловила за холку первого попавшегося кобеля и поволокла в тенек – вычесывать репы. – Л’Шархи свободные охотники и не боятся никого, кроме своих самок! А ты сумела приручить целую стаю... – тут он передернул плечами, покосившись на радостную Катерину, которая как раз в этот момент усаживала опасливо шипящего Шикю верхом на Мужика. Никитос на его спине уже сидел и активно агитировал нового интересного “братика” присоединиться.

– Ага, дочка вся в меня, – согласилась я, пряча улыбку.

– Это заметно, – проворчал змей. – Непослушная девчонка, всегда спорит и настаивает на своем!

– Ну ты же взрослый, – черт, приходится прикладывать немало сил, чтобы не рассмеяться. – Умный мужчина. Найдешь способ сладить с ребенком, Катюшка у меня, конечно, упрямая, но если с ней по-хорошему... А подрастет – тогда уже разберетесь, кто у вас в семье самое большое змейство.

Зять понимающе хмыкнул и ушел чистить “стойла”, а я расслабленно тискала едва слышно вздыхающего пса и отдыхала душой. Понимала, что эта идиллия ненадолго, что совсем скоро в эту мирную картинку ворвутся эльфы, маги, тревоги и прочие пакости. Но пока... я хочу просто отдохнуть. Иначе, боюсь, следующий удар судьбы меня сломает.

– Натаэль! Подойди сюда! – а вот и “пакость” не заставила себя ждать.

Да, служители побоялись лезть в загон к шархушам, а вот самый главный эльф вошел как к себе домой. То есть, конечно, это и так его дом, а мы тут все квартиранты, но...

Я шикнула на Найду и смелого, но глупого Мужика – не хватало еще, чтобы покусанный ушастый господин затеял магические репрессии. Вздохнула, кинула выразительный взгляд на змезытя и пошла куда зовут.

– Ну что за детские хитрости, – насмешливо выговаривал мне сволочуга, пока вел к дому. – Неужели ты всерьез рассчитывала, что второй раз сможешь провернуть один и тот же трюк? Я был более высокого мнения о твоей сообразительности.

Да подавись ты! Вместе с твоими вроде бы ненавязчивыми прикосновениями и таким хозяйским взглядом. Плевать мне, что ты там думал, а вот то, что трюк не прошел – действительно жалко.

Я еще раз оглянулась, прежде чем выйти за ограду псарни. Дочь смотрела вслед с тревогой и злостью, сжимая кулаки. Найда встопорщила шерсть на загривке, и мне даже отсюда был слышен тихий злобный полухрип-полурык. Но умная собака слушалась команды и оставалась на месте, тем самым удерживая напрягшихся самцов. Зять отложил лопату и подошел к Катюшке, забрал у нее из рук сразу обеих малышей. Вот он смотрел нам вслед напряженно, внимательно, но без злости.

Я встретила с ним глазами. Да... да, я доверяю их тебе. Что бы ни случилось, пожалуйста, позаботься о них...

И он кивнул. Он понял.

– Можно подумать, я собираюсь тебя съесть или принести в жертву, – недовольно фыркнули у меня над ухом. Пушистый локон скользнул по щеке, когда этот поганец наклонился, почти касаясь губами моего уха. – Ты станешь личным вассалом высшего, не рабыней, не наложницей, а...

– Более ценной собственностью, – резюмировала я, разворачиваясь и встряхиваясь. – Разница невелика.

– Это только от тебя зависит, – мурлыкнул эльф и резко сменил тон: – Иди за мной. Живо.

Двор, лестница, холл действительно промелькнули мимо с какой-то ненормальной быстротой. Я только успела поймать спиной странное ощущение направленного четко между лопаток жгучего от ненависти взгляда. Стараясь не отставать от стремительно шагающего “сюзерена”, я незаметно оглянулась. Ага... эльфийская гримза провожала меня злыми глазами, прячась за одну из шелковых занавесок, в обилии драпировавших холл. Злыми и завистливыми... вот дура! Да я бы чего только не отдала, чтобы поменяться с ней местами!

Увы. Уже знакомая комната, архаичные факелы по углам пентаграммы, сексодром в полной боевой готовности. И мне даже про “раздевайся” не скомандовали – нетерпеливый рабовладелец с порога сам взялся меня разоблачать. Да чтоб тебя... опомниться не успела, как оказалась голая – белье он просто порвал к чертям собачьим, причем как-то так, что я и пискнуть не успела.

Глава

16

Какой непривычный, странный, но приятный запах... впрочем, я зря засмотрелась на тонкую, извивающуюся, как восточная танцовщица, струйку дыма над бронзовой курительницей. Миг – и спину ласкает чья-то пушистая шкура, брошенная поверх постели. Горячие нетерпеливые ладони прошлись по моему телу снизу вверх и обратно, уверенно, властно, и... знаете что? Если насилия все равно не избежать, я расслаблюсь и получу удовольствие, только внутренних разрывов, травм и синяков мне не хватало! А моральные терзания оставим тем, кто имеет выбор. И я твердо знаю, что ни дети, ни муж меня не осудят... я в это верю.

Да, противно, да, гадко... и собственное бессилие бесит до мурашек в глазах. Но я усилием воли заставила себя дышать глубоко и размеренно, как мантру повторяя про себя: “Это всего лишь тело... это ничего не значит... я иду на это осознанно... я знаю, что делаю!”

То ли медитация помогла, то ли я излишне надышалась этими странными курениями, но как только я расслабилась и сознательно постаралась отключить панику, тело словно взорвалось ощущениями.

И я не стала сопротивляться странно-огненной волне, затопившей меня вслед за движением его рук. Не знаю, магию ли он применил, или просто, подлец, оказался таким хорошим любовником и знал, как

заставить любую умирать от желания, но полыхнуло, что называется, с пол-оборота. Сначала я просто удивилась и, признаться, снова испугалась. Это... на меня не похоже... и даже с Лешкой... нет, было иначе! А сейчас я словно живу отдельно от собственного тела. И приходится закусывать губу, чтобы не стонать – вот назло маме отморожу уши, в смысле – назло эльфийской роже буду сопротивляться хоть в этом. Пока смогу!

Светло-серые глаза, словно затянутые серебристой паутиной, заслонили все, и в них явственно бился азарт и... усмешка. Разгадал, гад!

В следующую секунду я не сдержалась и вскрикнула, ощутив горячие пальцы между ног. И чего в этом крике было больше – протеста или уже животного желания? Мысли путались.

– Чистая и сильная, как эльфийка, и горячая, как человечка, – жаркий шепот в самое ухо заставил меня снова застонать и выгнуться навстречу. – Ты думаешь, зря мы, эльфы, так часто берем в наложницы девушек вашей расы? Пока вы юны и совершенны почти как высшие, но горите так ярко и так непохоже на холодный огонь, что питает наши души... жаль, что ваша красота сгорает в этом пламени непростительно быстро... но ты... ты уже не человек, женщина с душой другого мира и магией этого. Твое совершенство будет греть меня долго... очень долго!

Он резко оторвался от меня, и теперь я застонала от разочарования. Тело извивалось и льнуло к его рукам, оно хотело... “Наташа” ушла куда-то в затянутую пахучим дымком даль, а то, что осталось... уже не помнило ничего, кроме этих рук и глаз.

– Сначала обряд, моя дикая звездочка, – как-то незнакомо и хищно усмехнулся эльф, расстегивая камзол и стаскивая рубашку. Текучий танец хорошо развитых мышц, и весь такой гладкий, почти белоснежный, до перламутра в свете факелов, но не как статуя, а... чувственный, живой. Олицетворение соблазна и разврата... и отголоском из темноты – боль и горькое бессилие. Это не я... это не мои чувства...

Эльф остался в одних черных облегающих штанах, и, черт возьми, это выглядело неприличнее, чем если бы мужчина разделся совсем. Он медленно обошел кровать, с легкой насмешкой и в то же время напряженно наблюдая, как я слежу за ним одними глазами,

словно боясь даже на секунду оторвать взгляд. Остановился у изголовья. В его руках неведомым образом вдруг оказался кинжал с волнистым черным лезвием и капелька янтаря на тонкой золотой цепочке.

– Повторяй за мной! – жестко приказал он, впиваясь в меня глазами. – Клянусь принадлежать лорду...

Оглушительный грохот взорвал сгустившееся напряжение, пол и стены вздрогнули и вроде даже чуть накренились, с потолка на меня посыпалась какая-то труха, и я словно очнулась от гипноза, резко села и вскрикнула. Порыв ветра из разбитого окна сдул дурмящую пелену запахов, и стало зябко.

– Харракшшшаррас! – яростно прорычал несостоявшийся властелин. – Сиди здесь, женщина! Ни шагу! Если хочешь увидеть своих детей живыми!

Он одним слитным движением выхватил откуда-то из темноты кривой меч и цеп с шипастым навершием и исчез в клубах странного дыма. А я осталась сидеть, не на шутку перепуганная и недоумевающая. Что это вот сейчас было?!

Глава

17

Посидев так минут пять, все время нервно прислушиваясь к отдаленному грохоту и чьему-то нечеловеческому реву, я не выдержала и заметалась по комнате, поспешно подбирая свою как попало разбросанную одежду. И даже успела натянуть штаны и рубашку на голое тело, кляня проклятого ушастого ублюдка, явно прокурившего мои мозги чем-то ядовито-возбуждающим. Ту самую курительницу, грохнувшуюся с подставки, помятую и погасшую, я мстительно выкинула в разбитое окно, стараясь даже не дышать рядом с ней.

Понимала, конечно, что это бесполезно – если эльфийская скотина пожелает – никто не сможет ему помешать повторить свой трюк. Но мне физически стало легче от того, что я хоть что-то сделала.

Дверь была заперта, да и куда мне идти? Я даже не знаю, что случилось...

Я до боли сжала кулаки, опять настроилась на глубокое дыхание и села на разворошенную кровать. Мне остается только ждать новостей...

С треском разлетевшаяся в мелкие щепки дверь стала для меня полной неожиданностью. Как и две стремительные тени, со скоростью молнии метнувшиеся ко мне. Миг – и мне зажали рот, заломили и стянули чем-то за спиной руки, накинули веревочную петлю на ноги и одновременно на горло... я не успела даже закричать, а мир уже померк, сменившись плотной сеткой дерюжного мешка, без церемоний натянутого мне на голову.

– Живо-живо! – прокомментировал эту жуть незнакомый хриплый голос. – Демона не хватит надолго. Это она?

– Старая сука все же сумела провести ритуал, – негромко ответил кто-то еще, и меня бесцеремонно вздернули в воздух, перекинув через чье-то твердое широкое плечо. – Она вернула юность и рассчитывала, что ее никто не узнает. И расплатилась с эльфом, став его риссон. Теперь они оба в наших руках!

– Уходим, живо!

Господи, господи! Ну почему мне так не везет?! Да к черту праведность, лучше бы меня эльф вдоль и поперек попользовал, чем это!

Нет, в тот момент я не боялась за себя. Меня уносили в темноту неизвестные и явно не слишком расположенные ко мне существа, а я могла думать только о том, что дети... дети остались у эльфа, и теперь они совсем беззащитны!

В мешке было душно, пыльно, жесткая веревка впивалась в горло, и я боялась одного – вдруг похитители не рассчитают, и проклятая удавка меня задушит. Я не могу оставить детей! Не сейчас!

Боль, тряска, нехватка воздуха в конце концов привели к тому, что я потеряла сознание. Возможно, это и к лучшему...

Серый свет в темноте возник неожиданно, вместе с водопадом ледяной воды в лицо и парой резких пощечин.

– Не притворяйся, тварь! Магичка твоей силы не могла так быстро сдохнуть! – а голос женский и очень злобный. Отчаянно моргая, я пыталась всмотреться в окружающую муть, но кроме зыбких теней так ничего и не разглядела. Зато голоса слышала отлично:

– Там были все следы ритуала. Значит, бабу надо закрыть от ушана, иначе он почует свою часть, или придет по следу магии, или, если не получится вернуть связанную, постарается быстро и безболезненно ее убить. Где Хрош? Ага...

Рубашку на груди рванули, к обнажившейся коже прижали что-то тяжелое и металлически холодное. А потом...

Потом эта железяка полыхнула диким жаром, словно вплавляясь в мою плоть, и не только вплавляясь – острые шипы, внезапно проросшие сквозь нее, рвали кожу. Я бы закричала, если бы рот не был все так же забит вонючей тряпкой и грубо перетянут веревкой. А так – крик захлебнулся, а отчаянный рывок привел лишь к тому, что на меня навалились сразу несколько человек, удерживая за руки, за ноги, за голову.

– Все... шишорши закрыло ее кровь и магию, пока рисунок не сотрется, эльф не найдет свою риссон. А вот ее канал к нему остался открыт, и мы сможем заставить ушастого выполнить наши условия, если он не хочет сдохнуть от истощения или превратиться в марионетку Лош’ехха. Кляп на всякий случай не вынимайте, бабу переодеть, заgrimировать и в колодки. Выступаем!

Глава

18

Третий день рабский караван медленно тащился сквозь людские земли в сторону Большого Рубежа. Мимо зажиточных ферм и нищих деревень, мимо городов с их ярмарками и сытыми стражниками у ворот, по пыльной дороге, теряясь между множеством таких же караванов и прочих путников. Никто не обращал на них внимания.

И невдомек было эльфийским и человеческим патрулям, раз за разом пролетавшим мимо, что закованные в тяжелые колодки грязные и едва таскающие ноги орки, среди которых затесались несколько таких же усталых и истощенных людей и нелюдей – это всего лишь великолепная маскировка. Сводный отряд орочьих егерей и наемников из Ро-Райаны, некоторые из которых успешно изображали хозяев и надсмотрщиков, без лишней поспешности, но уверенно и, главное, скрытно продвигался все дальше и дальше от атакованного поместья одного из членов Светлого Совета.

И никто не узнавал в налысо бритой, вымазанной с головы до ног какой-то жирной грязью оборванке похищенную наложницу господина первого советника.

На сбритые волосы мне было откровенно наплевать. Вот уж где последняя моя проблема. Если разобраться, то в рабском караване “довги косы” только затрудняли бы и без того несладкую жизнь.

Нет, меня не били, нарочно не обижали, кормили нормально – тем, что ели сами, когда караван останавливался на ночлег где-то подальше от посторонних глаз. И меня даже не задевало равнодушно-презрительное отношение похитителей. Даже откровенная ненависть единственной, кроме меня, женщины в караване, и то не особо волновала.

Эта статная красивая орка в костюме наемницы не упускала случая продемонстрировать мне свое отношение, хотя и без рукоприкладства, но такое чувство – просто потому что командир не разрешил. Очень быстро я догадалась, что у девушки ко мне личные счеты. Знать бы еще, чем так нагадила ей прежняя хозяйка тела. И кстати стало понятно, как меня опознали – вот эта самая дама в городе углядела и доложила по инстанциям. Остается только позавидовать ее наблюдательности и памяти... ибо молодым это тело было давно.

Про то, что меня похитили орки – это я не сама догадалась. Это я подслушала. И удивилась, несмотря на то, что плевать бы, какой они там расы, у меня других проблем по горло. Но все же... да, здоровенные мускулистые мужики в полтора раза крупнее среднего шварценеггера. Морды страшные, челюсти тяжелые и крупные – у людей таких мало, что ли? А клыки из них никто не скалил. А еще они изрисованные татуировками по всем открытым участкам тела настолько, что о странном для людей цвете кожи я догадалась далеко не сразу. Черт их знает, может зеленовато-серый, со стальным оттенком, макияж нынче в моде. Или это маскировочная роспись... но нет. Мы тут вчера у озера в стороне от дороги останавливались, и как только конспираторы-диверсанты выставили дозоры и активировали какие-то свои фиגнюшки для легкого отвлечения внимания, вся эта орда бугаев без малейшего стеснения скинула колодки и грязные портки и полезла в воду.

Из сего инцидента удалось сделать два вывода: орки, вопреки легендам, очень чистоплотные существа – это первое. А второе – вряд ли они стали бы гримировать задницы и то... хм... что растет с противоположного конца, в маскировочный цвет. Так что серый с зеленым – это их естественный окрас.

Меня в воду силком никто не тащил, я сама полезла мыться, как только тяжелые деревянные доски с дырками для рук и головы сменили на ошейник и цепь.

– Что, не привыкла сама, гадина? – злорадно поинтересовалась у меня орка, небрежно бросая на песок обрывок чистой дерюжки и кусок настоящего мыла. – Здесь тебе не башня! Никто пятки лизать не будет.

Самое умное, что я могла сделать в этой ситуации – промолчать. Я, собственно, так и поступала все то время, что женщина пыталась меня тиранить. А ее это, похоже, еще больше злило... но мне все равно нечего было ей ответить. Да и мысли все там, в поместье – как дети?! Живы, я чувствую, но...

А орку было жалко. Я подслушала все же, что ее семью держала в рабстве прежняя хозяйка этого тела, и такое творила... конечно, обидно отвечать за чужие грехи, но и злиться на несчастную бабу, единственную выжившую из большой семьи, я не могла.

Меня ни о чем не спрашивали, никаких секретов не выведывали, просто следили за тем, чтобы шла в колонне по трое, в серединке, и не пыталась рыпнуться. В какой-то момент я потеряла счет дням – так похож был один на другой, но мы точно тащились по дорогам междурасья (так назывались общие территории, где соседствовали люди и другие народы) не меньше недели. И к концу пути я уже едва волочила ноги: не потому что так уставала, хотя уставала, конечно, безумно. А потому что неизвестность и тревога за детей разъедали душу, как кислота. Боже, как нам, оказывается, повезло в самом начале этого безумного попадания! Ведь со мной были сын и Найда, и это не давало мне сойти с ума и позволить отчаянию настолько поглотить меня.

Размеренно-выматывающее путешествие окончилось однажды ночью так же неожиданно, как началось. Мы уже дня два как миновали последнюю задрипанную деревеньку, и все сужающаяся дорога уже давно вилась среди голых каменистых холмов, лишь кое-где прикрытых жалкой кудреватой порослью – словно головы престарелых ловеласов, старательно зачесавших остатки волос на лысину. А я все недоумевала – ведь до оркских земель такими темпами мы будем еще месяца три топать. А судя по разговорам наемников, сдать меня главному шаману для укрощения эльфийской морды намеревались до полнолуния. И как?

Оказалось, очень даже возможно. Потому что, отойдя на приличное расстояние от населенных мест и основательно попетляв

среди холмов, словно путая след, отряд пришел к... portalу.

Глава

19

Точнее, о том, что это портал, я догадалась только тогда, когда деловитые похитители избавились от маскировки, причем рачительно упаковав ее в тюки до следующего раза, и принялись городить что-то странное на месте старого кострища в центре вытоптанной поляны.

В строго определенном порядке разложили выкопанные из схрона камни, разожгли костры, соединили их дымно-огненными дорожками, поджигая выложенные косичкой от кострища к кострищу сухие травы...

И один за другим под гулкой рокот бубна стали уходить в густое облако подсвеченного красновато-фиолетовыми сполохами дыма.

– Чего встала, коровица? – вспомнила про меня моя “ласковая” конвоирша. – Ишь, тихая стала... как магию тебе запечатали, так...

– Улейша! – резкий окрик из глубины багрового облака заставил орку замолчать, но в спину она меня толкнула от души, так, что я птичкой влетела в неизвестность, споткнулась о неожиданно образовавшийся порожек и рухнула... хорошо, что не на пол, а в объятья рослого орка, непривычно однотонного, почти без их любимых разноцветных узоров поперек всей личности. Он подхватил меня легко, как пушинку, внимательно осмотрел, что-то буркнул и равнодушно передал дальше. А у меня остановилось сердце...

Очувтившись, наконец, в тесной и темной, одиночной “камере”, я выдохнула и потерла лицо руками. Для меня выделили какую-то особо монументальную юрту, то ли вкопанную в сухую степную почву, то ли на фундаменте... я не особо всматривалась, да вообще почти не смотрела по сторонам, а про юрты подумала потому, что силуэты у орочьих жилищ были своеобразные – полукруглые, как опрокинутые пиалы.

Итак... что это было? Галлюцинации на нервной почве и от переутомления? Или этот главный орочий шаман действительно усмехнулся мне чуть кривоватой и до боли знакомой Лешкиной усмешкой – такой... даже словами не описать. Эта усмешка кривила рассеченные старым шрамом губы мужа, когда он был сосредоточен и очень зол, но держал себя в руках. У шамана шрама не было, но...

Господи, ну разве можно строить такие предположения только на том, что мне вдруг примерещилось? Я уже сама не уверена в том, что видела. Я слишком этого хочу, я...

Я не имею права ошибаться, я не могу позволить себе раскиснуть. И я не буду сейчас думать о том, действительно ли это Лешка, я выпью крепкий бульон, что принесла мне моя тюремщица, как смогу вымоюсь в тазу, переоденусь, рассмотрю наконец эту странную татуировку на груди, которая вроде бы стала менее четкой, и лягу спать. Запретив себе метаться и гадать, запретив себе все, кроме сна, потому что... потому. Я должна вернуться к детям, значит, обязана оставаться здоровой и сильной.

Ага... хорошее решение. Еще бы воплотить его в реальность...

Мои ночные медитации на тему “я буду сильной” закончились с рассветом – мутная бессознательность накатила незаметно и остановила, наконец, бесконечную карусель мыслей. Но ненадолго. Утро примчалось неожиданно, как конный разбойник, с гиканьем врывающийся в спящую деревню, топча разбегающихся кур и крестьян. Кто-то вошел в мою камеру, распахнул окно, сдернул с меня войлочное одеяло, гортанно прикрикнул и даже плеснул водой в лицо.

Проморгавшись, я разглядела старую-престарую бабку, которая с неожиданным для ее возраста проворством металась по тесной комнатухе и одновременно умудрялась делать сразу несколько дел.

– Вставай, вставай! – она снова брызнула в меня водой из большого таза, стоявшего прямо на полу в центре комнаты. – Вставай! Много спать можно магам и эльфам! Здесь не спят много!

– Встаю, – покладисто согласилась я и натянула брошенную в мою сторону отстиранную и даже зашторанную рубашку.

– Твою одежду хотели отдать духам, – с каким-то странным выражением проговорила старая орка, поправляя на голове замысловато накрученный белый платок. – Но ты не будешь одеваться в одежды онори’е, останешься в одежде рабыни, – и глаза у нее... выжидающие? Я должна была возмутиться? Магам неуместно так одеваться, или они брезгуют? Но я не маг, я не Лелиена, и я не собираюсь ею притворяться. Так что старуха так ничего и не дождалась. Хмыкнула каким-то своим мыслям и скомандовала:

– Иди за мной. Мужчины будут задавать вопросы. Женщины будут слушать. Шаман станет думать, что с тобой делать. Иди!

Глава 20

Всю дорогу до самой большой юрты, возвышавшейся на фоне далеких снежных гор, я лихорадочно размышляла о том, как мне понять, действительно ли это мой муж вселился в местного орочьего боевого предводителя. Шамана, если я правильно поняла.

Пыльная, вытоптанная тропинка виляла между полукруглыми домиками, запах сухой травы и раскаленной земли струился вдоль нее, и словно подталкивал в спину – иди же, быстрее, лучше узнать сразу, чем так мучиться неизвестностью. Просто спроси... просто слова...

И вдруг прилетал порыв совсем другого ветра – холодного, остро-снежного, как мой страх. А если нет? А если... это если...

“Главная” юрта оказалась гораздо масштабнее, чем мне казалось издавлек. Мы шли и шли через странный город в степи, за нами пристраивались в хвост все новые и новые орки, молчаливые, спокойные, полные чувства собственного достоинства – мужчины, женщины, даже дети. А купол Общего Дома почти не приближался, только рос, постепенно заслоня собой чуть ли не четверть неба.

И вместе с ним рос мой страх. Вот буквально рвал на части – что будет со мной? А мои дети? Что будет с ними без меня? Последний вопрос был самым страшным.

Наконец, странная процессия с моей сопровождающей во главе миновала арочные двери в построенный из белого песчаника купол. И стало прохладно, почти холодно. Глаза не сразу привыкли к рассеянному свету после яркого дня, но постепенно я рассмотрела и многоярусные каменные скамейки, амфитеатром разбегающиеся по кругу, и длинный стол напротив входа и маленький загончик справа от него.

Туда меня и отвели, усадили на вырезанную в песчанике тумбу и два рослых орка стали по бокам, охраняя то ли меня, то ли остальных от меня. А бабулька в белом покрывале ушла, только на прощанье одарила меня странным взглядом. Сожалеющим? Сочувствующим? Вообще непонятным.

Амфитеатр постепенно наполнялся, но было на удивление тихо – орки не галдели, не переговаривались, даже дети не шалили.

Я поймала еще несколько взглядов, в основном любопытных, но были среди них и злые, и насмешливые, и настороженные. И парочка

откровенно ненавидящих.

Постепенно все места в амфитеатре оказались заполнены и орки, по прежнему негромко и солидно стали что-то обсуждать. Что? Каюсь, от волнения я все пропустила...

Я смотрела только на одного человека. То есть, на орка. Ловила глазами каждое движение, затаив дыхание искала знакомые черточки, штрихи, манеру поворачивать голову и смотреть на собеседника чуть склонившись к правому плечу, скупую улыбку, выразительное движение бровью...

Или я схожу с ума, или это мой муж. Мой муж!

Сердце колотилось где-то в горле, во рту пересохло, а перед глазами мелькали противные обморочные мурашки. Меня так трясло, что я, похоже, прослушала все самое главное и немного очнулась только тогда, когда вдруг обнаружила, что орки отвлеклись от своего обсуждения и смотрят... на меня. Опять. Все. И муж... Лешка в том числе. Я уже почти... почти уверена, что это он!

– Эта женщина – гарантия моей безопасности на переговорах, – медленно проговорил орк... муж, обращаясь к сдержанно зашумевшему залу. – Я пойду на встречу с эльфийскими посланниками, и член высшего совета Хэльерэль будет вынужден сам обеспечивать мою безопасность. Потому что проведенный ритуал сделал его доступным для нашей магии через эту женщину. Без нее наше положение было бы слишком уязвимо, поскольку длинноухим верить нельзя, и риск того, что переговоры окажутся ловушкой, был бы слишком велик. Смерть единственного оставшегося Боевого Шамана орков слишком на руку первородным. Именно поэтому была проведена рискованная операция и в наше распоряжение...

Он продолжал говорить, для большей убедительности сжимая лежащую на столе руку в кулак каждый раз, когда делал паузу, словно ставя точку в предложении. А я, осмыслив уже сказанное, бессильно обмякла на своем месте.

Я не прошла через ритуал! Я никакая не гарантия! И эльф это прекрасно знает – знает, что никакой власти у орков над ним нет. Мой муж собирается напрямиком в смертельную ловушку...

Мне было очень страшно. И разрывало на части – я должна вернуться к детям, а значит, и к эльфу. Но... Лешка... орки... ловушка... сказать им? А меня оставят в живых? А успеет ли

вмешаться мой муж, точнее, поверит ли настолько быстро, чтобы успеть вмешаться, если разгневанные степняки решат уничтожить неудачную заложницу на месте? Он здесь командует, но насколько далеко простирается его власть?

Звенело в ушах, противная дрожь сотрясала тело, а у меня было всего несколько минут, чтобы принять решение – я видела, что на переговоры орки собрались идти не когда-то позже, а вот сейчас, из этого зала. И значит...

Как загипнотизированная, я встала со своего места и впила глазами в лицо мужа. Незнакомое, чужое, нечеловеческое и такое родное одновременно. Охраняющие меня воины заметно напряглись, да и не только они. Лешка, негромко обсуждающий что-то с пожилым седовласым орком, восседающим слева от него, тоже что-то почувствовал, нахмурился, потом обернулся и поймал мой взгляд.

Медленно, как во сне, я подняла сжатую в кулак правую руку к плечу, потом накрыла ее ладонью другой руки, немного неловко перебирая пальцами вниз, к локтю, попеременно выстраивая дорожку из знаков. Немых знаков языка спецназовцев нашего мира, который мы однажды, вскоре после рождения дочери, разбирали вместе, посмотрев какую-то передачу по телеку. Я любопытствовала и приставала, Лешка отмахивался, смеялся и объяснял...

“Опасность. Ловушка. Я тебя прикрываю. Срочное сообщение. Свои.”

Глава

21

Лешка... Лешка это Лешка. Только я, наверное, видела, как расширились его зрачки, как на секунду окаменели массивные плиты оливковых мышц. Но больше он ничем не показал своего потрясения. Отвел глаза, сделав вид, что внимательно вслушивается в негромкое обсуждение. Убрал со стола до белизны в костяшках стиснутый кулак.

– Я принял решение, – минут через пять мучительного обоюдного ожидания заявил он. – Эту женщину необходимо допросить. Вдруг удастся узнать еще что-то важное, из-за чего мы не сможем обменять ее на безопасность переговоров, или, возможно, нам и стоит сразу возвращать ее хозяину... – тут его голос на короткую миллисекунду сбился, словно он только осознал мое положение до конца.

– Ты наш Шаман, ты рискуешь, – согласился пожилой орк, судя по всему очень авторитетный среди местных. – Тебе решать. Можешь допросить ее сам, а можем позвать мудрых. Ее магия заперта, ее связь с хозяином закрыта, пока след от древнего камня не сотрется с ее тела окончательно. Она безопасна.

Судя по всему, согласны с этим утверждением были не все, я опять поймала несколько горящих ненавистью и подозрительностью взглядов. Особенно пылала возмущением та самая орка, что конвоировала меня в рабском караване. Но, похоже, решения Боевого Шамана здесь не обсуждалось.

И вот мы уже идем по утоптанной тропинке, прочь от Общего Дома. Лешка, не оглядываясь, вышагивает шагах в десяти впереди нас, а я в сопровождении стражей смиренно плетусь следом, стараясь не упасть в обморок. Ничего, мы сильные, мы сможем.

– Можете идти к своим очагам, – кивнул Лешка, когда мы, попетляв среди раскаленных на солнце каменных юрт, добрались до одной из самых дальних. – Я сохраню для рода ценную заложницу.

Мои стражи молча развернулись и пропали за ближайшим выпуклым боком соседнего дома. Орки вообще немногословный народ, как я погляжу.

Шагнув через порог, я дождалась, пока там, за спиной лязгнет что-то вроде засова, отрезая нас от чужого мира. Рвано выдохнула и обернулась.

– Наташа?

И все... я не выдержала и с тихим вскриком, почти стоном упала в руки мужа.

Когда тишина беспамятства рассеялась, я почувствовала, что меня очень бережно держат сильные теплые руки, и через секунду, еще не открывая глаз, я поняла – знакомые, родные!

– Лешка, Лешенька, – слезы градом хлынули из под плотно сжатых ресниц, я боялась, боялась открыть глаза, а вдруг это неправда, вдруг сон, вдруг...

– Не плачь, Кнопка, – чужой тембр уже не мешал мне слышать родные нотки в этом твердом и все равно чуть задыхающемся от эмоций голосе. – Ты же у меня сильная.

– Лешка-а-а! – Я распахнула глаза и, повиснув у мужа на шее, зарыдала в голос.

Он стиснул меня так крепко, словно нас могли разлучить вот сию секунду, вырвать меня у него из рук и унести неведомой силой в пустоту. Собственно, так уже однажды случилось... ведь это я знала и верила, что он жив. Я нашла детей. А Лешка... бедный мой, родной, любимый, такой сильный... как он выдержал все это время, как не сошел с ума от боли, от невыносимой потери?

Сама не поняла, в какой момент начала лихорадочно целовать его руки, лицо, короткими, словно испуганными касаниями, просто чтобы почувствовать, выразить, чтобы... а потом он перехватил меня так, что дыхание вон, и поймал мои губы своими.

Наверное, весь ужас наш, вся боль, неверие в то, что произошло, отчаянье и невозможная, лишаящая рассудка радость узнавания вылились в этот поцелуй. Как в первый и в последний раз, как никогда...

Я опомниться не успела, как Лешкины сильные руки подняли меня в воздух, и короткий полет сквозь поцелуй окончился на какой-то шкуре, брошенной на груды ковров. Мы оба как с ума сошли. Срывали друг с друга одежду, забыв обо всем, уже не видя ни чужой внешности, ни окружающего... ничего. Только он. Только я. Только мы вместе.

Я и думать забыла о том, что мой муж теперь не человек. Меня не волновало, что, возможно, из-за этого могут быть какие-то проблемы... но их и не было. Мы всегда идеально подходили друг другу, и даже в чужом мире, в чужих телах это не изменилось.

Фантастическим образом я по прежнему знала, что если поцеловать его в ямочку между плечом и шеей, лизнуть, чуть прикусить, Лешка с рыком откинет голову назад, а потом сорвется в каскад жадных ласк, целуя, покусывая, поглаживая меня всюду, где я позволю. А я позволю везде... и буду выгибаться в его руках, и пропускать сквозь пальцы жесткую гриву, совсем вроде бы не похожую на его прежний короткий ежик, но все равно, все равно... как будто так было всегда.

Мы были вместе более пятнадцати лет. Конечно, наша любовь за это время не стала меньше, но она изменилась, превратилась из бурного водопада в полноводную равнинную реку, спокойную, уютную, родную и необходимую, как воздух.

А сейчас нас снова бросило в теснину между горных отрогов, разбило о камни на мелкие брызги и снова слило в один поток, так

остро, так нежно, до боли, до обморока...

И когда он вошел в меня, я не сдержала вскрика, обхватила его бедрами за талию и двигалась навстречу не менее жадно, торопливо, насаживаясь до упора, чтобы слышать звук соприкосновения тел, чтобы ощущать как можно полнее. А он, подмяв меня под себя, одной рукой упирался в звериную шкуру, нависая надо мной, а второй лихорадочно ласкал мою грудь, именно там, именно так, как мне больше всего нравилось, до хриплого стога, до вскриков сквозь поцелуи.

Этот бешеный ритм нес нас как горный поток сквозь скалы и все быстрее, быстрее... а потом мы упали в пропасть. Вместе.

Глава

22

Мы лежали на ковре, тесно прижавшись друг к другу, и Лешка скупыми, легкими движениями гладил мое лицо, то обводя кончиками пальцев контур губ, то брови, то вообще вырисовывая одному ему ведомые узоры на коже. И смотрел, смотрел, словно не мог насмотреться.

Я просто растеклась в его руках и затихла, впитывая немудреную ласку, такую домашнюю и почти забытую и знакомую до мурашек. Блаженствовала без единой мысли в голове, пока вдруг не увидела, как его глаза, скользнувшие по моему телу вниз, к животу, наливаются горечью.

Если бы я знала своего мужа хоть самую капельку хуже, я и не заметила бы, как на секунду он крепко зажмурился, как сжались, словно от сильной боли, губы, натянулась кожа на скулах. Уже через мгновение он снова улыбался мне, такой своей, такой Лешкиной улыбкой...

Но я словно мысли его прочла. Он подумал о детях и тут же изо всех сил постарался сделать так, чтобы я этого не уловила. Он до дрожи боялся сделать мне больно, напомнить, разбередить еще свежую рану. А сам в это время прикидывал, с какого места он начнет переворачивать мир с ног на голову, чтобы найти... отыскать, спасти, вырвать зубами у любой опасности.

Господи... дети... Лешенька... бедные мои!

Сердце болезненно сжалось и застучало тяжело, гулко, неровно. Восхитительный дурман встречи схлынул, и я вспомнила, что мне еще

предстоит сказать мужу. И точно так же как он просто зашла от нестерпимого желания утешить, закрыть от боли. Мужчины... они такие сильные, но такие хрупкие на самом деле... как ему сказать, что дети живы, но остались там, в руках эльфа, и я даже не знаю... не знаю, что с ними случилось дальше! Я боюсь об этом даже думать!

Так, спокойно. Спокойно, Наташа, самое главное – они живы. Я в это верю, как ни во что другое. И я знаю, где они, я знаю, что их можно освободить. И он должен узнать об этом как можно скорее, как и о том, что я совсем не та ценная заложница, на которую рассчитывают орки и на встречу с эльфами ехать нельзя!

– Леш... – голос предательски сорвался, а слезы опять потекли сами собой.

И вскрикнула от неожиданности, потому что входная дверь затряслась и загрохотала, словно в нее ломились тараном.

– Лош"ехх, открой! – рявкнул тот, кто не прекращал попытки снести дверь с петель. – Срочное сообщение! Прибыл магический курьер от ушастых!

Лешка дернулся и сжал меня так, словно эльфийский гонец сию секунду ворвется в дом и вырвет из его рук едва найденную жену.

– Пошли его в пень, Шош"ехх, – спокойно так сказал муж, а я, вглядываясь в его лицо, ощутила, как сжимается сердце. – Обстоятельства изменились.

– Лош"ехх! – рявкнули за дверью. – Духи унесли твой разум! Открывай! Ушан согласен на любые условия, только бы мы вернули его шлюху!

А вот теперь мне пришлось виснуть на муже, потому что он с рыком рванул к двери, и я точно знала – таинственному стучальцу лучше бы срочно убираться подальше. Спокойный и рассудительный Лешка терял рассудок, если кто-то даже намеком пытался оскорбить его любимую женщину.

Муж еще пару раз дернулся, глянул в мое перепуганное лицо и выдохнул. Успокоился, усадил меня на шкуру, тщательно укутал в какое-то мягкое, теплое покрывало и обычным своим голосом, но все так же через дверь выдал указание:

– В переговоры без моего приказа не вступать. Тяните время. Нам есть чем прижать ушастых и без торговли женщинами. Выполнять! – и

это все таким тоном, что за дверью раздался торопливый удаляющийся топот.

А потом мне, вполголоса:

– Не бойся, Кнопка, больше ты туда не вернешься. Я никому не позволю...

– Леш... – перебила я, задохнулась слезами и закусила губу. Сглотнула и решительно посмотрела мужу в глаза:

– Я должна вернуться. Должна, потому что... – он не дал мне договорить. Лешкины скулы затвердели, лицо стало каменным, даже побледнело слегка. Он вдохнул, выдохнул...

– Пока на тебе печать духов, клятва бессильна. Он тебя не достанет. Не бойся, я...

– Леш... я не давала никакой клятвы. Не успела. Орки ворвались раньше, чем он...

Словно натянутая струна лопнула. Муж выдохнул, расслабился, даже улыбнулся:

– Это же прекрасно, кнопка! Это же...

– Леша! Да послушай же! У него остались Катя и Никитка! – я не выдержала и зарыдала, бросившись на грудь мужу, и потому почти не видела, как снова, который раз за этот длинный день застывает от потрясения его лицо.

Не знаю, сколько мы стояли посреди этой юрты обнявшись. Было одновременно так больно, и так яростно-сладко просто прижаться к нему, ощутить его каждой клеточкой тела, и просто реветь, как девчонка, как последняя клюкса, зная, что он будет и дальше обнимать, шептать что-то утешительное, вытирать мне слезы...

– Не реви, дурочка. Все хорошо. Главное, мы все живы, слышишь? Это самое-самое главное. Теперь все будет хорошо. Теперь мы их вернем, теперь... обоих вернем!

– Четверых... то есть больше даже, – невольно улыбнулась сквозь слезы я. Не знаю, почему, но вдруг всей душой поверилось в его слова. В конце концов, Лешка никогда в жизни меня не подводил!

– В смысле? – удивился муж.

– Найда тоже здесь, и вышла замуж. За восьмерых мохнатых крокодилов, каждый ростом с коня.

– Нормально, прокормим, – тут же заверил муж.

– А еще Катерина...

– Тоже замуж вышла? – ох, он даже не знает, насколько его шутка попала в цель!

– Ага... и даже ребенка успела завести, – я слегка втянула голову в плечи и приготовилась.

– Что-о-о?! – взревел воинственный орк, резко сжимая меня в объятьях от полноты чувств. Но я только пискнула и он мгновенно отпустил меня, а сам заметался по комнате, хватая впопыхах разбросанную по полу одежду.

– Едем! Сейчас же! Мудрые откроют проход! Я убью эту гниду, если он хоть пальцем еще прикоснется... Я его сразу убью! Не дожидаясь!

Глава

23

– Стой! Лешка, да стой ты! – я невольно рассмеялась сквозь слезы. – Да куда ж ты обеими ногами в одну штанину... о господи... Леш... как же я тебя люблю...

Муж торопливо натянул штаны и снова сгреб меня в охапку.

– Ох, Кнопка... ты даже не представляешь, что я сейчас чувствую... я ведь думал, что вы... все... так. Отставить кисели и сопли. У нас мало времени. Садись, – он сам решительно уселся на ворох ковров и усадил меня себе на колени, обнимая, поглаживая то по спине, то по едва отросшим волосам, изредка скупно и нежно касаясь губами виска.

Все эти месяцы выживания и борьбы уместились в полчаса рассказа. Я старалась быть краткой, излагать мысли последовательно, четко и без эмоций. Я все же не зря жена военного...

Но когда я приступила к тому самому, последнему дню в эльфийском поместье, Лешка внезапно напрягся.

– Где вы были до нападения? Можешь нарисовать план поместья? И дети остались там, когда этот... будущий мертвец увел тебя в башню?

У меня внутри все скрутилось в тугий узел от тревоги, но я изо всех сил постаралась взять себя в руки, собраться и зарисовать все, что

ПОМНЮ.

– Леш... в чем дело? – спросила я самым спокойным голосом, на который была способна.

– Все нормально, Натуль, не бери в голову.

– Ле-ша.

– Все нормально. Просто поверь. А план поместья нам пригодится, когда мы пойдем и вытащим детей оттуда.

Я бы даже и поверила. Видела, как заметно муж расслабился, когда я обозначила стороны света и зарисовала место, где в поместье располагался собачий загон. Значит, он посчитал, что та неизвестная опасность оказалась преувеличена. Или запланировал сначала собрать больше информации. И только потом делать выводы. Но заноза в сердце так и не растаяла до конца.

Насчет того, что времени у нас мало, Лешка оказался прав. Только-только закончили с планом поместья, как в дверь снова постучали.

– Лош’ех, открой, пожалуйста, – судя по голосу, это был тот самый пожилой орк, с которым мой муж так уважительно разговаривал в совете. – У меня важные новости и серьезный разговор.

Леша вздохнул, крепко поцеловал меня и ответил:

– Подожди две минуты, старый. Сейчас открою, – а сам стал собирать с пола теперь уже мою одежду.

Так что мне хотя бы не пришлось встречать свою дальнейшую судьбу в покрывале на голое тело. Седой, морщинистый, но все еще не по-стариковски мощный орк пригнулся, входя в дом, и первое, что он сделал – поклонился мне. Коротко, но уважительно.

Я поклонилась в ответ, тем временем стараясь осмыслить, что это вот сейчас было. Лешка пронаблюдал эту пантомиму, чему-то своему усмехнулся, и, глядя старику в глаза, притянул меня к себе за талию таким выразительным, собственническим жестом, что сомнений в его намерениях не осталось никаких.

– Ты нашел подругу своей души, Лош, я понял это еще там, в доме мудрых. Твоя боль ушла, а потери, похоже, возмещены сторицей, – когда этот страшноватый и диковатый на первый взгляд орк улыбался, морщинки у его глаз складывались в такой выразительный узор лукавого добродушия, что я просто не могла не улыбнуться в ответ. Глянула на мужа снизу вверх – точно, он тоже.

Правда, уже через секунду улыбка гостя померкла, он вздохнул, покачал головой и произнес:

– Мне жаль рушить твоё счастье, ученик. Но для того, чтобы уберечь свою Небесную Радость, придется решить очень много проблем. Эльфийский совет требует эту женщину, предлагая за нее любую цену и любые уступки. И угрожает войной на уничтожение, если мы не вернем ее.

Лешка заледенел. Вот в самом буквальном смысле этого слова – я в шоке смотрела, как от его рук, сжимающих край ковра, по бордовому шерстяному ворсу побежали ручейки искрящегося инея. Мама дорогая, теперь у меня и муж с магическими силами! Одна я осталась недоделанная... и слава богу, если честно. Только магии мне не хватало для полного счастья. От нее одни неприятности.

– Нет, – спокойно и четко сказал ледяной орк, в которого вдруг превратился мой любимый. – Я скорее уничтожу весь этот эльфийский совет.

– Лош... – попытался возразить старик, но в ответ раздался только тихий рык ярости и ледяная корка сковала пол, покрыла стены. Елки-сосенки!

– Леш, успокойся! – я, даже не задумавшись, что делаю, схватила мужа за руку, за плечи, встряхнула, прижалась к нему, такому холодному, отчаянно стараясь растопить эту внезапную зиму. – Мы что-нибудь придумаем! Обязательно! Сейчас надо помнить о детях! – уф, кажется, потеплел...и чуть-чуть расслабился, обнял меня одной рукой. А я отчаянно продолжала: – Может, это и хорошо, что я снова попаду в поместье! Вытащил же ты меня оттуда один раз, вытащишь снова! – я сама в этот момент свято верила в свои слова. – Зато я смогу позаботиться о детях, и мы опять будем вместе!

– Кнопка...

– Не говори ничего сразу, все надо как следует обдумать и взвесить, – перебила я, зная своего мужа, как облупленного. Рано или поздно (причем скорее рано) разум у него всегда берет верх над чувствами. И он меня отпустит... господи, мне заранее дурно от мысли, чего это ему будет стоить.

Я оказалась права. Всего полтора часа уговоров, доводов, даже наметок по плану, при участии старого орка, и ледяная корка со стен дома стаяла. На полу, правда, осталась. Но не все же сразу!

– В конце концов, ты натаскал свой отряд так, что ни один воин этого мира не сравнится с ними в коварстве, хитрости и силе. А призвать нового рогача не так уж невозможно, – привел последний аргумент старый орк. – Один раз мы с помощью вызванного демона уже разнесли все это эльфийское поместье по камешку, когда похищали твою женщину, и второй раз раскатаем, если надо будет.

– Какое вы поместье... раскатали? – у меня мгновенно пересохло во рту, а ледяной пол под ногами покачнулся. – Какого демона? Лешка!

По тому, как метнулся мужнин взгляд, и как он посмотрел на проболтавшегося старика, я поняла, что дело плохо.

– Алексей! – да, я хорошая жена, верная подруга, понимающая, вдохновляющая, поддерживающая мужа во всем и всегда. Но это не значит, что я не могу его убить, если он сейчас же не объяснит мне, что произошло! С домом! В котором остались наши дети!

Глава

24

– Кнопка, не паникуй! – муж твердо и прямо посмотрел мне в глаза. – Вспомни, ты сама сказала, что дети были на псарне, а мы атаковали с другой стороны. И среди сражающихся были только взрослые эльфы, мы не видели ни детей, ни женщин, ни... э... змеелюдов. О том, что в поместье появились Шархи, мне доложили заранее и мы специально зашли со стороны, противоположной загому, чтобы случайно не освободить этих тварей. Мы же были уверены, что это эльфийские псы, понимаешь? Сумасшедших, чтобы навлекать на себя стаю этих монстров, среди нас не было. Значит, дети остались невредимы.

Я медленно, медленно выдохнула и разжала судорожно стиснутые кулаки. Сосчитала про себя до десяти и обратно – не от злости, а просто чтобы не скатиться в истерику. И так же медленно кивнула мужу, соглашаясь с его аргументами. Я буду в них верить. Буду.

– Настоящая орка, – одобрительно сказал забытый нами старик и усмехнулся, глядя на меня. – Еще немного, и разнесла бы нам становище не хуже того демона. Огонь-баба. И слова разумные понимает, мужчину своего может выслушать. Хорошая у тебя Душа, Лош, правильная.

Я покосилась на седого орка, потом немного растерянно переступила с ноги на ногу по горячему влажному полу, от которого

поднимался... пар?! А лед куда делся? То есть понятно, что растаял и продолжает испаряться, но с чего вдруг? А, ну его... махнула рукой на непонятное явление и бросилась к мужу в объятия. Я могу быть сильной, я могу быть какой угодно. Но пусть я еще немножко побуду просто его маленькой Кнопкой...

Как жаль, что в этой жизни не бывает простых решений и обстоятельств. Вот и нам с мужем, а так же с его наставником-заместителем пришлось учитывать множество нюансов. Как и когда меня вернуть. Что при этом говорить. Что сказать мне... о чем умолчать.

– Клеймо духов держит твою силу, Ната-еш, но оно не вечно. Тем из магов, кого брали в плен племена свободных, клеймо регулярно обновляли, – объяснял мне старик, пока я сидела у мужа на коленях и тихонько перебирала его волосы. Не хотелось терять даже секунды из того времени, что нам еще остались...

– Это больно для тела, а для привыкших владеть силой вообще нет наказания страшнее.

– Да нету у меня никакой силы, – устало вздохнула я, а мужнины руки обняли меня еще крепче. – Никакая я не магичка. Эта... зараза умерла во время того ритуала, который и перенес нас всех сюда. А я просто женщина. Просто человек.

– А сила гнева нашего ледяного шамана растаяла сама собой, – ехидно оскалился старик. – Нет, женщина, гнилая душа злобной бабы не унесла с собой магию в чертоги темных, она оставила ее тебе. Просто ты не умеешь ее чувствовать и пользоваться. Но со временем научишься. Когда клеймо духов исчезнет с твоего тела.

– Эм... а нельзя его перед отъездом к эльфу еще раз поставить? – с надеждой спросила я. – Леш? Я же как та обезьяна с гранатой! Ну ты же сам говорил, что оружие в неумелых руках опаснее для его носителя, чем для врагов!

– Да ты рехнулась, женщина! – первым возмутился старик и даже косами своими седыми сердито взмахнул. – Ты забыла, чего тебе стоил этот ритуал?!

– Забудешь тут, – вздохнула я, и поторопилась добавить, пока Лешка, уже напрягшийся и готовый к отпору, не зарубил идею на корню. – Я вот что подумала... ведь это клеймо должно было

перерезать мою связь с эльфом, даже если бы я дала ему клятву, верно? Так может, оно не даст мне ее принести... пока не рассосется?

Муж все равно напрягся еще больше. Одна мысль о том, что ушастый рабовладелец может потребовать с меня эту клятву доводила его до белого каления, и мне пришлось быть твердой. Я должна вернуться – там остались наши дети. Да, это риск... но раз есть возможность потом заблокировать клятву – значит, я иду и никто меня не удержит. Даже мой самый любимый... даже собственное сердце, которое болит так, что я задыхаюсь.

– В твоих словах есть здоровое зерно, Ната-еш, – между тем задумчиво согласился старый орк. – Лош, скрытая печать не даст клятве поработить суть твоей женщины. А если клеймо обновить, но спрятать, словно старое почти стерлось, то даже принесенную клятву можно будет разорвать! Мы должны устроить настоящее представление, сделать так, чтоб ушан видел: женщина счастлива вернуться к нему из лап страшных дикарей, которые ее украли и мучили. Если эльф ей поверит, он не станет требовать клятву сразу. Даст ей время, хорошую еду и покой, чтобы не сжечь случайно магию в ее теле. А значит, он даст время и нам тоже! Мы сумеем все подготовить и забрать не только твою Ната-еш, но и ваших детей.

– Дважды использовать одну и ту же уловку опасно, – Лешка сосредоточенно хмурил брови и говорил сквозь сжатые зубы. Мне не надо было даже смотреть ему в лицо, чтобы об этом догадаться. Он уже все решил, но как же ему тяжело... тяжелее, чем мне.

Ох, как я его сейчас понимаю... сама не раз и не два провожала мужа туда, откуда он мог не вернуться. Страшнее этого нет почти ничего. Уходить в опасность самому легче, ой как легче! Отпускать туда любимого... тем более любимую – женщину, ту, что по глубокому мужскому убеждению вообще не должна даже знать о том, что в мире существует зло и боль...

Наивные мужики. Они верят, что могут защитить нас от всего на свете, если очень постараются. А мы, женщины... ну а что мы. Мы привыкли быть сильными там, где надо гнуться, а не ломаться.

– Значит, придумаем новую, – в моем голосе уверенности было за двоих. – С твоим опытом и знаниями другого мира у эльфа просто нет шансов!

Глава

– Эльфийский посланник придет за ответом завтра на рассвете, – тяжело вздохнул старик. – У вас есть еще немного времени, чтобы побыть вдвоем. Но сначала надо решить, что мы скажем свободному народу. Воины спокойно ждут твоего слова Лош. Но решение взять пленницу в свой дом удивило и мудрых старух, и молодых претенденток. Женщины, которые чего-то не понимают про мужчин становятся упорными и бесстрашными, как дикие кошки, почуявшие кровавый след. Они пойдут по нему до конца, чтобы разузнать то, что их не касается.

– Претенденток? – тренированное женское ухо повело себя в лучших традициях диких кошек – я услышала именно то, что, судя по легкому смущению, мой мужчина предпочел бы не обсуждать.

Лешка поерзал, поправил на моих плечах покрывало, вздохнул. А мне отчего-то стало смешно... ну я-то мужа своего знаю, как облупленного! Я верю ему настолько, что спросила именно и исключительно из любопытства. Какие там претендентки, после того, как мой бравый полковник очнулся в новом мире и осознал, что нас нет рядом... да он пахал, как три лошади сразу, загонял себя насмерть, не давал себе ни малейшей слабину, брал те обстоятельства, что есть и выворачивал наизнанку. И вряд ли даже смотрел в сторону “претенденток”, что бы они там себе не воображали. А теперь, когда он знает, что мы живы... не-а, мне не жалко этих совершенно посторонних теток. Это мой муж, а себе они пусть сами ищут.

Но на мужа я для профилактики сначала грозно нахмурилась, а потом не выдержала, засмеялась и поцеловала. Лешка-Лешенька...

– Ты у меня самая лучшая, Кнопка! – он потерял лицом о короткий ежик, который остался от когда-то роскошных волос и покрепче прижал меня к себе. – Норш-ех, скажи мудрым старухам, что воины ошиблись и украли не ту женщину. И что я не возьму на свое ложе ни одну из дочерей свободного народа, потому что нашел свою Душу.

– Не торопись, Лош. Я понимаю, что тебе хочется быстрее вернуть семью, даже в мыслях. Но ведь нам надо обмануть ушастых. На женский роток не накинуть платок. Разговоры пойдут. К чему рисковать? Твоя Душа умная женщина, она потерпит и подождет, верно? – хитрая старикивская морда перевел взгляд на меня.

– Да плюнь ты, Леш, глупости это все. Я тебе верю больше, чем себе, – поддержала я. – Мы будем вместе, тогда и разберемся с твоими претендентками. Меня сейчас больше волнует, что я скажу “господину” – на этом слове меня заметно перекосило. – Этот гад как-то умудряется распознавать ложь.

– Ты просто врать не умеешь, Кнопка, – вздохнул снова нахмурившийся муж. – Тебя любой эльф прочитает. Поэтому отрететируем легенду так, чтобы не просто от зубов отскакивало, но и от мозгов!

– Сначала эту легенду надо придумать, – вмешался Норш-ех. – Ты, шаман, так обрадовался своей Душе, что ваше единение только глухой не слышал.

– Эльфов тут не было, – я слегка покраснела и спряталась у мужа на груди. Ох... ну есть такая буква в моем слове. Я никогда не умела любить молча и тихо, муж даже шутил, что ему скоро придется покупать не только... кхм, средства предохранения, но и кляп. Иначе соседи сбегутся, то ли кошку спасать, то ли советы давать.

– Эльфов не было, а любопытные уши нашлись, – ехидно усмехнулся старик. – Ох, молодежь-молодежь... Скажите спасибо старому Норшу, который теперь пойдет в дом старух, будет есть нишпаш, пить кобылье молоко и делать загадочный вид. Когда старухи принесут мне десятилетний мед, чтобы развязать им мой язык, я поведаю им, что наш шаман провел особый ритуал и обезвредил остатки эльфийской магии в этой женщине. А потом выпытал все, что она знала. И она не смогла скрыть от него важных секретов длинноухих. Только ты, Леш, если снова будешь обезвреживать эту женщину, положи ей на лицо подушку. А лучше две. Не хочу, чтобы свободный народ решил, что тебе понравилось пытаться воинскую добычу, а меня назвали лжецом!

Глава 26

Старик ушел, а мы с Лешкой переглянулись... так и хотелось сказать – а, гори оно все синим пламенем! До завтрашнего рассвета времени так много и так мало. Легенду разработать мы успеем, а вот надыхаться друг другом...

Но, как ответственные, взрослые мужчина и женщина, мы все же попытались. Собственно, легенда уже была – страшные дикие орки, жуткие пытки и... не совсем же мой ушастый господин дурак,

чтобы не понять – его строптивая собственность досталась кому-то другому раньше него. И этот момент надо было как следует залегендировать. О том, что я нашла мужа ушастый не должен узнать ни в коем случае.

Была когда-то дома у нас с мужем такая пикантная игра для двоих. Со связанной пленницей и диким разбойником. Ну а что, обоим нравилось, и добавляло остроты, как только мы приноровились и перестали дружно ржать при попытке изобразить театр одной кровати.

Вот и пригодилось... Лешка, очень недовольный и сдержанно порывающийся, объяснил, что ушан сможет “подглядеть” в моей голове самый яркий образ с помощью какого-то то ли артефакта, то ли врожденного эльфийского мозгоедства. Вот и надо ему этот образ организовать.

Муж, как всегда, подошел к делу со всей серьезностью. Для начала он уложил меня на шкуры, укрыл и велел спать хотя бы два часа. И напоил какой-то травой, от которой я почти мгновенно отрубилась. Времени, которое можно было бы провести вдвоем, было жалко до слез, но, когда дело касалось моего здоровья, Лешка был неумолим. Женщина – существо повышенной хрупкости, ей надо обеспечить тепло, светло, и прогнать нафиг всех мух. И обязательно давать выспаться – тут у Лешки вообще пунктик, после того, как прочел в какой-то статье, что женщинам физиологически надо больше спать, иначе они болеют, стареют и становятся стервами. Он даже к детям ночью всегда вставал сам, когда был дома, а не в командировке...

Ровно через два часа – хотя я и не встречала в этом мире ничего даже отдаленно напоминавшего циферблат часов, я не сомневалась, что суперорганизованный полковник выполняет план с точностью до секунды – меня разбудили, усадили за низенький столик, поставили передо мной тарелку с кашей, мясом, какими-то фруктами...

Короче, к созданию эпической ленты “Страшный орк и беззащитная пленница” мы перешли только тогда, когда небо в решетчатом потолочном отверстии посинело и проклюнулось первыми звездами.

Страшный орк получился очень правдоподобный! Специально снова вышел за дверь, унося остатки обеда-ужина, а потом ворвался

обратно уже “в образе”, похлопывая себя по раскрытой ладони свернутой веревкой.

– Раздевайся, женщина! – нет, он не корчил рож, не рычал нарочито грозным голосом и вообще не играл в опереточного злодея. Но у меня все равно мурашки по спине побежали от его холодного, просто ледяного и властного тона.

Как загипнотизированная, я стала стягивать с себя неловкими руками все те же драные тряпки, в которые превратилась моя одежда. А он все нависал надо мной. И все похлопывал веревкой по ладони, мерно, неторопливо...

Контраст между моим нежным, любящим и заботливым мужем и вот этим властным, не терпящим ни малейшего возражения, уверенном в своем праве хищником был таким острым, что мне натурально башню снесло. Я даже не поняла толком, как и в какой момент оказалась растянута на импровизированном ложе навзничь, с раскинутыми руками и ногами, привязанными к вбитым в земляной пол креплениям.

Каменные плиты мышц под оливковой кожей переливались с угрожающей, звериной грацией, когда мужчина выступил из полутьмы в свет факела. С невозмутимым спокойствием хозяина положения он обходил мое импровизированное ложе по кругу, и все, что я могла – это следить за ним глазами. Вот он зашел за изголовье... жесткая кожаная подушка не позволила мне запрокинуть голову, я потеряла его из виду, и почему-то именно это сейчас казалось мне самым тревожным.

В круглом доме было тепло, но не жарко, причудливое течение воздуха, направляемое горящим очагом, факелами и неожиданно искусной системой проветривания трогало обнаженную кожу, словно гладило. Это особенно остро ощущалось там, куда такие касания обычно не проникают, остановленные слоем одежды. И эти ощущения только острее заставляли чувствовать свою полную незащитность.

Я негромко вскрикнула, когда мужские руки вдруг сжали мою грудь. Загрубевшие от меча ладони властно, бесцеремонно и уверенно погладили, задевая соски, потом сомкнулись чашами, словно оценивая размер и наполненность.

– Замолчи! – резко приказал орк в ответ на мой невольный стон. – Я не разрешал тебе издавать звуки, женщина. Ты будешь делать только

то, что я скажу, поняла? Кивни, если усвоила.

Я закусила губу почти до крови и вжалась в кровать, чувствуя, как его руки не просто ласкают, но исследуют мое тело – каждую мышцу, каждый изгиб, находя самые чувствительные точки даже против моей воли. Новое, молодое тело преподнесло мне несколько сюрпризов – оно оказалось отзывчивее к грубоватым ласкам на грани боли. Я не привыкла, чтобы со мной... так... обращались! Гремучая смесь возбуждения и протеста снова вырвалась стоном, то ли отчаяния, то ли наслаждения.

– Что же, по хорошему ты не понимаешь, – свернутая полоска мягкой кожи неожиданно оказалась у самых моих губ. – Открой рот, возьми ее и сожми зубами. Живо! Сделай это сама, иначе я воспользуюсь другим способом, – перед моими глазами возник самый настоящий кляп с ремешками, позволяющими намертво зафиксировать его вокруг головы. Бррр, гадость какая! Нет, ни за что! Лучше я сама

Меня одобрительно похлопали по щеке, как послушную кобылу или собаку. Стало обидно, и я резко отвернулась, чем вызвала пренебрежительно-довольный мужской смешок.

– Строптивая... это хорошо.

Теплый воздух резко всколыхнулся, когда большое тело бесшумно вымахнуло из полумрака, перекатившись четкими линиями мышц, навалилось сверху почти непосильной тяжестью, вжало в грудь ковров, потерлось о меня, как большой хищный кот, не обращая внимания на тихий протест, заглушенный кожаным ремнем.

– Мягкая... нежная... домашняя девочка... такая беззащитная, такая соблазнительно слабая... – сильные руки подхватили меня под спину, заставляя выгибаться навстречу, и снова сдерживать стон.

Он вошел резко, без предупреждения, и только широкая ладонь поверх кляпа не позволила мне закричать. То, что происходило нельзя было назвать “они занимались любовью”, даже “они занимались сексом” не подходило, потому что только он брал, покорял, двигался, вбивался, жадно прижимал к себе... а я не могла даже пошевелиться, распятая под ним. И самое странное, что эта абсолютная беспомощность захлестывала тело такими волнами дикого возбуждения, что я давно потеряла свой “кляп” и кричала в голос, заглушаемая только его жесткими, безжалостными поцелуями.

Сухие, обветренные губы скользили по шее, к груди, обжигали соски, сменяя свою требовательность на влажную нежность языка, и вдруг исчезли, оставив после себя острое чувство потери. Сильные руки снова подхватили меня под спину, орк резко взрыкнул и задвигался во мне быстрее, быстрее... болезненно-сладкое наслаждение внизу живота вибрировало в такт его движениям, как перетянутая струна, с каждой секундой наращивая темп, пока не оборвалось с оглушающим звоном, утонувшем в нашем общем вскрике.

Когда через несколько бесконечно длинных минут придавившая меня тяжесть исчезла, а в глазах чуть прояснилось, я увидела, как поднявшийся с ложа орк спокойно одевается, и, не оборачиваясь, идет к двери.

– Мудрые старухи придут и приготовят тебя для твоего старого хозяина, – сказал он холодным, равнодушным голосом. – А сейчас можешь отдохнуть.

Дверь чуть слышно скрипнула, а я отвернулась и едва слышно всхлипнула. Слезы потекли сами собой, горячие, горькие и почти не приносящие облегчения. Да, я знаю... так надо... так надо. Я выдержу... я смогу.

Глава

27

Я так и не заснула, лежала, смотрела, как в решетчатом отверстии над потолком черная бархатная ночь медленно выцветает в рассвет. Вместе с утренней серостью пришла и знакомая старая орка, несущая в руках знакомые до озноба приспособления для клейма духов.

Вторая печать... сейчас мне поставят вторую печать. Меня начала бить мелкая дрожь – ощущения те еще, знаете ли. Но так надо. Так запланировано. Клеймо поставят на внутреннюю поверхность правого бедра, и сделают невидимым, в отличие от того, что уже полустерлась у меня на груди. Это моя защита от полного порабощения клятвой, моя надежда на то, что я вернусь к любимому... поэтому я вытерплю любую боль. Сожму в зубах тот самый кусок свернутой кожи и...

Когда все кончилось, я впала в какое-то странное оцепенение, и почти равнодушно следила за тем, как пожилая женщина, что-то бормоча себе под нос, греет воду в котле над очагом, хлопочет вокруг меня, обмывает, как маленькую и почему-то только после этого

отвязывает. Тело затекло и не хотело слушаться, поэтому я с благодарностью приняла помощь, и даже слабо улыбнулась, когда та, ворча что-то о тупых мужланах и дурацкой тайнах, стала растирать мне руки.

– Ничего, ты сильная, – сказала она, поднося к моим губам чашку с какой-то густой перетертой похлебкой. – Справишься... справишься. Нам, женщинам, всегда приходится изживать невзгоды и за себя и за своего мужчину. Особенно, если мужчина того стоит.

Я только слабо кивнула, не было сил даже удивиться странной осведомленности орки, да и нельзя сейчас было на этом концентрироваться, лучше вообще не думать... что мне удалось, кстати.

Похоже, в похлебку было добавлено не только протертое мясо, но и что-то влияющее на сознание. Мир вокруг стал зыбким, подернулся легкой перламутровой дымкой, и недавние события вдруг стали казаться то ли сном, то ли рассказанной кем-то сказкой. И мне было при этом как-то... все равно.

Вот в таком сумеречном состоянии я позволила натянуть на себя все те же, уже основательно разломаченные тряпки, в которых меня привезли в орочье становище, и потихоньку, не сопротивляясь, пошла за сопровождающей меня старухой на улицу.

Остро-свежий степной рассвет ударил по всем чувствам так, что на мгновение в голове прояснилось. Я поневоле выпрямилась и засмотрелась на четкий зубчатый рисунок горизонта, китайской тушью прорисованный на бледно-розовом небе. Мы медленно шли через просыпающееся стойбище, мимо каменных юрт, мимо лениво потягивающихся собак возле коновязей, мимо первых утренних хлопот, которых всегда хватает в любом хозяйстве. Любопытные, презрительные, ненавидящие, сочувствующие, равнодушные взгляды соскальзывали с меня, почти не оставляя следа ни в сознании, ни в памяти. Одного единственного, самого нужного и самого невозможного сейчас взгляда я так и не почувствовала... знала, что нельзя, запрещала себе даже мысли и шла дальше. Туда, к светлеющему сквозь рассвет куполу общинного дома, где меня уже должен был ждать эльф...

Однако, мы свернули в сторону задолго до того, как дошли до нужного здания. Я только теперь обратила внимание, что под руку

меня поддерживает все та же старуха, а вот следом уже топает чуть ли не целый отряд воинов в полном облачении. Почетный караул, что ли? Охрана? А зачем их так много? Впрочем, понятно, с чего те, кто кидал на меня особенно недовольные взгляды, ими и ограничились. Ближе подойти мешали решительно выдвинутые челюсти воинов и их обнаженные... хм... сабли? Мечи? Какая, впрочем, разница. Того единственного орка, которого я хотела бы видеть, среди них не было.

Наша процессия миновала крайние, самые маленькие юрты и мне под ноги как-то неожиданно расстелили строгий, местами до аскетизма, но потрясающий своим размахом ковер предзимья в степи. Черно-белая гамма, с редкими вкраплениями сепии. И огромный круг, выложенный камнями, прямо посреди этого великолепия.

Ледяной восточный ветер дунул в лицо, заставляя глаза слезиться, и кое-как накинутые на плечи тряпки не особенно защищали от холода. Хорошо еще, что старая орка притащила мне вместо развалившихся еще в рабском караване сапог какие-то войлочные чуни, модели “прощай молодость”. На их красоту мне было плевать, а вот тепло очень пригодилось.

Я поморщилась и попыталась отвернуться от холода, дышавшего в лицо, но все равно успела разглядеть, что местный импровизированный стоунхендж уже под завязку заполнен главными действующими лицами.

Орки, эльфы... люди. Посредники, что ли? Целая делегация. И меня неумолимо, подталкивая в спину и в то же время поддерживая под руки, повлекли к этому странному сооружению.

Я даже не слышала, о чем они там переговаривались и на чем договорились. Судя по каменным ромам охраны и пламенным взглядам с ушастью стороны, с большим удовольствием толпа мужиков устроила бы сейчас грандиозное побоище. Но нет...

Я знала, что смотреть нельзя, иначе могу выдать себя. И старательно отворачивалась, отводила глаза от того места, где на возвышении, друг напротив друга стояли военный оркский шаман и прибывший на переговоры эльфийский представитель. Но тут и одного взгляда мельком хватило...

Похоже, больше всего о битве мечтали именно эти двое. И если чувства мужа были мне понятны до доньшка, хотя я и загнала это понимание как можно глубже на самое дно души, то эльф...

Самое досадное, что я опять забыла, как зовут моего ушастого господина... Никак этот птичий набор звуков не хотел укладываться у меня в голове. Еще там, в поместье, я себе даже на бумажку записала, а тут упс... бумажки не было. Представляю, как разозлится его эльфийскость, если вдруг узнает, что я даже не смогла запомнить его имя! А ведь еще несколько минут и он меня заберет.

Боже, какие глупости лезут в голову, когда пытаешься не думать о самом главном...

Я так старательно не думала и не смотрела, что все пропустила и обнаружила это, когда меня внезапно подхватили на руки, стиснули, прижали...

Невозмутимо-холодное до мраморности эльфийское лицо склонилось ко мне, внимательные глаза буквально просветили меня рентгеном, а в следующую секунду степь вокруг нас пошла волнами, рассыпалась на кусочки, как пазл и сменилась осенним лесом.

За плечом несущего меня эльфа мелькнула знакомая ограда поместья и сердце забилося одновременно от радости и тревоги – дети! Я сейчас увижу детей, ведь правда?! Чертовы слезы, они-то откуда взялись?!

– Потерпи, маленькая птичка, – вдруг прошептали мне почти на ухо. – Ландаризель эшширолес михеле... шир... шиир... все плохое закончилось...

Мои удивленно распахнувшиеся глаза встретились с эльфийскими и я потрясенно выдохнула, разглядев в них боль, горечь, и... вину? Вину?!

– Прости, маленькая птичка... прости. Я больше никому не позволю тебя обидеть, моя михеле... не плачь.

Глава

28

Я настолько растерялась от такого поворота, что онемела, и это еще мягко сказано. Буквально оцепенела, не шевелилась и даже, кажется, не моргала, пока эльф почти бегом нес меня через двор, мимо еще полуразрушенных и заново построенных служб, через пустой холл, вверх по лестнице... тут я напряглась. Неужели опять в эту чертову башню с пентаграммами и сексодромом?

Но нет, мужчина свернул в какой-то незнакомый коридор и быстро спустился по длинной мраморной лестнице куда-то в полуподвальное

помещение.

Это оказалась шикарная купальня, отделанная в очень эльфийском духе: всюду растительные мотивы – росписи на потолке, резьба по камню, узоры на коврах и покрывалах... даже полотенца и то с какими-то вышитыми выюнками.

Все это я успевала отмечать только краем глаза, потому что этот ненормальный развил такую бурную деятельность вокруг меня, что опомниться я не успевала.

Меня очень бережно устроили на обитой мягким шелком скамье, собственноручно и очень аккуратно раздели, брезгливо отбросив грязные тряпки, даже войлочные сапожки он с меня снял так осторожно, словно они были как минимум хрустальные, нежно погладив при этом каждую ступню в отдельности. Потом снова взял на руки и отнес в огромную мраморную ванну, почти бассейн, полную горячей воды с каким-то ароматным маслом.

– Все плохое позади, – шепотом приговаривал он мне на ухо, опуская в блаженно-обжигающую воду. – Все, моя михеле, ты в безопасности... ты же сильная девочка, ты не сломалась...

Вот блин! Ну что за гадство! Меня совесть начала не просто мучить, а прямо-таки грызть огромными зубами, такое у него стало лицо, когда он смотрел на мое изрядно похудевшее, исцарапанное и покрытое синяками тело. Ну не рассказывать же ему, что часть этих синяков я получила вовсе не... стоп. Нельзя.

Ну как так? С чего его накрыло-то? Был нормальная сволочь, ушан сатрапский и вообще рабовладелец. А теперь в его глазах нежность и боль, настоящие, не наигранные, и руки... у него пальцы дрожат, когда он касается моей кожи, моих остриженных волос. Причем никаких поползновений, он меня просто вымыл, просто вынул из воды, не позволяя шагу ступить самостоятельно, опять усадил на кушетку, завернул в огромную пушистую простыню, вытер насухо. Подкатил ко мне поближе столик, на котором уже стоял поднос с весьма специфическим ужином – бульон с протертым мясом, пюре из каких-то овощей, соки...

– Тебе надо поесть, михеле, – эльф взял со стола деревянную щетку с жесткой щетиной, глянул на мой коротенький блондинистый ежик, резко отложил ее в сторону, и в уголках его губ залегла горькая, жесткая складка.

– Ничего, михеле, они быстро вырастут и станут еще прекраснее, чем прежде.

Вот честно, чем дальше, тем меньше я понимала происходящее. Ну с чего? Его? Так накрыло? Любовь нечаянно нагрянет, когда рабыню враг упер? Стыренная собственность становится вдвойне ценной? Или он думает, что меня орки сломали пополам, и если теперь излишне резко до меня дотронуться, я просто развалюсь на составные части?

Так нет же... у него в глазах другое. И в голосе, и в движениях прямо чувствуется искреннее беспокойство, тревога... нежность.

Не было печали. Я не хочу влюбленного эльфа, я хочу... так, хватит. Лучше я буду считать, что ушастый ухажер ведет себя не просто странно, а очень подозрительно, и на всякий случай это ему продемонстрирую. Мне и притворяться особенно не нужно – его неожиданная нежность действительно настораживает и даже пугает.

И вообще! Птичка-птичкой, но он же мне ни слова не сказал о детях! А вдруг он так меня отвлекает... готовит... к чему-то... страшному?!

Глава

29

– Где мои дети? – напряженным голосом спросила я, выворачиваясь из под ласкающих рук и напряженно взгляделась в лицо эльфа, отслеживая его реакцию на вопрос.

– Успокойся, птичка, – мужчина отложил маленькое полотенце, которым только что растирал мне плечи, сел напротив и я с удивлением поняла, что он очень-очень устал. Оказывается, даже у эльфов бывают морщинки в уголках глаз от переутомления, темные круги под глазами и запавшие щеки. – Мой племянник и все остальные чудовища живы и здоровы. Настолько здоровы, что я был бы не против немного померить их живость. Тебе никто не говорил, что этих маленьких монстров надо хоть иногда воспитывать, иначе они разнесут все вокруг?

О, слава ушастым богам, ехидная сволочь вернулась! Правда, в урезанном, усталом, замученном и все еще подозрительно ласковом проявлении. И что самое обидное – вот такой он мне нравился гораздо больше. Не нравился-нравился, как мужчина, а просто как человек.

Живой такой, с кривоватой усмешкой, размашистыми от переутомления жестами и тенью горечи в глазах.

Кстати, его ехидство и попытки выпрямиться, чтобы явить миру образцового недовольного эльфа меня успокоили не только на ушанский счет. Это его поведение как нельзя яснее ясно говорило, что дети живы.

– Я могу их увидеть? – все равно до конца не поверю, пока не обниму, не ощупаю с ног до головы, не загляну в глаза... мне даже на эльфийскую харизму плевать.

– Тебе надо отдохнуть, – я видела, как болезненно и жестко сжались его губы в ответ на мое очень явное стремление увидеть именно детей. Но вот сейчас меня никакая совесть не мучила – а чего он ждал? Что я брошусь ему на шею, рыдать и целоваться?

Наверное, ждал... и теперь тщательно прятал разочарование под маской привычной холодности.

– Тебе надо отдохнуть, Натаэль. От тебя осталась едва половина, – недовольным голосом рабовладельца, которому испортили собственность, выдал эльф. И вопреки собственным же интонациям слишком бережно и чуть ли не трепетно провел кончиками пальцев по золотистой щетинке у меня на голове. – Завтра встретишься со своим несносным потомством. Тем более, что уже ночь и дети спят.

Ночь? Я удивилась. Ведь только что было утро?

– Оркский портал унес тебя через пол-континента, – недовольно поморщился... да блин, как же его зовут? Вроде орки меня по голове не били, что же с памятью стало? – В их землях действительно сейчас утро. Но ты сейчас выпьешь отвар и будешь спать! Потому что я тебе приказываю! – угу, добро пожаловать в рабство, серия вторая. Ненадолго же хватило его “михеле”! Даже знать не хочу, как это переводится, что-то подсказывает – мне не понравится.

Меня поплотнее завернули в махровую простыню и снова подхватили на руки. Он всерьез думает, что у орков я разучилась ходить? Но мое скептическое лицо ни на что не повлияло, разве что несущий меня по коридорам эльф едва заметно улыбнулся:

– Ты осталась такой же упрямой, Натаэль, даже после... – тут он запнулся и буквально заледенел, а я зажмурилась от страха – ну его нафиг, что он там может прочесть в моей памяти, вдруг лишнее чего? Так, живо представляем себе, как клеймо ставили!

Видимо, я правильно угадала момент для воспоминания, хотя результат вышел... своеобразный. Эльф резко остановился посреди коридора, стиснул меня, прижал к себе и едва слышно зарычал, глядя в пустоту сужившимися, бешеными глазами.

– Они ответят... не сомневайся даже, они ответят за это, – сдавленным от ярости голосом пообещал он мне. Вот спасибо, блин! Только страшной эльфячьей мсти мне не хватало для полного счастья...

Пришлось вошкаться, утыкаться лицом ему в шею, прячась от его взгляда и изображать принцессу в обмороке. Или в депрессии. Короче, он поверил, потискал нежно, опять обозвал маленькой птичкой и отнес меня в роскошно обставленную спальню. Уложил в постель, напоил какой-то горькой гадостью из резного кубка, укрыл одеялом... и ушел.

А я тут же подскочила на постели, обхватила себя руками за плечи и с тревогой уставилась в темноту. Не знаю, что там за снотворное он в меня влил, но пока оно ни капли не действовало. Вопросы толпились в голове, пихались, скрипели, кололись острыми углами...

Куда он пошел? А вдруг мстить оркам? А там Лешка... блин! Какого черта не пустил меня к детям сразу?! И что мне теперь делать с его внезапными чувствами? Он ведь не притворяется...

Точнее, он как раз пытается притвориться, что ничего не чувствует, но у него плохо получается. А мне-то зачем эта головная боль? Я вот ни капли удовольствия не получаю от осознания, что нечаянно проросла в сердце эльфа. Даже его рабовладельческая сущность – не повод причинять ему боль просто так. То есть, конечно, скотина он последняя, не было бы его – жили бы мы счастливо в своем мире и знать не знали ни про какой аркан душ. Но все равно, единственное мое желание – это схватить в охапку родных и сбежать под крылышко мужу, а эльф... ну пусть бы забыл меня. Не надо мне никаких шекспировских трагедий, вот ни разу не льстит мысль о том, что кто-то будет по мне сходить с ума без взаимности.

Уфф... может, и правда, поспать? Вдруг он до утра передумает меня любить, или что там в его ушастой голове творится? Станет прежней скотинякой, потащит в пентаграмму ритуал проводить... а у меня клеймо. Сделаю вид, что вся такая верная. Потяну время, а там Лешка что-нибудь придумает, и...

Под эти мысли я и уснула. Подействовал отвар.

Глава

30

Утро началось с того, что на меня с громким ликующим воплем прыгнуло стадо обезьян. Правда, когда я сумела выкарабкаться из горы подушек и разлепить опухшие веки, оказалось, что всю стаю с успехом заменяет один мой буйный эльфийский сынуля и один еще немного робкий крокодило-змеевидный внучек. Господи, какое счастье!

Я поймала обоих в охапку, зацеловала, затискала, защекотала... радостно смеясь в ответ на их восторженный визг. Потом подняла взгляд и встретила глазами сначала с дочерью, потом с ее зеленым мужем.

Катюша... Господи, родная... как же быстро тебе пришлось повзрослеть... я выпуталась из двух обезьянышей и протянула к ней руки, моя девочка с тихим всхлипом кинулась ко мне, и обняла меня крепко-крепко. Ведь мы уже второй раз едва не потеряли друг друга!

Обнимая дочь, улыбаясь откровенно выдохнувшему зятю, тиская мелких, отдыхая душой, я нечаянно глянула в сторону двери. И натолкнулась на тяжелый, темный, непонятный эльфийский взгляд.

Что в нем было? Нет, это нельзя было назвать злостью или завистью. Он просто стоял, смотрел... впитывал нашу радость, наше тепло и понимал – ему в этом вот всем места нет. Он чужой, был чужим, чужим и остался. И останется... наверное.

Заметив его, притихли и насторожились дети, да и я сама как-то напряглась. Мне и жалко его было, и страшно за себя и свою семью. Я не знала, чего ожидать от него дальше.

– Не буду вам мешать, – отрывисто бросил эльф, заметив, как мы все подобрались и даже немного ощетинились в его присутствии. – Но учтите, Натаэль должна позавтракать и выпить отвар. Вставать с постели я запрещаю. И утомлять ее тоже запрещаю. Еще полчаса, а потом вы все пойдете в свою комнату.

Ууууу, дурак! Да что бы он понимал! И все сочувствие к нему сразу испарилось. Да мне сейчас с детьми побыть – лучшее лекарство. Что это еще за выдумки, отрывать их от меня под предлогом дурацкой “утомленности”?!

Но на эльфийской физиономии написано такое непримиримое упрямство, что сразу понятно – спорить бесполезно.

Ну и топай тогда... отсюда. Не мешай мне хоть полчаса побыть счастливой. И да, что хочу, то и думаю... знаю, что дура, но буквально зверею от мысли, что какой-то ушастый придурок командует мне, когда я могу видеть моих детей, а когда не могу.

Ревнует он что ли? Это же так глупо!

Ушанский злодей фыркнул что-то нелицеприятное в ответ на мой сердитый взгляд, развернулся и пропал за дверью, чуть ли не спиной демонстрируя высокомерие. Ну и... туда ему и дорога.

И все равно за оставшиеся полчаса мы о многом успели поговорить. Притихшие после эльфийского выступления малыши забралась ко мне под одеяло и прижались с двух сторон, и молча слушали тихие взрослые разговоры. А мы с Катериной и ее “мужем” наконец хоть смогли поговорить о том, что случилось с моей дочерью после того, как чертов аркан унес ее от нас и забросил в тело змедевички.

Оказалось, что их с Эрхой к тому моменту привезли из разных городов и продали в один рабский караван. Перепуганная, ничего не понимающая дочь едва не стала жертвой какого-то подонка, а змеезять, и сам недавно потерявший жену и старшего сына, вступился за девчонку. С тех пор она к ним с Шику и прибилась, добровольно взяв на себя заботу о малыше. Естественно, ни о каком замужестве никто и не думал, выжить бы.

Ну а потом был цирк... и моя бедная, отчаянная дочь, для которой потерять свою новую семью оказалось страшнее, чем умереть в зубах хищника. И ее выходка с “замужеством”.

Признаться, я все же не слишком всерьез воспринимала все эти сказки змеелюдов. Ну, считается там по каким-то обычаям, что Катя завоевала себе мужчину и теперь жена, ну и мало ли кто где так считает? Это же не значит, что она теперь обязана всерьез быть только с этим мужчиной. Я думала, ну, выберемся на свободу, а там, может, и передумают оба.

Оказалось, нет, уже не передумают. Как-то оно и тут, зараза, без магии не обошлось. Особой, змеиной. Самое смешное, что Катюшка, смущаясь и пряча лицо у меня на груди, шепотом призналась, что никакого другого ей не надо, они с Шику теперь оба ее. Насовсем. А всякое там такое... ну ТАКОЕ! Это успеется, когда она сама решит, что готова.

Я покосилась на невозмутимое лицо змеезятя, который сделал вид, что ничего не слышал, с трудом сдержала смехок и тоже шепотом сделала дочери внушение: степень ее готовности мы будем решать как минимум коллегиально.

К сожалению, мы так и не успели обсудить еще кучу вопросов, явилась эльфийская мымра и с порога противным голосом начала вещать, что господин Хэльерэль приказал идти в детскую, а я обязана выпить отвар и спать.

– Катя, срочно найди мне карандаш и лист бумаги! – шепотом напутствовала я уходящую дочь, и на ее удивление пояснила: – Запишу, как зовут этого нашего... Хаэльреэля, будь он неладен... никак не могу запомнить!

Катерины прыснула в кулак, подслушивающий змеезять тоже сжал губы, скрывая улыбку, подхватил недовольных малышей на руки и они ушли. А мне остался отвар и мысли о том, как и в какой момент сообщить детям, что папа нашелся и скоро придет за нами.

Глава

31

Тут следовало крепко поразмыслить. Понятно, что мелким такие новости ни к чему, а вот Катерина и змеезять... точнее, зятю можно и нужно сказать будет. в подходящий момент. А вот дочь, не смотря на то, что повзрослела душой, все же еще девчонка совсем... сумеет ли она вовремя притвориться, не выдать себя, совладать с эмоциями?

Нет, решено, подожду. Тем более, что мне и самой не следует слишком часто думать о муже и о том, о чем мы договорились с ним в те недолгие часы, пока были вместе. Я могу только ждать и надеяться... ждать сигнала и надеяться на то, что муж придумает, как всех нас отсюда вытащить.

Правда, это вот “не думать о муже” – все равно как в притче о Ходже Насреддине – “не думай о белой обезьяне”. Как можно приказать своему мозгу просто остановить мысли и не вспоминать, не представлять, не загадывать?

А просто. Надо выпить эту подозрительную зеленую жижу из стакана, и сразу в голове сонный туман и никаких почти мыслей. Что за гадостью меня поят и зачем?

Я еще успела заметить, как открылась дверь и на пороге снова возник эльф. Хала...Хаэ...тьфу.

– Первородные никогда и никому не позволяют коверкать свои имена, ты знаешь об этом? – высокий блондин с длинными ушами прошел в комнату и сел ко мне на кровать. Интересно, я что, под влиянием отвара начала думать вслух?

– Эльре. Ты можешь называть меня Эльре, маленькая птичка. Не сопротивляйся... вот так... спи, михеле, закрывай глаза. Я заберу из твоей памяти все, что случилось... все... ты будешь думать, что в то самое утро просто не дождалась меня в башне и заснула. Лонндарийские травы помогают очистить разум, делают память мягкой, как глина, и позволяют снять с нее оттиски, а потом изменить, вылепить новую... и заодно сам пройду по твоим следам, загляну в лицо каждого степного варвара, чтобы найти и убить!

Его вкрадчивый голос отдавался горечью выпитого напитка на языке, обволакивал, тепло струился по комнате, усыплял... ровно до того момента, как он произнес последние слова. Ледяная игла ужаса пронзила меня от макушки до пят, резко отдалась жжением в две печати на моем теле – огненные дорожки повторили рисунок на груди – явный, видимый, хотя и полустертый, и на бедре, но уже скрытно.

Я резко распахнула глаза, оттолкнула склонившегося надо мной эльфа и зло зашипела:

– Не смей лезть в мою память!

– Натаэль? – кажется, эльф больше удивился, чем рассердился. – Не сопротивляйся, михеле, тебе лучше забыть все, что случилось.

– Еще чего! – страх придал мне сил, и я, не смотря на сонную одурь, сковывавшую и без того слабое тело, резко отодвинулась на другой край кровати. – С моим телом ты можешь делать все, что захочешь, я не могу тебе помешать! Но в голову мне лезть не смей! Я лучше ее о стену разобью, чем позволю просто стереть себе память!

– Что за глупости, Натаэль, – немного растерянно, но уже теряя терпение, спросил эльф, не делая попыток подтащить меня обратно. Он вообще встал с постели и даже отошел на шаг, видимо, чтобы я не наделала глупостей. – Ты не в себе. Испытания оказались слишком... непосильными для слабого женского разума. позволь мне помочь тебе, не сопротивляйся, иначе...

– Слушай, – я попыталась успокоиться, выдохнуть и говорить как можно убедительнее. – Это МОЯ память. Мой опыт. То, что делает меня мной. Его нельзя трогать, изменять, месить как глину! Это хуже,

чем если меня убить! – господи, ну и чушь я несу... то есть, не чушь, в целом-то так оно и есть, но причины сопротивляться у меня совсем другие.

– Это какой-то религиозный запрет из твоего прежнего мира? Обычай?

– Да! – я даже обрадовалась тому, что эльф, как всегда, сам придумал объяснение. – И я...

– Врешь, – как-то устало констатировал мужчина, резким броском преодолел разделяющее нас расстояние, схватил меня, прижал к кровати, поймал мой взгляд и... что-то сделал, так что теперь я смотрела ему прямо в глаза и не могла даже моргнуть.

– Почему ты сопротивляешься? – его голос звучал как-то тягуче и гулко, словно у заезжего гипнотезера в гарнизонном клубе, куда мы как-то ходили еще школьниками. И не ответить на заданный вопрос я почему-то не могла.

– Я не хочу, чтобы кто-то это видел! – все, что мне удалось буквально выплюнуть сквозь сжатые зубы.

– Глупая девчонка! Смотри мне в глаза! – тоже зло и резко приказал мой мучитель, а дальше...

Все, что я смогла – это зацепиться разумом за одну единственную картинку: ночь, юрта, ворох шкур и ковров, жесткие веревки на запястьях и лодыжках, кожаный кляп в зубах и размеренные движения нависающего надо мной мужского тела, лица которого я в этот момент не вижу.

– Демоны Харрша! – эльф выругался и отпрянул, зло оскалившись, но потом снова схвати меня, встряхнул... и получил другую картинку – я вспомнила, как в самый первый день похищения мне обрили голову и поставили на грудь клеймо.

Абсолютно не по эльфийски выругавшись, рабовладелец отпустил меня. Встал с кровати, отошел к столу, налил себе что-то в кубок из узкогорлого кувшина.

– Я должен был догадаться!

Глава

32

Ага, а то до этого он не знал, что обычно делают похитители с пленниками! Догадался он... так ему и надо!

Я зажмурилась, пытаюсь сдержать слезы, и снова отползла в дальний угол кровати, только бы оказаться подальше от этого ушастого гада. Дура! Еще жалела его... скотину такую. Вся его “любовь” – это хозяйская прихоть, просто ему понравилась экзотическая канарейка. “Птичку” можно посадить в клетку, кормить вкусными плодами и даже баловать под настроение. Можно даже подлечить ей крылышки, если кто-то без спросу повывирает оттуда перья. Но если канарейка вздумает заикнуться о свободе или не станет петь по команде...

– Прости... – пока я злобно пыхтела про себя про рабовладельцев и прочих сволочуг, чертов эльф успел снова переместиться ко мне на кровать, но, слава богу, хватать и лапать не стал. И лицо у опять словно осунулось, под глазами залегли глубокие тени.

– Прости, птичка. Я все время забываю, что ты не человек под этой оболочкой.

Я с трудом сдержалась, чтобы не пнуть ушастого расиста пяткой прямо вот куда достану! Я как раз человек! В отличии от некоторых!

– Не злись, михеле... я идиот, я даже не подумал, как тяжело тебе будет показывать кому-то свое унижение. Эта проклятая печать... нет ничего страшнее запертой магии и чувства бессилия. Это так унижает. Я понимаю. Но почему ты не хочешь забыть?!

– Потому что это моя жизнь! И моя память! – злобно, хотя и ни фиги не конструктивно отозвалась я. К черту, пусть считает это психическим отклонением, религиозным табу или просто женским тупым капризом, мне до лампочки.

– Женщины непостижимые существа. Независимо от расы, – заключил эльф через какое-то время, все же сгреб меня в охапку вместе с одеялом, откинулся на подушки и устроил мою голову у себя на плече.

– Я тебя вообще не понимаю. Ты меня боишься и при это дерзишь и огрызаешься. Тебе больно вспоминать плен, но ты не хочешь ничего забывать. Ты нашла дочь в существе другой расы и притащила ко мне в дом совершенно посторонних змеелюда и его детеныша, а теперь трясешься над ними так, словно они тоже твоя семья. Я бы подумал, что ты готова полюбить любого, но на меня твои добрые чувства не распространяются. Ты совершенно непонятное существо, Натаэль. Я злюсь, но хочу тебя. Это... непривычно. Неправильно. Невероятно!

Я вывернулась и заглянула ему в лицо, такой у него был голос. И бровь эта заломленная, напрочь разрушившая картину холодного ушастого сволоча. Такое мучительно-нежное недоумение глазах... И я не выдержала – высвободила из одеяла руку и очень осторожно, кончиками пальцев погладила его по щеке. А потом испугалась собственного жеста – руку отдернула и спрятала в складках одеяла. И сама спряталась, отвернулась, уткнулась ему в плечо и попыталась сползти с его колен.

Эльф вдруг рассмеялся, поймал меня, стиснул, опрокинул на кровать... я только и успела, что испуганно пискнуть и зажмуриться – дура! Разнежничалась! И с кем?!

– Не бойся, птичка. Я уже понял, что тебя нельзя принуждать силой, – ушастый “ловец” навис надо мной, опираясь на выпрямленные руки. Потом чуть согнул их в локтях, опускаясь ближе, хмыкнул, и легонечко подул мне в лицо, так, что я захлопала глазами от щекотки и недоумения.

– Знаешь, есть такие птицы в эльфийском лесу, люди называют их золотыми колокольчиками за их нежное оперение и красивый голос. Очень редкие птицы, очень осторожные, не доверяют даже эльфам. Их можно поймать сетью, но они будут до последнего биться в руках, а если стиснуть пальцы посильнее – просто гибнут. Но случается, очень-очень редко, что самые умелые, терпеливые и осторожные эльфы приманивают такую певунью к своему дому вкусными зернышками и обещанием безопасности. И если не спугнуть и не обидеть, то золотая михеле может остаться навсегда, а ее волшебный голос принесет в дом счастье.

Он наклонился надо мной еще ниже и очень легко, нежно, без напора или агрессии коснулся моих губ своими.

– Я подожду, михеле. Я подожду, пока ты сама слетишь ко мне в руки.

Глава

33

Он ушел, а я лежала, свернувшись в клубок под одеялом и думала. Вот это я влипла... только этого птицелова мне не хватало для полного счастья. Нет, хорошо, конечно, что он не собирается “ловить меня сетью” и брать силой. Но мне-то что делать?

Он совершенно точно не нужен мне, как мужчина, даже не смотря на то, что некоторые моменты меня трогают, или давят на жалость, или... на другие какие-то чувства.

Сейчас надо зажать совесть и эти самые чувства в кулак и придумать, как заставить эльфа отпустить дочь и ее новую семью. Ведь по идее мы изначально так и договаривались: с меня клятва, с него свобода для них. Но что-то мне подсказывает, что просто так он никого не отпустит.

Или нет? Какие бы сказки про михеле не рассказывал ушастый, его раздражение и ревность я тоже видела. Как он смотрел на нас, когда мы обнимались, шутили, просто радовались друг другу!

Понятно, что кукушонка он не отпустит. Более того, может что-то там наколдовать через кровь, чтобы выдернуть его из самого защищенного места. Но ведь остальные ему не нужны? Для того, чтобы удержать меня достаточно сына... и клятвы.

Я уже успела разузнать, что старший брат моего ушана погиб вместе с женой в результате какого-то магического эксперимента, во время которого пострадал и их ребенок, лишившись души и разума.

Именно поэтому и был заключен договор с магессой Лелиеной, которая за немалую, даже по эльфийским и магическим меркам, плату взялась призвать из другого мира душу мальчика высшей расы (пфф!) примерно такого же возраста. И мы всей семьей попали под раздачу... жаль, что эта жадная гадюка уже сдохла, а то я бы своими руками придушила тварь.

Если бы не она, у эльфа ничего бы не вышло – это чисто человеческая магия, ушастым не подвластная. С другой стороны, если бы мой “нежный птицелов” не нанял двух подонков ей в помощь и не заплатил им за то, чтобы они подгадили ритуал... умер бы только Никитка. В том, нашем мире, просто погиб бы мой сын, а его душа перенеслась бы в этот.

Я подумала об этом и содрогнулась. Господи, и не знаешь, что хуже... нет, наверное все же то, что мы вместе, пусть в чужом мире, пусть несвободные, но вместе – это все же лучший вариант.

И кстати – вся эта история прекрасно иллюстрирует отношение эльфов к клятвам и договорам с другими расами. Честной игрой тут и не пахло...

И еще два важных момента: эльфийская морда так и не сказал мне, зачем вообще ему понадобился живой и вменяемый племянник. В родственные чувства эльфов я не верю. Да и никто в этом мире не верит, включая самих эльфов, они считают такие сантименты уделом низших рас.

И зачем же? Пока мне в голову приходит только одно: наследство. Понятия не имею, как там оно у эльфов устроено, возможно, что Кукушонок имеет право на что-то такое, что моему ушану, как младшему брату, не положено. Ну, или что-то в этом роде... эх, вот если бы узнать, может ли Никитос отказаться от этого неведомого чего-то в пользу дядюшки! Тогда был бы шанс, что эльф не станет его искать.

На то, что птицелов так просто отпустит меня, я даже не надеялась. То есть, еще вчера очень надеялась, но после этих его птичек... михеле, надо же. Так вот, после того, что я видела в его глазах, знаю точно: не отпустит.

Интересно только, по-прежнему будет требовать с меня рабскую клятву, или в лучших традициях любовных романов станет завоевывать меня по-честному? Ой, что-то сомневаюсь я!

Но в любом случае, одно дело вытаскивать из эльфийского поместья одну меня, в крайнем случае, нас двоих с сыном, и совсем другое – спасти целый табор народа плюс звериную стаю. Так что мне надо провести ювелирную операцию: убедить эльфа отпустить нахлебников и убедить дочь уйти. И я не знаю, что будет сложнее. Катерина у нас тот еще ослик...

Постельный режим продолжался еще три дня, пока я окончательно не озверела и не выплеснула отвар болотной жижи в настырную эльфийку. Нет, я не буянила. Нет, дурной характер я тоже не демонстрировала!

Но после того, как эта гримза ушастая третий раз подряд заявила гнать от меня детей, да еще и попыталась шлепнуть Шику, а Кукушонка просто схватить на руки и утащить...

Повинуясь моему взгляду, семейство сгрудилось вокруг Эрха и организованно отступила в свою комнату, а я, давя в себе змеиную улыбку, дождалась, пока ушанская вредина притащит мне очередной стакан помоев. И “неловко” опрокинула поднос прямо на нее. Три раза подряд.

Глава

34

Все эти три дня его рабовладельческое птицеловство у меня не появлялся. То есть, он не приходил, пока у меня были дети, или пока я бодрствовала в одиночестве, изнывая от скуки. Но когда я просыпалась после “лечебного” отвара, срубавшего меня лучше снотворного, лежащая рядом подушка всегда оказывалась подозрительно примята и знакомо пахла... что недвусмысленно свидетельствовало об одном: эльф не просто появляется в моей комнате, пока я сплю, он ложится рядом, и...

Я каждый раз пугалась, потом злилась и украдкой проверяла... ну, как бы, секс он же все равно оставляет следы на теле и в ощущениях? Кто его знает, этого извращенца, может, он ко мне не только спать приходит... и, главное, не дает ни малейшего шанса осуществить мой план с выдворением змеиного семейства на свободу – как я должна его убеждать, если сплю последним сурком?

А вот саботаж подействовал – после того, как зарумянившиеся от злости мымра унесла третий пустой стакан и зеленое пятно на юбке, явился сам хозяин.

– Что за детские выходки, михеле? – злодеюка встал в дверях, картинно прислонившись плечом к косяку и сложив руки на груди. – Ты должна пить лекарство, иначе твоя магия еще долго не вернется. Если ты хотела меня видеть, надо было просто попросить.

Блин, кто о чем, а голый о бане! Непонятно вообще, чего этому эльфу от меня нужно – секса или магии?!

– Не злись, тебе не идет, – как ни в чем не бывало заметил эльф, проходя в комнату и усаживаясь на кровать. – Кроме всего прочего, пока следы этой проклятой орочьей печати не исчезнут с твоего тела, я не смогу взять с тебя клятву.

Вот сволочь! Далась ему эта клятва... надеюсь, Лешка успеет раньше, чем эльф... который, гад, довольно бесцеремонно развязал тесемки моей рубашки и стянул ее с плеч прежде, чем я успела запротестовать. И нахмурился на все еще отчетливо различаемый, хотя и побледневший узор из точек и черточек, образующий печать духов. Напрочь игнорируя мое неудовольствие, эльф начал обводить эти узоры пальцами, то и дело явно провоцирующе задевая соски. И не давая мне при этом отстраниться.

И что оставалось делать? Ну явно глупо брыкаться и орать, я с самого начала так не делала, и, наверное, если сейчас начну, это может насторожить рабовладельца.

Или нет? Я же того... “пережила насилие”! Может, он поэтому и провоцируют, и смотрит, как я отреагирую?

Так что в какой-то момент я просто перестала себя контролировать, резко отстранилась, вывернулась из его рук и натянула покрывало чуть ли не до самого носа. И отвернулась. Даже смотреть на тебя не хочу, ушастая хозяйская морда!

– Вот видишь, – спокойно констатировал эльф. – Ты все еще не оправилась от произошедшего. Поэтому будь послушной девочкой, пей отвар и лежи в постели. Слишком часто и много общаться с шумными детьми тебе вредно.

Я аж рот приоткрыла от такого поворота. То есть, он мне заявил, что пока я не даю лапать себя за грудь посторонним мужикам – я больна, и семьи мне не видать.

Птицелов еще немного посидел и ушел, а ему на смену пришла опять та же самая мымра с тем же самым стаканом зеленой гадости. И с той же самой кислой физиономией.

Вот только кроме кислоты по ее лицу проскользнула какая-то новая тень. Такая, что я, уже взяв питье из ее рук, вдруг замерла. Еще раз посмотрела на мымру. На отвар...

– Ну нет, тварь! – неожиданный удар по лицу опрокинул меня на кровать, а чертова слабость помешала быстро отреагировать. Эльфийка же была полна сил и двигалась так быстро, что я даже не успевала за ней уследить. И стакан из моих рук она вырвала раньше, чем хоть капля зеленоватой жижи пролилась на пол.

– Больше у тебя не получится этот фокус, проклятая человеческая девка! – злобно прошипела раскрасневшаяся эльфийка, нависая надо мной. – Это последняя доза эшихар, и ты ее выпьешь! Слава грязным оркам, поставившим тебе печать антимагии! Пей, тварь!

Ага, щазз! Только корсет потуже затяну!

Я сжала зубы и рванулась изо всех сил, рассчитывая сбросить отравительницу с себя. Но куда там... эльфийка оказалась неожиданно сильной, ненормально сильной. В считанные секунды она скрутила меня простынями так, что я не могла даже двинуться, запрокинула мне

голову и ее узкая, жесткая ладонь зажала мне рот и нос, перекрывая доступ воздуху.

Мое тело продолжало бешено сопротивляться, и разумные доводы о том, что так я только приближу развязку – воздух в легких кончится быстрее – уже не действовали. Перед глазами замелькали красные пятна, в ушах зашумело...

И когда убийца убрала ладонь от моего лица, я невольно жадно, со всхлипом вдохнула. Воздух и вместе с ним жуткую горечь отравы.

– Аааааарррраааа!!!! – этот полу-рев, полу-рык – последнее, что я услышала сквозь нарастающий звон в ушах. И увидела, как от распахнувшейся двери на спину убийце прыгает зеленая тень, на лету трансформируясь из моей дочери в жуткое клыкастое чудовище.

Боевые когти змеелюдки вспороли не только воздух, но и плоть, клыки сомкнулись на шее эльфийки и мне в лицо плеснуло кровью из разорванного горла. И стало темно...

Глава

35

Темно... тихо... только где-то в отдалении мерно и назойливо падают капли. Этот звук отдается эхом по всему пространству и мешает... мешает чему? Не знаю. Мне хочется чтобы он прекратился и тогда станет совсем-совсем спокойно...

– Михеле...

Ох, еще звуки? Зачем? Не хочу! Хочу тишины и покоя! Сержусь! Сержусь? Хм... а я умею?

– Михеле...

Мужской голос, и вроде даже знакомый. Но я не тороплюсь оборачиваться в ту сторону, откуда он слышится. Вдруг там есть кто-то и нет темноты? А я хочу, чтобы было темно...

– Натаэль... Натаэль... Натаэль!!!

Фу, еще и орет. Нет, не буду оборачиваться. Тем более, я вдруг вспоминаю, что это неправильный мужской голос. Правильный должен звучать иначе, и имя должно быть другое.

– Кнопка! Не смей! Вернись сейчас же!

Вот теперь я резко оборачиваюсь и слегка отступаю, прикрывая лицо руками от яркого света. Мне кажется, или их двое?

И они, по моему, сейчас подерутся!

– Развернулся и свалил. Если хочешь жить, – как-то просто и буднично сказал эльфу Лешка. Лешка?! Родной, земной, каким я его помню до мельчайшей черточки, с привычным шрамом на щеке, в слегка линялой камуфляжной футболке, домашних штанах и тапочках... и при этом даже тени сомнения не возникало, что он убьет. Действительно убьет ушастого... о господи, что за бред?! Как они тут оказались оба?!

– Я тебя не знаю, – холодно и зло отозвался эльф, глядя при этом только на меня. А я выгляжу... а я выгляжу так, как выглядела на земле. Как он меня узнал? Ведь не сомневается даже, продолжает: – Но догадываюсь, кто ты. И догадываюсь, как ты здесь оказался. Тебя привел аркан душ. Значит, не сдох. Жаль. Я не собираюсь делить с тобой мою жену.

Жену?! Чью жену?!

Не знаю, кто больше удивился, я или Лешка. Но Лешкино удивление закончилось предсказуемо: несмотря на то, что я понимала – все вокруг это бред, видение, мой муж поступил точно так же, как поступил бы в реальности. Молча, с разворота, без лишнего предупреждения зарядил ушастому в челюсть, так, что того унесло в темноту.

И почти тут же вынесло обратно. Злющего, но собранного какого-то, и... Я на время потеряла возможность уследить, кто кому бьет морду, потому что оба были хороши, и в прямом и в переносном смысле этого слова. Лешка был массивнее, опытнее и жестче, эльф быстрее, гибче и... не чурался самых подлых приемов.

Моего мужа подлыми приемами не удивишь, он и сам всегда говорил, что в бою все средства хороши, лишь бы выжить. Так что я в своем непонятном полубредовом состоянии за него почти не волновалась. А вот с какой стати я переживала за эльфа – мне самой было напрочь непонятно! Да туда ему бы и дорога, рабовладельцу недоделанному, да? А вот нет! Такое впечатление, что пока я созерцала темноту, этот индивидуум контрабандой пророс сквозь меня, как ядовитый вьюн-паразит, прижился, пустил корни и зацвел, оглушая вкрадчивым ароматом незнакомых чувств.

Я так растерялась, что села. Вот прямо на темноту и села – вокруг все равно больше ничего не было. И даже на дерущихся мужиков только краем глаза поглядывала – они там всюду друг-друга ломали,

если бы дрались в реальности, а не во сне, уже бы лежали с переломами. А тут бред же, тут хоть ноги ломай, хоть руки... все только кажется. Ну, мне так кажется... я откуда-то вдруг поняла, что убить они друг друга не могут, значит, волноваться не о чем. Лешка победит, это главное. Мне бы с незапланированными чувствами разобраться... вот когда?! Откуда?! Почему сердце болезненно екает, когда чертов ушастик в очередной раз с резким хеком отлетает в темноту от особенно удачного удара?

– Все, хватит! – в какой-то момент эльф поднялся на ноги, но не кинулся на противника, остался стоять, слегка пошатываясь и держась за пострадавшую челюсть. – Ты идиот?! Хочешь, чтобы она умерла?!

Глава

36

– Внятно. Четко. При чем здесь ты, – Лешка недвусмысленно потер костяшки на правой руке и повел шеей, словно стряхивая последствия эльфийских ударов – ему тоже досталось. Что не мешало разбираться с проблемой по-лешкиному- коротко, конкретно и быстро.

– Ее отравили. Эта влюбленная дура... А! – он зло махнул рукой. – И от этого яда нет противоядий, особенно для тех магов, чью силу перекрыли проклятой орковой печатью, – голос эльфа прозвучал устало и зло. У Лешки на лице не дрогнул ни один мускул, хотя я знала, как болезненно отзывались в его душе эти слова. Орочья печать...

А эльф тем временем продолжал, уже не глядя на моего мужа, только на меня:

– Я не смог вернуть тебя через ритуал привязки, и хотя ты формально выразила согласие принести мне клятву в обмен на жизнь змеиного семейства, ничего не помогло. Я начал ритуал, но не успел, ты умирала. А еще печать – она рвала потоки привязки, не давала дотянуться до тебя. Мне пришлось... идти дальше. Я решил, что, возможно, подойдет ритуал малого единения, временный брак, когда эльф берет в жены существо достаточной силы, но другой расы. Все шло нормально, пока вдруг потоки снова не начали расползаться под пальцами, как гнилая ветошь. Словно... словно на тебе была еще одна печать, скрытая.

Мы невольно переглянулись с мужем и я печально улыбнулась. И так бывает... хотели как лучше, а получилось как всегда. И я сама

настояла на второй печати! Сама! Это не твоя вина, не смей себя казнить!

– Я не мог тебя потерять... – тихо продолжил эльф и отвел глаза. – Ты... как ядовитый цветок, как наркотик! Я уже не смогу без тебя жить, хотя сам не понимаю, как это произошло и почему! Я не мог тебя отпустить!

Он все это сказал с такой непритворной злостью и яростью, что я ему поверила. И даже посочувствовала. Наверное... вот это горько-теплое в груди, это же сочувствие, правда?! А не что-то другое!

– Я пошел до конца и начал ритуал единения душ. Он очень редок среди высших эльфов. Мы... нечасто способны любить кого-то настолько, чтобы пожертвовать собственной свободой и тем более, душой. И я не знаю, как решился на такое!! Потому что ритуал соединяет навсегда, даже после смерти, даже против воли. Даже если ты совсем не любила меня раньше, теперь ты не сможешь просто отвернуться! А ты! – тут этот... этот... обернулся к внимательно слушавшему Лешке: – А ты решай! Что лучше – чужая женщина или мертвая женщина! Вывести отсюда того, кто почти ушел в межмирье сможет только супруг!

Лешка злился, я это видела, а эльф нет. Потому что он не знал моего мужа так хорошо, как я. А внешне это никак не отражалось – спокойный взгляд, сосредоточенное лицо, и поза слегка расслабленная, но я-то знаю цену этой расслабленности! Убьет и не заметит.

– Не болтай. Выводи. А в мире живых мы потом разберемся, в конце концов Кнопка станет твоей вдовой так же быстро, как стала твоей супругой, если позволишь себе лишнего, – внешне спокойно отозвался муж, и прищурился. И кто-кто, а я прекрасно знала, что он вовсе не шутит.

– Посмотрим, – эльф тоже успокоился и теперь поглядывал на моего мужа с легким настороженным пренебрежением. – Посмотрим...

Ох как мне не понравился его взгляд! И его уверенность в победе. И еще что-то... я же чувствовать начала ушастого, на каком-то совершенно непонятном мне уровне. Мысли, конечно, не читала, а вот эмоции... очень явственно говорили о том, что не все так просто с моим спасением и последующим вдовством!

Эльф тем временем обернулся ко мне, пару секунд просто смотрел в глаза и вдруг улыбнулся... как-то незнакомо и незащитно, словно сбросил маску, словно из высшего существа на секунду стал... нормальным? Живым?

– Пойдем, михеле... пойдем, со мной. Дай мне руку, и забудь все, что было раньше! Больше ничего плохого...

Я не знаю, что мне не понравилось. Возможно то, как Хаэльерель напрягся, произнося последнюю фразу, возможно, торжество, на миг мелькнувшее в его глазах... не злое торжество, но предвкушающее.

Я вскочила на ноги и отступила на пару шагов глубже в темноту. И даже руки спрятала за спину, чтобы случайно не поймали.

– Не хочу.

– Натаэль, прекрати! – в голосе Эльре... Эльре? Да, он же просил себя так называть... Послышалась злость и одновременно испуг. – Ты должна дать мне руку, если хочешь жить!

Да я и сама понимала, что веду себя глупо. Они с Лешкой оба пришли сюда... в темноту, за мной и я откуда-то знала, что оба нешуточно рисковали. Эльфа привел обряд, а мужа любовь и... аркан? Мы все еще связаны им?

А я выкаблучиваюсь, хотя вовсе не хочу умирать. Просто... я не чувствую себя мертвой в темноте, мне здесь хорошо, это первое. И второе – я вдруг поняла, что именно эльф имел в виду, предлагая мне “забыть все”. Вот именно это и имел! Да нафиг! Бессмысленную куклу пусть поищет себе в другом месте, а мою память я не отдам даже за жизнь!

– Натаэль! – вот теперь паника заметно прорвалась сквозь его коварные планы и напускное спокойствие. – Быстрее! Здесь нельзя задерживаться! Еще немного, и ты не сможешь вернуться!

Но я все еще медлила... все еще... и оглянулась на внешне спокойного мужа, со спокойной настороженностью ждавшего развития событий.

Он поймал мой взгляд и твердо кивнул:

– Вспомни о детях, Кнопка. Не капризничай. Я приду за вами и все будет хорошо.

Дети! Боже! Я идиотка! КАК Я МОГЛА ЗАБЫТЬ?!

Я рванулась вперед и сама схватила эльфа за руку, так неожиданно, что он отпрянул и, кажется, что-то сделал не так, потому

что у нас под ногами темнота завертелась воронкой и мы стали медленно погружаться в нее, как в трясины.

– Арасрраш! – непонятно выругался Эльре, рванулся, не отпуская моей руки, хотя скрутившаяся смерчем темнота уже влекла меня прочь. – Время! Мы оба тут слишком задержались! Ничего! Держись, михеле, я все равно тебя вытащу... я...

Но не вытащил, более того, его самого потянуло вслед за мной, и я не знаю, чем все закончилось бы, если бы в следующую секунду не почувствовала, как меня подхватывают крепкие руки мужа, и выдергивают из воронки, как репку из грядки. Следом из топкой темноты вылетел и эльф, которого я все еще крепко держала за руку. А Лешка, у которого на лбу от напряжения вздулись жилы – за шиворот. Вот только лицо у Эльре было слегка... ошарашенное.

– Держись, Кнопка, я во всем разберусь, – успел сказать мне муж прежде чем растаять в быстро выцветающей темноте. – Я во всем разберусь!

Глава

37

Я вынырнула из тьмы забытья, как из ледяного омута: задыхаясь, кашляя, отчаянно борясь за каждый глоток воздуха. Горло пекло так, словно меня напоили водкой пополам с перцем. Я ничего не видела, слезы лились ручьем...

– Тихо, михеле, тихо... потерпи, – голос Эльре неожиданно позволил успокоиться, зацепиться за него, как за якорь. – Пришлось перед ритуалом промыть тебе желудок с помощью зонда, могли немного повредить тебе горло. Не говори ничего, сейчас кашель пройдет, выпьешь заживляющий отвар и станет легче.

При одном только звуке слова “отвар” меня едва не вывернуло наизнанку. Опять?! Да ну нафиг!

Злобная эльфятина все равно напоила меня этой дрянью, не смотря на мои слабые попытки отбрыкаться. И действительно, стало легче. Боль и жжение в горле прошли, желудок успокоился, слипшиеся веки удалось кое-как раздвинуть пальцами. Представляю, какая я сейчас красотка...

И тем более странно, это этот эльфийский эстет устроился рядом на смятой и мокрой, не очень приятно, надо сказать, пахнущей постели. Неужели ему не противно?

– Михеле, соберись и быстро приходи в себя, – неожиданно серьезно сказал Эльре, устраивая мою голову у себя на плече. – У тебя не больше получаса. А потом ты должна встать и дойти со мной до комнаты, где закрылся твой ненормальный родственник.

– Какой родственник? – я попыталась вырваться и сесть, но была еще слишком слаба, а эльф меня не пустил. Заставил снова лечь и только потом продолжил:

– Твоя дочь убила эльфийку. Мои вассалы потребовали справедливости, а я был слишком занят, пытаясь вернуть тебя к жизни. Все вышло из под контроля, когда капитан моей гвардии приказал схватить и казнить змеелюдку. Тихо! Тихо, михеле, пока все живы, слышишь! – ему пришлось приложить таки усилие, чтобы удержать меня в кровати. – К счастью, – тут он как-то очень скептически скривился, то ли счастье считал сомнительным, то ли сам не верил, что сказал такое, – К счастью, эраорту оказался очень сообразительной тварью. Он сумел раздобыть оружие и отступил в подвальную часть поместья, где и засел, перекрыв все доступы. Засел, скотина, в кладовой, то есть от голода и жажды они не умрут лет двадцать. И дверь откроют только тебе.

– И к чему тогда такая спешка? – с трудом просипела я, болезненно морщась от боли в горле. – Если они там в безопасности?

– Это очень плохая безопасность, – сухо вато пояснил Эльре. – Потому что чокнутая баба была родственницей моего капитана, и он готов снести поместье до основания, но отомстить. Пока моей власти хватает, чтобы сдержать его, но гарнизон может взбунтоваться. Надо как можно быстрее вывезти всех эраорту из поместья и отправить подальше, если ты хочешь, чтобы они выжили. И сделать это незаметно, чтобы в погоню за ними пустились не сразу. Я дам денег, но не охрану.

– С ними пойдут шархи, – не раздумывая ни секунды решила я, и как только эльф кивнул, соглашаясь с этой мыслью, снова попыталась сесть в постели, на этот раз успешно. – Я в порядке. Отведи меня к ним!

– Сначала еще вот этот отвар... и вот этот. Чтобы ты не свалилась по дороге от слабости, и чтобы твой голос был хоть отдаленно похож на тот, который знают твои дети, – непреклонный изверг влил в меня

два здоровенных бокала травянистой гадости, но, как бы меня не кривило, чувствовать себя я действительно стала лучше.

Потом меня быстро и бесцеремонно одели в какой-то длинный халат с запахом, обули (рехнуться, эльф! ЭЛЬФ! Опустился перед кроватью на одно колено и своими руками надел на меня матерчатые туфли без каблуков), и только после всего этого позволили встать, опереться на его плечо и выйти в коридор.

Судя по всему, была глубокая ночь, и поместье словно вымерло. Слава богу, нам по пути никто не встретился. Даже у той самой заветной двери не дежурил ни один мститель.

– Мне пришлось сделать вид, что я полностью встал на сторону своих эльфов, – пояснил Эльре, совершая какие-то сложные пассы руками. – И наложить на дверь охранные заклинания, чтобы преступники не сбежали. Это позволило контролировать обстановку, и следить, чтобы мстители не пустили ядовитый газ в кладовую. Ведь там “в заложниках” мой племянник!

Я молча кивнула, дождалась приглашающего жеста и постучала в дверь:

– Катюшка! Открой, Котенок, это я! Только быстро!

За дверью вскрикнули, завозились, заплакал Никитка, за ним Шику... меня шатнуло и эльфу пришлось подхватывать меня на руки.

– Маам? – хриплым полупшепотом переспросила Катюшка, и я поразилась, что так хорошо ее услышала – на вид дверь была толстенная. Господи, да сколько же еще будет валиться на мою бедную дочь, в третий раз меня чуть ли не у нее на глазах убивают! Нет, надо срочно отправлять их к отцу, Леша сумеет позаботиться о дочери и ее семействе. А мы с Никиткой как-нибудь выберемся...

Все эти мысли пронеслись в голове буквально за доли секунды, пока я выворачивалась из объятий Эльре и прижималась к двери:

– Котенок, все хорошо. Помнишь красный свитер? Чебурашкин? – выдала я первое, что пришло в голову из воспоминаний о ее детстве. Ребенку надо было дать понять, что это действительно я, а не эльфийская ловушка.

За дверью всхлипнули и загремели засовом. А меня вдруг молнией пронзило подозрение – а с чего я так доверилась ушастому?! Почему даже не задумалась, что с моей помощью он может выманить детей из укрытия и отдать своим эльфам?!

От этого мгновенного ужаса взмокла спина и ослабли колени. Я медленно обернулась и наткнулась на усталый, горький какой-то взгляд. Он даже не сказал ничего. Просто стоял, сложив руки на груди и смотрел на меня, кривя губы в невеселой усмешке. А мне с чего-то вдруг стало так стыдно... я же его чувствую. Почему-то, отчего-то, непонятно как, но чувствую! И он не лгал, он действительно хочет спасти мою дочь. Правда, при этом совсем не прочь отправить неожиданный придаток ко мне куда-то подальше... но зла он им не желал и не желает.

Я быстро отвернулась. Мне не нравилось то неясное чувство, что шевелилось в душе при взгляде на эльфа. Оно казалось таким моим, родным, теплым, что поневоле настораживало.

Дверь между тем с лязгом распахнулась и выскочившая дочь вцепилась в меня, обхватила, прижалась лицом к груди... но не заплакала. Довели ребенка, скоты ушастые!

У нас почти не было времени на разговоры. Змеезять и сам все понимал, с ним о чем-то быстро пошептался эльф, после чего было решено передислоцироваться в загон с шархушами. Я несла на руках крепко обнявшего меня за шею и непривычно молчаливого Никитку, Катерина незнакомым и при этом привычно-ловким жестом закинула на закорки змееныша, мужчины с оружием как-то без слов пристроились впереди процессии и позади нее... прямо военное отступление. Поневоле вспомнился Лешка... и сердце привычно уже защемило.

– Котенок, слушай меня внимательно, – я на ходу пристроилась сбоку от дочки, и быстро зашептала ей, следя, чтобы эльф в этот момент не оглянулся. – Куда бы он вас не отправил, отходите от поместья на пару тысяч шагов и быстро меняете направление. Вам надо на восток до большой роци, там найти три сросшихся дерева, влезть на вершину и привязать там любую яркую тряпку. И ждать.

– А ты... не с нами?! – так же тихо, но с ледяным отчаянием переспросила дочь, даже не глядя на меня. Ох, как же я ее сейчас понимала! Почему, ну почему моя девочка должна взрослеть так рано и так больно?!

– Я приду к вам позже, я обещаю! – жарко зашептала я, сдерживая слезы. Если даже Котенок не плачет – я точно сдержусь. – Сейчас надо спасти тебя и твоих мужчин, понимаешь? Вы все в опасности.

Дочь кивнула и опустила голову, глядя под ноги. Бедна моя...

– Котенок... продержись еще немножко, родная! – проглотив комок в горле попросила я. – Главное сделай так, как я сказала... и ничего не бойся. За вами придет папа.

Мне пришлось подхватить дочь под руку, чтобы она не упала. Огромные, золотисто-зеленые глаза Катюшки стали еще больше от потрясения, но я еще раз убедилась, насколько моя дочь повзрослела за это время. Она почти мгновенно взяла себя в руки и кивнула, пряча и слезы, и потрясение, и ликование.

– Он сам вас найдет и даст знак, чтобы ты его узнала. Папа стал орком, – еще успела шепнуть я, пока эльф отодвигал тяжеленный засов на воротах в шархушник. А раньше этого запора не было. Плохой знак. И правильно, что я отправляю собак подальше отсюда.

– Папа всегда был орком. Он сам так говорил, – тихо хмыкнула дочь, вспомнив Лешкино увлечение какой-то компьютерной игрой, и я поняла, что она окончательно поверила в то, что отец нашелся и ждет их. И все будет хорошо. И мы будем вместе... осталось только мне самой в это поверить.

Найда едва не сбила меня с ног, кинувшись навстречу, и я позволила себе секундную слабость, спрятав короткие слезы в ее жесткой шерсти. Но долго обниматься и страдать было некогда. Серыми тенями беглецы выскользнули через секретный ход, о котором, как я поняла, вообще никто не знал, кроме хозяина. Я даже не успела толком обнять их на прощание – рассвет неумолимо приближался и надо было спешить.

– Найда, охранять! – скомандовала я, подтолкнув застывшую рядом со мной собаку. – Охранять!

Тихо, почти неслышно подскуливающая умница резко подобралась, бросила на меня последний взгляд послушно рванула с места. Вся стая канула в темноту вслед за детьми, бесшумно и настороженно, копируя поведение альфа-самки. Это немного успокаивало – даже для вооруженных эльфийских егерей стая шархи – очень серьезный противник.

Некоторое время мы с эльфом еще вслушивались в ночь, чтобы убедиться, что побег прошел незамеченным. Потом Эльре поудобнее перехватил уснувшего у него на руках Никитку, одним лаконичным и

явно магическим жестом закрыл проход в стене и посмотрел на меня. Глаза у него были усталые и... живые. Совсем не эльфийские.

– Пойдем, михеле. Нам всем нужен отдых, – очень тихо сказал он, обнимая меня за плечи и направляясь к дому. И я... не отодвинулась. Удивилась сама себе, но послушно прислонилась к его теплому боку и пошла рядом.

Никем не замеченные, мы добрались до моей спальни, уложили ребенка в постель и перебрались на кушетку к окну. Странно, но все это мы проделали почти в полной тишине, без слов понимая друг друга. И только забравшись на мягкий диванчик с ногами и обняв подушку, я, наконец, внимательно посмотрела на совершенно непохожего на себя эльфа и решила:

– Нам надо поговорить. О многом.

Эльре откинул голову на стену и посмотрел на тонкую розовую полоску, зарезавшую серое небо на востоке. Криво усмехнулся и потер лицо руками.

– Все сложно, птичка. Я и сам уже не понимаю, как умудрился во все это вляпаться.

– Значит, начни сначала, – я прижалась к подушке щекой, но при этом упрямо не отводила от него взгляда. – Начни с того, как мы сюда попали и зачем тебе понадобился мой сын.

– Хорошо, – эльф устало вздохнул и взъерошил и без того растрепанную шевелюру. – Хорошо, птичка... мой старший брат и его жена погибли, пытаюсь привязать древние артефакты рода к крови своего сына. Наш род ослаб и потерял былое влияние, потому что силы и магии не хватало для инициации, а без артефактов мы для совета никто, слабосилки без права голоса. Я не знаю, что пошло не так. Когда я примчался в поместье они были уже мертвы, а ребенок превратился в овощ. Его кровь все еще была достаточно сильна для ритуала, но душа... необратимо уничтожена.

– И ты реши свою проблему за счет моей семьи, – кивнула я, чувствуя, что сил злиться уже нет.

– Да. Мне нужна была сильная душа ребенка, мальчика. Я все рассчитал, – и снова эта его кривоватая улыбка, делавшая совершенную эльфийскую маску похожей на живое, человеческое лицо. – Все, кроме тебя.

Глава 38

Он вдруг резко и неожиданно качнулся ко мне, поймал за руку, дернул на себя и опомнилась я уже у него на коленях, крепко стиснутая, прижатая спиной к его груди, чувствуя, как горячее мужское дыхание согревает кожу на шее. Эльре уткнулся лбом мне в плечо и глухо проговорил:

– Я тебя никогда не отпущу, михеле, ты должна это знать. Ты моя. То, что твой... муж жив и тоже в этом мире не имеет значения. Ты останешься со мной.

– Может, стоит спросить для начала, что я об этом думаю? – с раздражением в голосе ответила я, и сделала попытку вывернуться из его объятий.

– Я спросил бы! – горьковато усмехнулся эльф и сжал меня крепче, не позволяя вырваться. – Если бы не знал ответ. Я же не слепой. И потому – нет, михеле. Я тебя ему не отдам. В конце концов, теперь ты МОЯ жена.

– А вот с этого места подробнее, пожалуйста! – Лешкины уроки даром не пропали, да и рассердилась я прилично. Так что локтем поддых эльфа получил не шутя, охнул, выпустил меня и тихо рассмеялся:

– Злая птичка... вернись, тогда расскажу.

– Мне и отсюда все прекрасно слышно, – фыркнула я на него, снова устраиваясь на другом конце дивана. – И нет! Сиди где сидишь!

– Я всегда знал, что жена это домашний тиран, – Эльре продолжал шутить, но получалось у него как-то невесело. – Михеле, ты умирала. Я провел ритуал единения душ. Даже если мы оба умрем и родимся снова, нас все равно рано или поздно притянет друг к другу. Смирись, теперь ты моя навсегда.

– Это мы еще посмотрим, – машинально ответила я, глубоко задумавшись и стараясь вспомнить подробности своего сна, где эльф и Лешка были вдвоем и вдвоем вытаскивали... меня... значит это был не сон! И...

– Так ведь Лешка нас обоих вытащил! – я потрясенно распахнула глаза, глядя прямо на эльфа. И только поэтому успела заметить, как его перекосило – он почти мгновенно спрятал эту эмоцию за другими.

– Это ничего не значит, михеле. Ритуал проводил я, и...

– А я чувствую, что ты врешь! – сама не ожидала от себя такой пронизательности, потому и возглас прозвучал не обвиняюще, а

скорее растеряно. – Ну врешь ведь! Зачем?!

Эльре резко отвернулся и неразборчиво, но очень эмоционально выругался. Опустил голову, занавесился своей гривой... и только через минуту встряхнулся и глянул на меня и подлобья. Усмехнулся:

– До сих пор не понимаю, как я умудрился так... вляпаться. Я! всю жизнь считал, что сопли с сахаром – это сказки для умственно недоразвитых человечек. Что ты со мной сделала, михеле?

– Я?! – нет, это не эльф, это... – Я сделала?! Я этот ваш хренов ритуал проводила... два раза?! – хорошо, что у меня под рукой была только подушка, иначе я бы этого идиота убила. И сына разбудила бы грохотом. А так только наволочка по шву лопнула, пока ушастый придурак меня не поймал, не отобрал подушку и не повалил на кушетку, разом пресекая все мои злобные брыкания. Он меня так стиснул, что я и шевельнуться не могла, и поцеловал. В шею. И еще раз... и... Прижался лицом к моему плечу и глухо простонал:

– Лучше не провоцируй меня, михеле, иначе я за себя не отвечаю. Аррасрашш! Этого не могло случиться со мной! Просто! Не! Могло!

Я тут же замерла, затихла, как мышка, пойманная в когтистые лапы кота. И не потому, что испугалась его. Я испугалась себя.

Для меня во всех мирах и всегда существовал только один мужчина. Я хотела только его, я мечтала только о нем, горела только в его руках, боялась и молилась только за него одного... и сейчас на секунду, ни на один оттенок мои чувства к нему не изменились. Как же так получилось, что теперь их стало двое?!

Это было неправильно. Я этого не хотела и не собиралась сдаваться. И даже в самой глубине души не собиралась признаваться себе, что вот этот чертов идиот, эта ушастая самоуверенная скотина, виновник всех наших несчастий неожиданно открылся для меня вторым миром, горьким, сумасшедшим, эгоистичным и бестолковым... притягательным, как наркотик. Он был так не похож на Лешку... настолько не похож, что меня затащило в этот водоворот раньше, чем я успела отреагировать.

И что теперь?! А ничего. Наркотики – зло, я это знаю твердо. Поддаться ему – это предательство по отношению к мужу. Как бы не манила эта яркая до боли неизвестность по имени Эльре – нет. Нет. Но почему же тогда так больно-то?!

– Я подожду, михеле, – неожиданно хмыкнул мне в шею эльф и отпустил меня. Отстранился, снова пересел в другой конец дивана. – Я умею ждать... а времени у нас теперь много.

Я торопливо отползла к самой спинке дивана и цапнула в объятия другую подушку. Не, пусть ждет, конечно. Ждун... так зато больше шансов, что Лешка, когда до нас доберется, его не убьет. Все же почему-то мне отчаянно не хотелось, чтобы это ушастое недоразумение погибло.

– Ладно, с меня на сегодня хватит. И так слишком много всего... – я поуютнее свернулась вокруг подушки. – Завтра договорим. Только имей в виду! Меня можешь ждать сколько угодно, а своего сына я близко не подпущу ни к каким твоим артефактам! Один раз вы ребенка уже угробили, и...

– Кхм... – поперхнулся воздухом эльф. – Михеле... – он как-то подозрительно быстро встал и отошел подальше. – Пока тебя не было, мне пришлось... Твой сын уже прошел через ритуал и принял перстни силы. Он теперь полноправный наследник рода Даралир, и...

Когда в стену над его головой ударил огненный шар, этот ушлый нелюдь уже был готов и рыбкой нырнул за кровать, на которой спал Никитос. Самое удивительное, что ребенок даже не проснулся, хотя хлопок был громкий, и в комнате завоняло палеными тряпками – на стене осталось опаленное пятно величиной с волейбольный мяч.

– А ну вылезай, с-сволочь! – зашипела я, и попыталась обойти кровать, но по дороге отвлеклась на сына, не в силах удержаться и не проверить лишний раз, что с ним все в порядке. Ну и что, что два часа назад он был здоров! Мало ли!

– Михеле, я уже могу что-то сказать в свое оправдание, или ты еще не остыла? – поинтересовался из-за кровати эльф и получил подушкой, полетевшей на голос.

И это вовсе не потому, что я его простила, а потому, что первый раз я пальнула огненным шаром в невменяемом состоянии, и теперь просто не знала, как повторить. Скотина ушастая! Он посмел рисковать моим сыном!

Кончики пальцев начало покалывать, и я уже совсем было решила довести дело с изничтожением ушастых гадов до конца, но тут в кровати завозился и хныкнул Никитка. И я мгновенно забыла обо всех скотах на свете.

Подхватив сына на руки, я быстро и незаметно его ощупала, одновременно укачивая. И мысленно прокляла свою невнимательность: у Кукушонка на обеих руках действительно появились совершенно неуместные для ребенка украшения. Два крупных перстня из белого металла, один с черным плоским камнем, другой с таким же, но белым. Оба перстня сидели как влитые на детских пальчиках и категорически не хотели сниматься. А, главное, подружившись, я вспомнила, что перстни уже были на сыне, когда я лежала и поправлялась после оркского плена. То есть, ушастый провернул все это дело довольно давно и вроде бы Никитосу это не повредило. И срочно сдирать украшения с сына вроде бы не требовалось. Да он и не давал их снять, снова захныкал и спрятал руки за спину:

– Мое! Мама, мое!

– Прости, михеле... – я и не заметила, как ушастый диверсант выбрался из своего убежища и теперь стоял у меня за спиной. – У меня просто не было другого выхода. Иначе я не смог бы забрать тебя у орков, а кроме того, твоя дочь и даже твой сын были в опасности. Мне пришлось форсировать события. Если бы была возможность, я ни за что не стал бы рисковать твоим ребенком и... последней надеждой возродить мой род.

– Уйди с глаз моих, не доводи до греха, – попросила я, покрепче обнимая Никитку. Он меня успокаивал. Иначе убила бы эту эльфийскую су... собаку женского рода. О любви он мне тут распибался...

– Михеле, я не буду долго оправдываться, – после паузы глуховато сказал эльф мне в спину. – Только факты. Я член эльфийского совета от егерского корпуса. Это дает мне право голоса в военных вопросах. Но я никто и звать меня никак без сильного рода за спиной. Без наследника с артефактами силы. Я не смог заставить совет пойти на уступки оркам без этого ритуала. Я не смог бы уберечь семейку эраорту от вассалов рода без подтверждения власти. Я много чего не смог бы... прости.

Я зарылась лицом в Никиткину теплую пижамку и вдохнула нежный, успокаивающий запах ребенка. Потискала его немножко, так что Кукушонок пискнул и захихикал. Потом обернулась, все еще держа сына на руках и испытывающе посмотрела на эльфа. Глаза в глаза.

Эльре и не подумал отводить взгляд, только чуть сжал губы. Я смотрела на него и думала: да, он образцовая ушастая скотина и ничуть не изменился со времени нашего первого знакомства. Манипулятор, эгоист и просто сволочь.

Но если не считать нашего попадания в этот мир, Эльре еще ни разу не сделал ничего по-настоящему плохого ни мне, ни моим детям. Вытащил с арены, выкупил, бодался с советом своим... не позволил причинить вред Катюшке после убийства отравительницы. Отпустил мою дочь и ее маленькую семью, дал им достаточно денег и отправил вслед шархи...

И он пошел за грань, чтобы вернуть меня. Похрен, если честно, из каких соображений он это сделал. Я и не собираюсь обманываться на его счет или растекаться лужицей от эльфийской любви. Но и устраивать ему варфоломеевскую ночь с файерболами будет уже свинством. Один раз промахнулась – и достаточно.

Наверное, он что-то понял по моим глазам. Потому что немного расслабился, подошел и осторожно приобнял за плечи:

– Отдыхай, михеле. Ложись вместе с ребенком, так вам обоим будет спокойнее, и спи. Я прикажу тебя не будить. За дочь не беспокойся, как только они исчезли отсюда, опасность миновала. Я использую их побег, чтобы объявить осадное положение и ни один эльф не посмеет покинуть поместье без моего приказа. Спи, птичка... – Эльре наклонился и поцеловал меня в лоб, потом стремительно развернулся и исчез за дверью.

А я... а я сделала ровно так, как мне велели. Улеглась на кровать в обнимку с сыном и почти сразу отключилась. Даже для меня этого вот всего было слишком много...

Глава 39

Следующие несколько дней прошли относительно спокойно. Эльре был занят, наводил порядок среди вассалов, судя по всему, гонял их в хвост и гриву, а кого-то и того... во всяком случае, капитан гарнизона точно поменялся. Куда он прежнего дел, я не знала, и спрашивать не стала. Эльре только очень недобро прищурился, вскользь упоминая о переменах в поместье.

Я занималась сыном, много отдыхала – все же такие приключения даром не проходят, а меня еще и травили. И все бы ничего, если бы

внутри все туже не сворачивалась пружина страха, нетерпения и беспокойства.

Мне до обморока, до судорог и неконтролируемых рыданий в темном углу, где никто не видит, хотелось хотя бы узнать, как там мои. Я изо всех сил верила в то, что Катюшка встретилась с отцом и все хорошо. Но мне нужно было знать наверняка.

К концу следующей недели я стала нервной, плаксивой и снова начала чахнуть. Эльф, каждый вечер проводивший в нашей с Никитосом комнате, хмурился и обещал, что скоро осадное положение будет снято, он вот-вот додавит жалкие остатки оппозиции и...

Мне кажется, все он понимал. Иногда я ловила на себе его внимательные взгляды, и едва могла сдержаться, чтобы не бросится к нему, и не зареветь прямо в его роскошную шелковую рубашку. И только идиотизм ситуации – рыдать в эльфа, жалуясь на... эльфа, меня останавливал.

Эльре не давил, не форсировал, просто потихоньку увеличивал свое присутствие в нашей с сыном жизни. Исподволь, вкрадчиво. Приручал, без нажима или насилия, но я в какой-то момент поймала себя на том, что... привыкла? Привыкла к тому, что он читает с нами детские книжки про маленьких эльфиков, слушает мои сказки про Незнайку, хвалит Никиткины каракули и с очень серьезным лицом обсуждает с ним, какая лошадка лучше – черная или рыжая. Он приносил орехи и конфеты, книги и игрушки... а если на меня нападало настроение “все плохо, уйдите все противные” – молча устраивался в кресле у окна и читал там свои деловые бумаги, что-то писал и зачеркивал, искоса поглядывая на нас с Никиткой. Р-р-р! Кто бы знал, как он бесил меня этой своей внезапной идеальностью!

– Михеле, тебе надо развеяться, – заявил он как-то вечером, поняв, что я с каждым днем все больше становлюсь похожа на свою предшественницу в этом теле – брюзгливую и злобную ведьму. – Хочешь, завтра съездим в город?

У меня перехватило дыхание. Неужели?! Господи, только бы не выдать себя... только бы он не догадался, что я хочу не просто смены впечатлений и новых платьев!

Вроде бы пронесло и Эльре принял мой энтузиазм как должное. Пообещал завтра освободиться к полудню и устроить мне грандиозный шопинг. Под это дело незаметно отжал у меня расческу и

сам принялся расчесывать мне волосы. А, да! У меня снова были длинные волосы. Эльфийский эликсир стоил каких-то сумасшедших денег, как я поняла, но кое-кто то ли действительно решил, что я травмирована своей экстремальной стрижкой, то ли сам предпочитал женщин с длинными волосами.

Так или иначе, я не стала отбиваться. Хочет чесать – пусть чешет. Мне главное дожить до завтра и попасть в одну маленькую книжную лавочку в северной части рынка!

Ох, кто бы знал, чего мне стоило не трястись от волнения, не бежать со всех ног впереди паланкина, в котором мы путешествовали, и не покусать милейшего дядечку-торговца, продававшего роскошные шелка для настоящих леди. А потом была обувщик, и ювелир, и магазин игрушек для Никитки... внутренне воя от напряжения и обострившегося страха, я все же сумела спрятать визит в нужную лавку среди десятка других, ничего не значащих.

Когда я, стараясь сдержать дрожь в руках, и перебирая модные романы на прилавке, словно невзначай взяла с самой крайней полки в углу помещения яркую книжку с картинками, больше похожую на детский журнал комиксов, мне понадобилось все мое самообладание, чтобы небрежно сунуть ее в кипу других покупок, и не начать судорожно перелистывать тут же, на месте.

Но я сумела. И даже не сразу попросилась домой, сославшись на усталость – еще около часа мы бродили по рынку в сопровождении десятка эльфийских мечников в полном боевом облачении. Эльре покровительственно улыбался, а сам смотрел вокруг взглядом затаившегося хищника, ожидающего удара. И явно вздохнул с облегчением, когда я заикнулась об усталости.

Как мы добрались до поместья, я помню очень смутно. Нетерпение буквально сжигало меня изнутри. Объявив, что мы с Никитосом утомились и прямо сейчас хотим прилечь, я небрежным жестом подхватила стопочку романов ретировалась в комнату. И все, терпению моему пришел конец. Отбросив ненужную макулатуру, я вцепилась в ту единственную книгу, которая интересовала меня больше жизни.

Через пять минут я уже счастливо всхлипывала, откинувшись на подушку рядом с прикорнувшим сыном. Вслхлипывала и улыбалась.

Это была Лешкина идея. Мы о многом заранее договорились. В том числе и о том, как найти в нужной книжке ключевую картинку-послание. Как муж собирался подсунуть весточку в определенную лавку на определенную полку – об этом мне велено было не думать. Есть способы.

И вот теперь я, вытирая счастливые слезы, рассматривала серию картинок-комиксов про приключения... котенка, крокодильчика и Большого Серого Волка с эмблемой спецназа на лбу.

Все получилось! На серии картинок счастливый маленький Котенок с визгом повисал на шее у Большого Серого Волка, а зеленый крокодил держал за руку маленького крокодиленка и с опаской косился на Волка. Волк обнимал Котенка, и мысленно представлял, как большой волчий кулак с силой бьет Крокодилу в глаз, рисуя там большой фиолетовый фингал. Но это были так, остатки папиной строгости, на следующей картинке Котенок вместе с Крокодилом уезжали в закат под охраной стаи волков, а мохнатая болонка в ошейнике с надписью “Кнопка” смиренно сидела за декоративным заборчиком рядом с будкой и смотрела, как Большой Волк подбирает ключи к замку на калитке.

Послание было яснее ясного. Все живы. Дети в безопасности. А мне надо просто ждать.

Кстати, в книжке была еще одна картинка, глянув на которую я быстренько ее захлопнула и воровато засунула под подушку. Мне показалось, что кое-кто, увидев это художество, непременно догадается, что... хм... не все так просто в этой сказке.

На картинке радостно оскалившийся волк поймал длинноухого раскосого зайца с эльфийскими глазами и, раскрутив за уши, зафинтилил его на геостационарную орбиту.

Глава 40

Все бы ничего, если бы не эта странная связь, которой первое время я не предавала значения. Ну говорил эльф что-то о том, что мы теперь не просто женаты, а связаны на веки, ну и мало ли... что он мог сказать. Правда, я сама начала замечать, что неведомым образом почти всегда знаю, когда он там за своей каменной физиономией злится, нервничает, пытается что-то скрыть или просто грустит. Или же спокоен и даже тихо посмеивается про себя. Но мыслей у меня в

голове было столько, что эти затерялись на общем фоне и я не заостряла на них внимания... а зря.

Эльре мгновенно почуял смену моего настроения, как только появился вечером того же дня, чтобы уже привычным порядком провести вечер со мной и сыном. Ничего не сказал, но смотрел очень внимательно. Очень... и я, в свою очередь, уловила, как он насторожился, словно хищник, почуявший конкурента на своей территории.

Но он ни о чем не стал спрашивать ни меня, ни Кукушонка. Сделал вид, что ничего не произошло. А я, хотя и занервничала на его счет, перестать чувствовать облегчение и счастье по поводу дочери и мужа просто не могла.

Все было относительно спокойно до вечера следующего дня. Днем в поместье приехала портниха с помощницами, чтобы снять с меня мерки, и приступить к пошиву кучи каких-то совершенно ненужных мне нарядов из тех шелков, что мы накупили на рынке. Она оккупировала одну из больших комнат по соседству с нашей спальней, и почти до сумерек продержала меня там в качестве манекена, без конца драпируя в разноцветные тряпочки и вслух восхищаясь моей красотой. Я улыбалась и помалкивала, радуясь про себя тому, что две трети того, что Эльре стремился закупить я отвергла еще там, в лавке. Два десятка платьев – это уже перебор.

Когда я вернулась в комнату, первое, что я почувствовала, это как превращаются в желе и подкашиваются коленки.

Эльф сидел на диванчике, держа на коленях Кукушонка и вместе с ним разглядывал очень интересную книжку с картинками...

– А ета какади-ил! – тыкал пальцем в картинку маленький предатель. – А ета-а Кая. А ета папа! Матли!

Господи ты боже мой, ну почему дети такие умные когда не надо?! Мне одного взгляда на сынулю хватило, чтобы понять, кто вытащил из под моей подушки тщательно припрятанную книжонку и предложил эльфу развлечься! Дура сентиментальная, ведь знала, что картинки надо уничтожить, но понадеялась непонятно на что, поддалась желанию подержать дорогое художество в руках подольше. Вот теперь и расплачивайся, нечего на ребенка пенять!

– А ета ты! – триумфально заключил сыночка, в очередной раз ткнув пальцем. Эльре посмотрел очень внимательно, а потом поднял

на меня прищуренные глаза. И мне стало по-настоящему дурно.

Вот прямо по-настоящему дурно, поэтому я даже не видела, как эльф мгновенно передал Никитку непонятно откуда выскочившей няньке, как успел поймать меня до того, как я хлопнусь затылком об пол...

Пришла я в себя уже лежа на кровати, от резкого запаха какой-то дряни, подsunутой мне под нос. Открыла глаза и тут же зажмурилась обратно, потому что эльфийский прищур никуда не делся.

– Зайчик, значит? – спросил он как-то так многообещающе, что я моментально попыталась просочиться сквозь матрас, чтобы затаиться где-нибудь под кроватью. А еще лучше сразу в подвале.

– Посмотри на меня, михеле, – ласково так попросил эльф. Я зажмурилась еще крепче и отрицательно замотала головой. Так страшно в его присутствии мне еще ни разу не было. – Посмотри на меня, птичка... и скажи, когда ты успела не только найти своего мужа в этом мире, но и договориться о побеге?

Нашел дурочку. Буду молчать, как белорусская партизанка на допросе. В конце концов, я ничего плохого не сделала, и вообще имею право на свою семью, а он... а он... а почему мне не только страшно, но еще и стыдно?! Словно я обманула доверие близкого человека...

– Ты забыла очень важную вещь, птичка, – продолжал между тем эльф, вкрадчиво и непередаваемо жутко играя голосом. – Я говорил тебе о ней, но ты не придавала ей значения. Ты моя жена, Натаэль. Не просто по названию, а по сути. Наши души теперь связаны. И я могу не просто улавливать твое настроение, я чувствую малейшие его оттенки. Как и ты мои, верно? Так что же ты хотела скрыть? Что твой муж – орк? Посмотри на меня, Натаэль! Сейчас же!

И он так меня встряхнул, что я вскрикнула и невольно распахнула глаза. И встретилась с ним взглядом, мгновенно провалившись вглубь его зрачков, как в бездонный колодец.

Какой-то безумный киномеханик включил быструю обратную перемотку моей жизни, и перед глазами замелькали кадры недавнего прошлого. Эльре, Кукушонок, Катюшка... Лешка. Леша, Лешенька...

И вдруг мелькание кадров резко прекратилось. Глухой, тяжелый удар обрушился на поместье, заставив стены содрогнуться. Нас обоих сбросило с кровати и унесло куда-то в угол, причем Эльре умудрился

как-то так сгруппироваться, чтобы принять удар на себя, а меня спрятать в своих объятьях.

И еще удар! Внешняя стена комнаты пошла трещинами и на глазах стала рушиться. Я закричала и рванулась к двери, за которую нянька унесла Кукушонка. Но не успела. В огромную дыру в стене просунулась красная, здоровенная лапа какого-то чудовища, отшвырнула с дороги эльфа и, схватив меня за платье, поволокла наружу.

Глава 41. Два месяца спустя

Дверь открылась, впуская облако морозного воздуха и высокую мужскую фигуру, закутанную в меховой плащ.

– Ну что? Все готово? – эльф скинул капюшон и подошел к столу.

– Я хочу все еще раз перепроверить. Мы не можем рисковать ее жизнью.

– Ты понимаешь, что время уходит? Зиккурат растет, скоро тварь прорвет ткань мира и унесет ее на свой план. И мы уже ничего не сможем сделать.

– Я все понимаю! – высокий мускулистый орк грохнул кулаком по столу и поднял на эльфа невероятно усталые глаза. – Но если Наташа погибнет в результате нашего штурма...

– Она по крайней мере не станет игрушкой демона на целую вечность, – неожиданно так же устало отозвался эльф. – Демон держит ее в бессознательном состоянии, но она еще жива... я ее чувствую. Как и ты. Мы оба сделаем все, что в наших силах, чтобы вытащить ее оттуда.

– Кто бы мог подумать, – криво усмехнулся орк, вынимая из стола два стакана и небольшую плоскую бутылочку. – Что мы так сработаемся.

– Точно не я, – мрачно отозвался эльф. – Укрепляющий бальзам? Сколько ты уже не спишь?

– Не важно. Давай по одной и еще раз проверим расстановку.

Они молча выпили и склонились над заваленным бумагами столом. Но прежде чем приступить к расчетам, каждый почему-то вспомнил все, что случилось за эти два месяца...

Вопреки разговорам, Алексей вовсе не собирался второй раз использовать демона. Ему хватило того, что при первом штурме эльфийского поместья едва не погибли его дети. И подвергать

опасности жену и сына он не собирался ни под каким видом. Лучше выждать, обдумать, подготовить новый план, перетерпеть боль разлуки и побороть дикое желание просто увидеть свою Кнопку. Его умница поймет и дождется.

Он уже и так чуть было не потерял ее снова, когда этот недоделанный эльф позволил отравить Наташу. К дьяволу бы всю эту магию, но именно она позволила ему прийти на грань и... очень зря ушастый надеялся кого-то провести, военный шаман степных орков прекрасно видел сформировавшиеся связи, правда и сам ни капли им не обрадовался. Чертов ушан все же сумел привязать к себе Кнопку, но и сам оказался привязан. К Наташе, как жене и к вытащившему его за шкварник, как пакостливого кота, Алексею.

Связь сформировалась и закрепилась, и именно благодаря ей уже кое-что освоивший из шаманских техник Лош"ех точно знал, что его Кнопка в безопасности, а дурной эльф все еще ходит кругами и пытается приручить чужую... черт, теперь уже не такую уж чужую жену.

И все шло по плану, пока не вмешался непредвиденный фактор. Несколько молодых воинов-орков и одна орчанка. Придурки решили, что лучше знают, что в этом мире истина, а что морок, и как должен поступать их военный шаман.

Как же, коварная магичка неведомым образом пленила разум надежды орков, и теперь он планирует самоубийственный и ненужный рейд в развороченное осиное гнездо, чтобы снова сойтись с тварью.

У молодых идиотов хватило ума промолчать о своих выводах и составить собственный план. Использованный при первом штурме демон был заключен в сферу духа и хранился в сокровищнице общего дома. Эту сферу заговорщики и выкрали, чтобы одним ударом стереть с лица земли мерзкую ведьму, а заодно и все эльфийское поместье целиком... ведь вторично выпущенный демон будет не только гораздо сильнее, но и гораздо злее!

Они все правильно рассчитали, и брошенная с помощью примитивной катапульты сфера разбилась о стену дома. Огненный демон вырвался на свободу, и уже начал крушить поместье, когда почуял огненного мага. Магиню... сильную, не обученную и нерастраченную.

Вопреки дурацким сказкам демон вовсе не был безмозглым существом. Ума у него было побольше, чем у некоторых, как и желания побыстрее свалить из “гостеприимного” мира, куда его выдернули с помощью ритуала. И родственная сила молодой магички позволила бы ему усмирить собственное пламя, закуклиться и начать возводить так называемый зиккурат – врата, с помощью которых можно было прорвать ткань миров.

Эльре прекрасно помнил этот жуткий момент, когда когтистая лапа демона смела его с дороги, и он мог только бессильно наблюдать за хохочущим чудовищем.

– Огненная! Огненная! Я заберу тебя себе, смертная! Теперь ты моя!

А потом все кончилось... на первый взгляд. Демон перестал крушить поместье, стряхнул с рук остатки кирпичной стены, бережно пристроил свою драгоценную добычу на плечо и исчез в языке пламени... только зачем-то спалил заповедную рощу рядом с поместьем. А вместе с рощей – идиотов-заговорщиков.

Дальше все было горько, глупо и странно. Даже рассказывать об этом некому, потому что никто из мужчин не хотел даже вспоминать, как злой и отчаянный эльф нашел оркского шамана, как привел к нему собственного маленького племянника, наследника эльфийского рода и сына Натаэль. Как эти два закаменевших от горя мужчины сначала чуть было не убили друг друга. И как заключили вынужденный союз. И как искали демона. И как нашли...

И как вдвоем напились до положенных риз. А утром, подавая зеленоватому от похмелья эльфу ковш с рассолом, Алексей усмехнулся:

– Смотри, на человека становишься похож!

– Типун тебе на язык, орочье отродье! – глухо огрызнулся Эльре и тут же охнул, схватившись за голову.

– Слабак! – ехидно констатировал орк, старательно скрывая собственное не самое лучшее самочувствие. – Куда тебе жениться, салага!

– Уйди, клыкастое чудовище, – эльф встал с лавки и заковылял к столу. В малюсенькой полуземлянке, где они остановились на пути к горам, в которых засел демон, только и помещалось что пара скамеек и

это еле сбитое недоразумение с растрескавшейся столешницей. – Я с женой не орович самогон пить собираюсь, чтоб ты знал!

– А хрен тебе поперек морды и ничего больше кроме того самогона, – отозвался Алексей, плеская себе в лицо ледяную воду из кадушки. – Это моя жена. Будешь выступать, я живо вспомню, что ты тоже моя жена, понятно? – и орк так выразительно подвигал бровями, что эльф только злобно сплюнул и прекратил спор. Проклятый ритуал!

Они оба быстро оделись и выбрались из землянки в ослепительную горную зиму.

Остался последний шаг. Все было просчитано, ритуал готов, в заснеженной долине, где демон спрятался, чтобы между двух отвесных склонов поставить барьер, за которым рос зиккурат, собраны самые знающие шаманы оркских общин и самые высокооплачиваемые маги, которых нанял эльф.

– Начинаем! – Алексей в последний раз внимательно и придирчиво осмотрел со скалы узор разбросанных вокруг демонического купола ритуальных камней. Оглянулся, встретился глазами с эльфом и ударил огромной колотушкой в бронзовый гонг.

Медленный звон поплыл над долиной, впитывая в себя потоки силы от алтарей и шаманских бубнов. Маги сосредоточенно подхватили разлив силы, формируя его в острый клинок, нацеленный на демонский зиккурат. Еще один удар гонга... и еще... и еще!

Огромное, видимое даже невооруженным глазом, наполненное светом и силой острие резко упало вниз, разрубая защитные поля окуклившегося демона как бумагу.

Яростный рев сотряс долину. Огненный гость из преисподней отнюдь не обрадовался гостям.

– Давай! – яростно заорал Алексей, невероятным напряжением сил направляя, силовой клинок и не давая срастись краям защитного поля. – Твоя очередь, ушастый!

– Без тебя знаю! – огрызнулся Хаэльерель, сжимая в левой руке амулет переноса. Еще секунда и он сорвался с места, пронесся мимо орка и прыгнул с края утеса прямо в разверстую дыру на вершине купола.

Демон ревел и бился, огненные плети извивались змеями и бушевали внизу, стараясь перехватить и смять силовой клинок, только

бы не позволить ему разрушить почти достроенные ворота в другой мир. Лешка рычал от напряжения, но держал поток, на лбу и руках у него вздулись жилы, ноги уже дрожали, но он и не думал сдаваться. Он ждал... ждал.

И дождался. Негромкий хлопок, почти не различимый среди воя и грохота сражения, потом небольшое завихрение воздуха, и... на снег в двух шагах от шамана выпало женское тело, завернутое в меховой эльфийский плащ, и перехваченное ремнем, к которому был намертво прикручен амулет переноса.

– Молодец, ушастый! – заорал орк, на глазах словно наполняясь новыми силами. – Теперь сам! Ну!

Новый, еще более яростный и громкий рев едва не сбил Алексея с ног, и он был вынужден все силы сосредоточить на том, чтобы не дать демону вырваться. Сколько это длилось, трудно сказать. Маги постепенно сжимали ловчее кольцо, лезвие силы раз за разом обрушивалось на зиккурат, отбивая от него все более крупные куски, демон рычал и ревел... пока, наконец, магический клинок не пробился сквозь его последнюю защиту и не пришил к завизжавшее чудовище к расплавленному камню, как экзотического жука.

Рев и грохот постепенно стихли, демон еще пару раз дернулся и с обреченным стоном осыпался пеплом. Алексей тяжело облокотился на колотушку и вытер заливающий лицо пот рукавом, потом резко обернулся.

Наташа лежала на снегу спокойная, словно спящая. А эльфа рядом с ней не было...

– Кнопка! – Алексей подхватил жену на руки, быстро перенес подальше от края утеса, бережно уложил на приготовленные сани. – Просыпайся, девочка, давай! – он легонько похлопал женщину по бледным щекам, потом быстро достал из-за пояса фляжку и прижал к ее губам.

Секунда-другая, и Наташа вздрогнула, закашлялась, попыталась отпихнуть руки мужа, и, наконец, открыла глаза.

– Леш.. Лешка?! Ты откуда здесь?! – она попыталась испуганно оглянуться, увидела снег, горы, побледнела еще больше: – Никитос?! Где?!

– Все нормально, Кнопка. Никита дома, с Катей, ждет тебя. Все хорошо, Кнопка, все хорошо... – он обессиленно прилег на

застеленные шкурой сани рядом с женой и зарылся лицом в ее волосы, обнял, стиснул...

– Ох, Кнопка...

– Леш... – Наташа в свою очередь прижалась к мужу и спрятала лицо в его меховую жилетку. – Где мы? Что произошло? Когда это все кончится, а?! Я устала! Не могу больше... хочу домой, к детям! И жить спокойно, как нормальные люди! – голос ее все больше звенел, и, наконец, она разрыдалась.

– Поплачь, Кнопка, пусть, – приговаривал Алексей, баюкая жену. – Все уже, маленькая, все. Едем домой, там дети, там хорошо. И все будет как раньше, только еще лучше.

– А где теперь наш дом, Леш? – между всхлипами горько спросила Наташа. – Я уже не понимаю ничего...

– Где мы захотим, там и будет, – твердо заверил мужчина. – Сейчас дети под присмотром мудрых на дальнем стойбище. Там очень красиво и скоро весна... если захочешь, я построю там дом. Или выберем другое место. Главное, все живы и мы вместе.

– Все? – переспросила Наташа, прислушиваясь к себе, и Алексей тоже напрягся. Потом тихо выругался, подхватил жену на руки и быстро стал спускаться по тропинке в долину, к развалинам зиккурата.

Они нашли эльфа среди обломков. И то, только потому, что странная связь, возникшая между ними во время эльфийского ритуала, не дала им пройти мимо заваленной пеплом и камнями расщелины.

Алексей громким криком подозвал двоих оркских воинов, дежуривших неподалеку, и с их помощью вытащил из под обломков искореженное, обожженное почти до неузнаваемости тело.

Наташа, которая категорически отказалась уходить и сидела неподалеку на заботливо расстеленной шкуре, всхлипнула, зажала рот рукой и попыталась встать.

– Эх, ушастый... как же ты так?! – тихо спросил Алексей, склоняясь над эльфом. – Говорил же тебе, уходи сразу! А ты...

– Не дожدهшься! – обгорелое тело неожиданно дернулось и засипело. – Он следом за ней рванул, скот... пришлось держать... Михеле...

Алексей едва успел подхватить ринувшуюся к эльфу жену. Наташа опустилась рядом с Эльре на колени и, заливаясь слезами,

попыталась коснуться покрытой ожогами кожи на его лице, но не посмела, задержала руку.

– Не плачь, птичка, – Хаэльерель вдруг улыбнулся, отчего запекшаяся на его губах корка треснула и окрасилась кровью. – Эльфы существа живучие. Правда, в ближайшие триста лет я вряд ли буду тебе надоедать. С такими ранами можно выжить только впад в длительный восстанавливающий сон. Во время него я буду похож на куклу или статую, зато когда проснусь... орки столько не живут, а вот магини вполне! – и он попытался подмигнуть. – Главное, не забудь, что ты все еще моя жена, михеле!

– Идиот, – беззлобно констатировал Алексей. – Посмотрим еще, кто сколько проживет. Хрен с тобой, мумия горелая, будешь у нас семейной реликвией. Устроим тебе спальное место в подвале, где-нибудь между квашенной капустой и копчеными окороками. А через триста лет разберемся, кто чья жена!

Глава 45

В тот момент, когда красное, страшное чудовище вытащило меня из разрушенной комнаты, я испугалась почти до обморока и... разозлилась. Наверное, это был шок и адреналин, но когда рогатый урод завертел меня перед собой в вытянутой лапе, разглядывая как куклу, и проревел:

– Я заберу тебя себе, смертная! Теперь ты моя! – единственное, на что меня хватило, это проорать в ответ:

– Б...! Еще один?! Иди ты в ж...у, урод!

– Огненная! – чокнутый рогоносец обрадовался моим ругательствам, как дедсадовец новогоднему подарку. – Огненная! Настоящая! Арррааа!

– А ну пусти, козел, пока рога не обломала! – честное слово, в ту секунду я искренне верила в свои слова, плевать, что в сжатом кулаке чудовища я была похожа на воинственного пупсика. Файербол, который я тайком репетировала после разборок с эльфом, но так и не сумела воспроизвести, теперь сорвался с кончиков пальцев как сам собой, и прилетел в страхолюдную харю увесистой оплеухой.

– Ух-ха! Сильная! – снова обрадовался козлина, и, вопреки моим ожиданиям, не встряхнул и не шмякнул, а бережно прикрыл второй когтистой лапой. – Огненная девка! Моя!

– Хрен тебе поперек морды, сволочь рогатая! – крикнула я в запале и изо всех сил брыкнула его обеими ногами.

Демон вдруг прыгнул с места вверх и завис в воздухе над помещьем, все еще сжимая мое тело в кулаке. Я как в замедленной съемке увидела сверху панораму вокруг дома, высоченную стену, загон для шархушей, дорогу к городу, лесок сразу за стеной... и группу орков затаившуюся среди деревьев. А-а-а! Лешки там не было! Зато была та дура из фальшивого рабского каравана! И от нее прямо несло торжеством! Она... хотела... убить меня... и моего сына! Нна, скотина!

Прежде чем демонюка уволок меня неизвестно куда в вихре пламени, я еще успела разглядеть, что от рощицы, в которой прятались диверсанты, ничего не осталось, кроме выжженного на метр в глубину пятна. Зато эльфийский дом был цел, пострадала только одна комната, куда этот урод ломился целенаправленно. Значит, Кукушонок жив. Эльре тоже. Не пропадут. И очередные проблемы только у меня.

Но. Меня. Все. Вот. Это. Вот. Гребаное. Попадание. С приключениями. Окончательно. ДОСТАЛО!!!!

Сколько можно, вашу мать?! Какая ссс...ка издевается?! Кто, мать его, придумывает эти, мать их, бесконечные приключения с эльфами, козлами и демонами?! Поймаю – убью!

Самое странное, что чистая волна адреналина и дальше несла меня через демоническое пламя как на бешено летящих санях с горы. Я не боялась, не тряслась, не пыталась спрятаться, я готова была удушить демонюку голыми руками, не взирая на то, что для этого мне пришлось бы отрастить еще как минимум десять метров рук.

Напрасно рогатый, притащивший меня в какие-то горы, пытался приручить строптивного зверька, даже подкормить пойманным в соседней долине козлом, просунув его оторванную ляжку ко мне в клетку. Я не замечала ни голода, ни жажды, мне не мешал остроледяной ветер с соседней вершины. Я шарашила файерболом в ответ на любую попытку рогатого просто приблизиться к тому месту, куда он меня законопатил. И не могла остановиться, даже если бы захотела. Всепоглощающая, огненная ярость затмила все.

– Злая девка, горячая, – приговаривал козел, уворачиваясь от плазменных оплеух. – Сильная... вразнос пошла. Сгорит раньше времени. Нехорошо...

Я так и не поняла, что он сделал. Просто в какой-то момент, когда я готовилась зафинтилить очередным файерболом гаду в задницу, и азартно следила за ним, как кошка из засады, на меня со спины словно кто-то накинул плотное черное покрывало. И мир погас.

– Натаэль... птичка... просыпайся, родная! – горсть снега, прилетевшая мне в лицо, привела меня в чувство почти мгновенно. Что?!

– Вот и умничка, михеле, – Эльре склонился надо мной, быстро закутал в свой меховой плащ, стянул ремнем и выдохнул. Стремительно наклонился и поцеловал в губы, а потом оттолкнул от себя с резким выдохом, так, что я отлетела от взломанной клетки на метр и... увидела, как мне наперерез с ревом кинулся разъяренный демон, на пути которого встал этот... идиот...

И новая темнота погасила небо, а когда оно вернулась, меня сжимали теплые, надежные руки мужа. И я окунулась в его глаза. И голос слышала. И про детей...

А дальше... дальше у меня приключилась банальная истерика. Только я уже не швырялась огнем, а рыдала в мужа, как нормальная баба, а не чокнутая паяльная лампа. Ровно до того момента, как вдруг вспомнила об Эльре.

Идиот героический. Придурок. Эгоист ушастый!

Когда я увидела, во что превратился утонченный красавец-эльф после того, как заслонил меня от демона, меня опять затрясло. Я не знаю! Почему потерять его было так же больно, как если бы я теряла Лешку! Не знаю!

Я даже коснуться его не смогла – огромный ожог покрывал все тело. Дурак, дурак! Как же так... это неправильно... неправильно!

И даже их дурацкие мужские перешучивания с Лешкой (когда?! Они успели?! Спеться?!) меня не утешили. Ни в какой восстанавливающий сон я поначалу не поверила. И только когда Эльре, снова улыбнувшись мне растрескавшимися до крови обожженными губами, вдруг застыл, резко выпрямился и вдруг оказался внутри огромного, похожего на стеклянную призму, кристалла, я поняла, что он, возможно, не шутил.

Там, в глубине своего “хрустального гроба” он снова стал прежним, ожоги исчезли и этот долбанутый на все уши эльф стал

похож на спящего красавца из сказки. Придурок... триста лет – это почти вечность. Это целая жизнь... без него.

– Пойдем, Кнопка, – тихо сказал муж, обнимая меня за плечи и вытирая текущие по моим щекам слезы. – Пора домой. Дети заждались.

Я всхлипнула и улыбнулась ему, прячась в его объятьях, таких надежных и привычных. Родных. Домой...

– Не реви, не выкинем твоего спящего красавца, – тем временем успокоил меня муж, которому на ум пришли те же ассоциации. – И в погреб не засунем, так и быть. Поставлю его тебе в отдельную комнату, будешь приходить и любоваться. Все же не чужой ушан, да и мужик оказался хороший. Жаль, морду я ему как следует набить не успел.

– Мужская логика? – не выдержала и снова всхлипнула я, следя, как четверо орков затаскивают кристалл с Эльре в сани и заботливо прикрывают его шкурами.

– Ну есть маленько. Я ему двинул, когда он Никитоса привез. Но мало, Кукушонок не разрешил, сказал, что это хороший зайчик и его бить нельзя. Пришлось отложить разборки на потом, да все некогда было, и не к месту – мы тебя искали. Ушастый пол-континента магов на уши поднял. Полезный оказался эльф, короче. Вот и договорились, что разберемся между собой по-мужски после того, как тебя вытащим. Кто ж знал, что эта хитрая морда и здесь обдурит!

Непривычно многословный Лешка за время своей речи успел устроить меня в других санях, накрыть пологом и даже вытащить откуда-то котелок с горячей густой похлебкой. И явно старался отвлечь меня от тяжелых мыслей нарочито шутливым тоном. Но я чувствовала, что ему тоже тяжело. Немыслимым образом самоотверженный ушастый жулик и эгоист успел завоевать и Лешкину симпатию...

Я не знаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы упрямый эльф не уснул на триста лет. Вряд ли они с моим мужем договорились бы настолько, чтобы меня поделить. Да и мне эта мысль казалась дикой несмотря ни на что. А так...

Через оркский портал мы прошли сразу в ту долину, где нас ждали дети. Наши дети...

Кочевье уютно устроилось между двумя довольно высокими холмами, на берегу довольно шустрого и говорливого ручья. Белые

перевернутые пиалушки юрт разбрелись по обоим его берегам, ярко выделяясь на фоне только-только пробившейся первой зелени.

Лешка остановил коня, на котором мы ехали и с улыбкой спросил:

– Красивое место, правда? Там чуть дальше лес, говорят грибов по осени – хоть косою коси.

– Красиво, – согласилась я, но сама в это время до рези в глазах всматривалась в мельтешащих среди юрт ребятишек. И не ошиблась. От гомонящей стайки черноволосых маленьких колобков вдруг отделился один светленький, и резво покатился в нашу сторону.

Я едва не спрыгнула с седла, муж еле успел меня придержать:

– Да куда ж ты... Кнопка! А ну спокойно, и не реви! Напугаешь ребенка!

Какой там! Уже через несколько секунд я, рыдая и хохоча от счастья одновременно, поймала восторженно визжащий колобок в объятья и закружилась на месте, обнимая и целуя укутанного в оркские одежки Кукушонка.

А от крайней юрты к нам уже бежала Катюшка, причем так и держа на руках своего липучего крокодилчика. Ее Крокодил едва поспевал за шустрой Котейкой, и тоже чего-то явно ворчал совершенно в Лешкином стиле. То ли про “Споткнешься и упадешь, полоумная”, то ли про “Он уже тяжелый, хватит баловать!”

Словами не передать то чувство, которое переполнило меня и выплеснулось в виде огненных фейерверков, когда я вдруг поняла, что моя семья – вся моя семья! Снова со мной! И никто больше нас не разлучит!

– Теперь у нас не мама, а артиллерийская установка, – не преминул пошутить муж, со смехом обнимая сразу нас всех – меня, Кукушонка, Катюшку, даже выпустившую из рук своего Шику... Эрхой остановился чуть поодаль и улыбался во все тридцать два – или сколько их у него там – клыка.

– Ну вот мы и дома, – подытожил муж какое-то время спустя, когда мы немного наревелись, наобнимались и успокоились. – Пошли, Кнопка, нам там юрту выделили... глянь хозяйским взглядом. Здешние женщины довольно ревниво относятся к обиходу, да глазливые сверх всякой меры. Но я не сомневаюсь, ты у меня быстро в авторитет войдешь... особенно как Найда из загула вернется, с довеском. У нее сейчас как раз течка и стая усвистала в степи. А тут уже очередь

образовалась, кому щеночков прямо так хочется, что аж переночевать негде.

Я счастливо улыбнулась мужу и прижала к себе детей. Юрта? Хозяйство? С соседками контакт наладить? Авторитет? Да с удовольствием!

– Ага, мам, они тут любят разговоры заводить про то, что Великому Шаману добрая орчанка нужна, а не безрукая магичка, – в тему наябедничала Катерина. – Пришлось в глаз дать даже... и вообще! – она вдруг смутилась и прижалась к моему боку, а потом прошептала на ухо: – Ма-ам! Мне с тобой поговорить надо... а то тут... одна грудастая корова на Эрхой глаз положила, а папа запретил мне драться!

– Вот когда у тебя самой эти... самые отрастут, тогда и будешь за него воевать. Ты сначала научись со своим Эрхой не цапаться по пятнадцать раз на дню, – у Лешки всегда был очень хороший слух и свои представления о воспитании дочери. – А то я первый ему индульгенцию выдам тебя отшлепать.

Катерина фыркнула почти одновременно с идущим в паре шагов Крокодилем и стрельнула в него глазами.

– Милые бранятся, только тешатся, – урезонила я и улыбнулась. Как хорошо... как хорошо!

Лешка вместе со всеми проводил глазами взмывший в небо огненный шар фейерверка – упс, я не нарочно, просто уже не могу удержать в себе так много счастья – и озабоченно заметил:

– Да, Кнопка, придется нанимать какого-нибудь мага из городских, чтобы научил тебя хотя бы потолок не прожигать. Заодно и маленьким хулиганом займется, а то сынуля тоже приловчился чуть что искрами швыряться.

– Разберемся, – отмахнулась я. Мы, наконец, дошли до выделенной нам юрты и оказалось, что она размером с... с дом. Ого! Хорошо живут у орков шаманы... Кстати, деликатные соседи явно осознанно сегодня смотрели и улыбались нам издали, от порогов своих юрт. Даже любопытную ребятню попридержали. Думаю, не так все и страшно будет с авторитетом-то.

Ну что же. Кажется, этот мир все же повернулся ко мне лицом, а не... тем местом, каким он упорно стоял все это время? Трудности еще

будут, но разве это трудности по сравнению с тем, что мы уже пережили?

Нам еще только предстояло построить себе настоящий дом, прижиться среди орков, завоевать их уважение и доказать, что мы стоим своего Великого Шамана. Дождаться, пока Катерина с Крокодиллом перестанут собачиться по любому поводу и повзрослеют настолько, чтобы стать настоящими мужем и женой. Овладеть огненной магией – и моей и сыночкиной. Обеспечить прочный мир в степи, разобраться с Никиткиным эльфийским наследством.

Нам очень много еще предстояло. Но мы были вместе, и одно это вселяло уверенность – мы со всем справимся!

А кристалл со спящим эльфом, который бережно привезли в крытой повозке и устроили сначала в отдельной юрте, а потом и в отдельной комнате, как Леша и обещал, действительно стал нашим семейным сокровищем... и горьковато-терпким напоминанием о том, что так и не сбылось.

Он так и стоял в особой комнате следующие триста лет, и я навещала его почти каждый день, хоть на пару минут. Постепенно сам Эльре словно ушел в туман, забвением подернулись его слова, запах, чувства... только тянущее какое-то сожаление, постепенно переродившееся в легкую светлую грусть.

Осталась всего лишь красивая до перехваченного дыхания картинка внутри огромного кристалла. Которая так и не проснулась.

Ни через триста лет, ни через шестьсот, когда я сама уже собиралась уходить из этого мира вслед за мужем. Мы прожили великолепную и очень долгую жизнь. Моя магия и его собственные способности шамана позволили Алексею не стареть очень долго, так что мои страхи не сбылись, и он не оставил меня молодой вдовой. И теперь, когда его силы уходили на глазах, я со спокойной душой и легким сердцем собралась в путь. А мой спящий эльф не останется без попечения. О нем позаботятся как о самом главном сокровище.

Дети выросли. Катерина все же вышла замуж за своего Крокодила и родила ему еще двоих детей. Никита, как настоящий эльф, вырослел гораздо медленнее, чем другие дети, но он никуда и не торопился, сполна наслаждаясь свободой детства и ранней юности. А потом...

А потом паршивец сбежал покорять эльфийские земли и требовать свое наследство. Скольких седых волос стоило нам его

приключение, сколько раз едва не разразилась война, когда он умудрялся в очередной раз влипнуть в неприятности!

Но сын всегда справлялся сам. И в конце концов добился своего. Стал полноценным эльфийским лордом, вошел в совет, и медленно, последовательно, но через колено ломал эльфийское высокомерие. Он твердо вознамерился построить единый мир для всех...

А потом сыночка влюбился и мы несколько лет жили на вулкане, потому что его ненаглядная эльфийка оказалась той еще оторвой. Первая лучница, первая женщина-егерь. Но внуков она мне родила как на подбор.

Они уже тоже выросли... многое изменилось в этом мире с тех времен, как несчастная и растерянная попаданка искала свою семью и пыталась выжить. И эти изменения мне нравились.

Но всему приходит конец. Что-то ждет нас за порогом? Ведь я точно знаю – смерть – это только начало.

Эпилог.

Первая Межрасовая Орбитальная станция дальнего космоса "Натаэль". 3017 год от объединения. Археологический музей центрального яруса.

– Да подожди ты! Тихо... ох, arrasраш!

– Сама тихо, дура ушастая! Только попробуй экспонат уронить, я за тебя больше ни одной домашки по астронавигации не сделаю, поняла?!

– От зеленой мымы слышу. Подвинься, крокодилица... подумаешь. Попросишь еще у меня шпору по истории рода! И вообще, это была твоя идея поучаствовать в дурацком пари!

– Ладно, не ворчи... где тут блин этот спящий древний ушан? Слушай, а вдруг он давно в мумию превратился? Я что-то не готова целовать труп...

– Раньше надо было думать... пчхи! Откуда тут столько пыли? Автоматические уборщики отменили как класс?

– Ой, вот он! Смотри!

– У-ух ты-ы...

Две щупленькие тени, крадущиеся в темноте запасника главного археологического музея первой межрасовой орбитальной станции "Натаэль" скрестили лучи от фонариков на большом, тускло отсвечивающем кристалле.

– Ну и как его целовать? – немного разочарованно спросила тоненькая светловолосая девочка лет семнадцати, машинально заправляя за изящное заостренное ушко светлую прядь.

– А шархуш его знает, – задумчиво отозвалась вторая, довольно высокая и чуть угловатая девочка, чье милостивое личико было украшено узором из золотисто-зеленой чешуи, а огромные янтарные глаза светились, кажется, сами по себе.

Девочки несколько минут зачаровано вглядывались в глубину таинственно мерцающего кристалла и любовались совершенной и безмятежной красотой замурованного в нем мужчины.

– Совсем молодой, – задумчиво прокомментировала змедевочка, подсвечивая себе фонариком, чтобы лучше разглядеть экспонат.

– Ага. И какой-то слишком... идеальный. Знаешь, ну вроде как статуя. Слу-ушай! А тебе не кажется, что это все одно большое... э... большая афера? Никакой это не эльф из легенды про прародительницу, а просто голограмма? Компьютерная картинка, замаскированная под артефакт!

– Ты только Катерине Никитичне такого не скажи. Она тебе живо выпишет артефактную голограмму по заднице за незнание истоков...

– Нет, ну ты серьезно? Веришь, что это все правда? Эти сказки про прародителей, ну, что Натаэль любил не только ее муж, Великий Объединитель, но и какой-то неизвестный эльф, который пожертвовал за нее жизнью и заснул на триста лет?

– Ну, учитывая, что твой конкретный предок был ее сыном и при этом наследником великого эльфийского рода, – усмехнулась зелененькая. – Ох, Наташка, вечно ты как придумаешь что-то.

– Я? Я придумаю?! – возмутилась блондинка. – Если хочешь знать, это все вообще неправдоподобно! Вот прямо не прародительница, а эта...мери-сью. И из другого мира пришла, и детей своих нашла и сберегла, и самой главной женщиной в оркских племенах стала, и самой крутой магией огня оказалась, и все-то в нее были влюблены, и даже эльф за нее на смерть пошел! – Наташа махнула рукой. – Это все легенды. Сказки! Ты вспомни психологию эльфов тех времен! Они на другие расы смотрели, как на говорящих обезьян! И чтобы такой влюбился в человечку?

– А это тогда что? – змедевочка насмешливо ткнула пальцем в кристалл. – Вот же тебе, эльф. Спящий. Все как в легенде!

– Да голограмма это! Кит, не тупи! Если бы все было правдой, то чего бы этому влюбленному эльфу не проснуться, когда триста лет прошло? Какой у нас теперь год от великого объединения, напомни? А? Три тысячи пятьсот семнадцатый, кажется?

– Ну просчитался немного мужик, – хихикнула Кит и поскребла по гладкой хрустальной поверхности коготком. – Все же не в пожаре обгорел, в демонском пламени. Дольше пришлось отлеживаться. Вот и стал экспонатом... заметь, вашим родовым, даже на орбиту подняли.

– Это все идеология и патриотическое воспитание, – фыркнула юная нигилистка. – Наверняка у него там под днищем панель управления. Ну-ка... посвети!

– Наташка! – испугалась Кит, и попыталась поймать подругу за рукав комбинезона, но наноткань выскользнула из пальцев, как живая. – Тьфу, полоумная! Вылезай, если ты сейчас главный экспонат музея грохнешь, я ни за что не отвечаю!!!

– Не грохну, только панель сниму на моб! Чтобы некоторым доказать... ай, блин! Порезалась... arrasрраш!

– Сдалась тебе эта панель! Щелкни давай этого спящего красавца просто в доказательство, что мы тут были и валим, пока чего не... ой! АЙ! Что ты опять натворила, дура?!

– Ни... ничего я не творила... – тут же открестилась блондинка, шустро выползая из под хрустального саркофага, у которого внезапно и непонятно куда исчезла верхняя часть, прикрывавшая спящего эльфа словно крышка гроба.

– Вот вечно... вечно! – забухтела Кит, тоже опасливо отступая. – Вечно с тобой не шархуш так демонюка! Голограмма, голограмма! – передразнила она противным голосом. – Вон тебе! Иди пощупай свою голограмму!

– Чего это мою? – угрюмо отозвалась Наташа, вытянув шею и очень осторожно заглядывая в хрустальный “гроб”.

– А чью?! Это вообще твой семейный эльф. Вот и целуй его! Ты проспорила, между прочим!

– Мы проспорили, – поправила блондинка. – Фу-у-у... он же дохлый! Наверное... может ну его?

– Чего это дохлый?! На вид как новенький! Целуй, а я щелкну на моб, представляешь, как Урлыська зубами будет скрипеть? Она-то рассчитывала, что мы струсим!

– Угу, а потом выложит на стационарный серв, где то, как я целую труп увидят все. И Лоши! – Наташа сопротивлялась уже по инерции. Какое-то неведомое чувство – смесь любопытства, предвкушения и чего-то еще влекло ее к странному эльфу как магнитом. – А, ладно! Снимай! Целую! Раз-два-три!

Блондинка вдохнула побольше воздуха, как перед прыжком в воду, стремительно шагнула к саркофагу, наклонилась, зажмурилась и стремительно клюнула лежащее там тело прямо в губы. В теплые, мягкие, живые губы, которые вдруг ответили на поцелуй!

– Ммммм! – Наташка отчаянно запищала, когда внезапно оживший и севший на своем ложе эльф поймал ее в крепкие объятия, одним рывком затащил к себе в гроб и снова поцеловал, крепко, настойчиво и нежно.

– Орки зеленые... – в ужасе пробормотала Кит, продолжая машинально снимать все происходящее на моб, но почти сразу опомнилась и завизжала, а потом без колебаний бросилась спасать подругу из смертельных объятий ожившего страшилища.

– Отпусти ее, трупак поганый! – воинственно выкрикнула она, вскарабкавшись в гроб и в запале саданула чудище зажатым в кулаке мобом куда достала.

Наташа к этому моменту тоже слегка опомнилась и принялась отбрыкиваться.

Двойной атаки трупэльф не выдержал, выпустил жертву и сам шарахнулся к противоположному бортику гроба.

– Почему я не удивлен, михеле? – голос у него оказался чарующе мягким, но чуть хрипловатым, словно после долгого сна. – Что за нехорошая привычка драться в ответ на поцелуй? Тем более, на этот раз ты первая начала.

– Ма-ма... – жалобно пискнула Наташа, выползая из гроба и оттаскивая от него такую же обалдевшую Кит. – Это... проснулся?!

– Я заметил, – эльф немного недоуменно прищурился на стоящую по соседству модель первого планетолета. – Хм. Птичка, а сколько я спал?

– Три тысячи пятьсот лет с хвостиком, – машинально ответила Наташа. – И я вам не птичка!

– Сколько?! – ошеломленно переспросил восставший покойник и схватился за голову. – Аррасрраш...

Больше он ничего сказать не успел, потому что в помещении внезапно зажегся яркий свет и от неожиданности все зажмурились. А когда открыли глаза и проморгались, рядом с девчонками уже стояли два новых персонажа.

Парни были на вид чуть постарше девчонок, один змеелюд, второй человек, но явно с примесью орочьей крови. Вот этот самый второй как раз и скрестил руки на груди и немного насмешливо выдал:

– Так-так-так. Наташа! Опять?!

– Отстань, Лош, – мрачно отозвалась авантюристка, обиженно надув губы.

– Я тебе отстану! Сколько можно?! У меня не девушка, а ходячая... засранка! Я как только услышал про ваше дурацкое пари, сразу понял, что ничем хорошим это не кончится!

– Да кто тебе сказал, что я твоя девушка?! – Блондинка возмущенно подпрыгнула на месте и воинственно растопырила эльфийские уши. – Не воображай себе! Подумаешь! Я сама по себе, ясно?!

– Ясно, ясно, – успокаивающе улыбнулся Лош, скосив глаза на другую парочку – Кит выделяться не стала и давно спряталась в объятьях второго пришельца. – Я помню, что ты ужасно независимая, никогда не выйдешь замуж и не родишь мне двух очаровательных деток. Так, кажется?!

– Вот именно! – Наташа непримиримо выпятила подбородок и расправила тощие плечики. – И вообще... вот.

– Кхм! – за перепалкой все успели забыть про эльфа в гробу и едва не подпрыгнули, когда он вдруг подал голос. – Я, конечно, извиняюсь, но вы не возражаете, если я вылезу из этого... эм... сооружения?

– Откуда ты его взяла, неугомонная? – обреченно вздохнул Лош, с интересом разглядывая бывший экспонат. – Прямо вылитый первородный. Вылезайте, конечно.

– Ниоткуда я его не брала, – насупилась блондинка, искоса поглядывая то на одного, то на другого. – Сам проснулся. Это тот самый, представляешь? Наш, семейный!

– Не представляю, – честно признался Лош. – Но разберемся. Вот что, надо Катерине Никитичне позвонить.

– А может не надо? – робко пискнула до сих пор молчавшая Кити из под мышки своего еще более молчаливого кавалера. – Мы его в общезитии спрячем пока...

– В женском, угу, – хмыкнул Лош и достал моб. – Нет уж, девочки. Он, может и древний, и семейный, но живой. Пойдемте, уважаемый.

Эльре кивнул, позволив увлечь себя к выходу из этого странного места. Демоны, неужели мир настолько изменился, пока он спал? Впрочем, время оглядеться и понять, что произошло, у него еще будет. А пока он перевел взгляд со своей михеле, которая при ярком свете оказалась почему-то гораздо моложе той, что он оставил в прошлом, на такого же юного полуорка и про себя предвкушающе усмехнулся.

Значит, птичка, ты снова родилась в этом мире... наши души все еще связаны. Ты ничего не помнишь, ты еще совсем девочка и ты свободна, несмотря на полуорка, явно претендующего на твое сердце. Ну, куда же без него, аррасрраш! Мы теперь всегда будем вместе, все трое. Но на этот раз у меня есть преимущество – я все помню, я старше и опытнее, а ты еще не сделала свой выбор. Так что посмотрим... посмотрим, чья возьмет!